

Элеонора Болеславовна Прохницкая Жизнь как КИНО, или Мой муж Авдотья Никитична



«Прохницкая Э.Б. / Жизнь как кино, или Мой муж Авдотья Никитична»: АСТ, Астрель; Москва; 2011
ISBN 978-5-17-075115-0, 978-5-271-36738-0

Аннотация

Элеонора Прохницкая отличается от других авторов мемуаров тем, что эта женщина ничего не боится. Ни насмешек, ни упреков. Прочтите любую страницу, и вы тоже заразитесь ее энергией, необычностью, умением с огромным юмором, а порой и с цинизмом писать о самых щекотливых событиях своей жизни и жизни эпохи. Ее мужьями были Борис Владимиров — знаменитая Авдотья Никитична — и иллюзионист Эмиль Кио. Она была знакома с Леонидом Брежневым, Юрием Гагариным, дружила с Галиной Брежневой, Нани Брежневой, Натальей Дуровой. Если вы хотите увидеть или вспомнить

другую советскую эпоху — без глянца показных автобиографий, без выверенных и безвкусовых актерских баек, — эта книга для вас. Прохницкая своими мемуарами удивит всех. Кроме того, издание дополнено большим количеством фотографий из личного архива актрисы, которые она долгое время не решалась публиковать по вполне понятным причинам.

Элеонора Прохницкая Жизнь как КИНО, или Мой муж Авдотья Никитична

Часть I Жизнь как КИНО

Вместо предисловия

Помню, как мой отец в день своего сорокалетия сказал: «Боже мой! Мне уже сорок лет! Не верится! Я все еще чувствую себя мальчишкой. Как быстро пронеслись годы!» Я, с высоты своих прожитых 14 лет, подумала тогда: «Отец прожил огромную жизнь в 40 лет. Как он может чувствовать себя мальчишкой? Он уже старик!»

...И вот мне уже 70 лет. И теперь мне не верится в это. Я не заметила, как из девчонки превратилась в бабушку. Жизнь пронеслась как одно мгновение.

День — ночь, день — ночь проглатывают наши годы, унося нас из этой удивительной и неповторимой жизни. Я перелистываю свой дневник.

Моя жизнь была непростой. В ней перемешались счастье с горем, достижения с неблагодарностью и разбитыми вдребезги чаяниями, любовь с предательством... Она, как увлекательная мелодрама, после окончания которой хочется посмотреть ее снова.

Я отматываю пленку своей жизни назад... Поехали!

Родители. Репрессии

У меня в руках старые наручные часы, большие, тяжелые. Желтый металл потемнел, сквозь мутное стекло виден синий циферблат, секундная стрелка и надпись «Omega». На обратной стороне гравировка: «Дорогая память о дне бракосочетания. 5 августа 1935 г., г. Киев». В этот день мои родители Болеслав Прохницкий и Валентина Лукс сочетались законным браком.

Познакомились они в Киеве, где жила моя мама с родителями, двумя сестрами и двумя братьями. Ее отец — бывший русский офицер, награжденный двумя Георгиевскими крестами, — торговал в бакалейной лавке. Ее мама — дочь заводчика Германа Краншевского, чей завод в 1917 году был национализирован и назван «Большевик», — занималась воспитанием детей.

Мой отец рано стал сиротой. Его отец, инженер на железной дороге в Каменецк-Подольске, трагически погиб. Мать, не сумевшая пережить это горе, вскоре умерла. Моему отцу было двенадцать лет, его брату Тадеушу — восемь лет, сестре Стасе — шесть. Воспитывались они у дяди. После окончания школы отец пошел работать на шахту, чтобы давать деньги дяде за содержание брата и сестры. За отличный труд на шахте он был премирован путевкой на обучение в Ленинградскую воздухоплавательную академию.



Мамины родители Екатерина и Константин Лукс были категорически против ее замужества с Болеславом

В то лето отец приехал в Киев навестить свою сестру Стасю. Отец увидел маму случайно, когда она со своей мамой шла с рынка домой на улицу Ленина. Отец был буквально сражен наповал красотой этой восемнадцатилетней девушки: стройная, с тонкой талией, с копной пышных, горящих на солнце золотистых волос, с огромными серо-голубыми глазами... Отец, не раздумывая, пошел за ней, не решаясь заговорить в присутствии ее мамы, и, проводив их до самого дома, узнал, где она живет.

Несколько дней он дежурил у ее дома в надежде, что она выйдет одна. И однажды, когда мама пошла в кино со своей подругой, отец заговорил с ней.

Между ними вспыхнула яркая, сильная любовь.

Родители мамы были категорически против этого брака: «Во-первых, тебе нужно закончить консерваторию, а во-вторых, красивый муж — не твой муж, запомни это!»

Но мама ничего не хотела слушать. Она закончила второй курс Киевской

консерватории по классу арфы и тайком бежала из родительского дома с отцом в Ленинград.

Убийство Кирова в Ленинграде открывает эпоху кровавых репрессий. Начались аресты. Отец, поляк по национальности, бросает четвертый курс академии, и они с мамой переезжают в Москву, наивно думая, что там отцу не грозит арест. Он продолжает учебу в МАТИ. Но когда в печально известном 1937 году родилась я, отцу пришлось бросить учебу и устроиться на работу в МАТИ снабженцем по материально-технической части, чтобы содержать семью. В 1938 году мама со мной, годовалой, поехала в Киев к своим родителям. Был июнь месяц. Отец провожал нас в ослепительно-белой форме гражданской авиации.



Счастливые молодожены. 1935 год

Возвращались в Москву мы в августе, нагруженные корзинками с банками варенья, соленьями, украинской домашней колбасой, салом, фруктами и прочей снедью.

Меня летом нельзя было оставлять без материнского молока, и поэтому мне от бабушки, в качестве гостинца, достался большой бублик, повешенный на шею на розовой ленточке. Этот бублик спас мне жизнь...

Провожала нас вся мамина семья. Поезд тронулся. В вагоне стояла нестерпимая духота. Мама покормила меня грудью. Укачанная размеренным стуком колес, я заснула.

Все мысли мамы были о ее любимом Болеславе. Она мечтала о том, как он встретит нас на вокзале, как она будет угощать его домашней украинской колбасой и украинским салом, которое он так любил.

Поезд подъехал к Нежену. На платформе у нашего вагона стоял черный воронок. «Чего это он сюда заехал?» — подумала мама. Дверь в купе с шумом открылась и двое в форме НКВД вошли в купе.

— Кто Прохницкая?

— Я...

— Быстро на выход!

— Куда! У меня билет до Москвы. У меня грудной ребенок... она спит...

— Не разговаривать! На выход, быстро!

Мама взяла на руки меня и свою сумочку, в которой был билет, паспорт и немного денег. В растерянности от происходящего корзинки с гостинцами родителей она оставила в

купе.

Нас усадили в воронок на заднее сиденье. Рядом сел энкавэдэшник.

— Куда вы нас везете?

— Скоро узнаете.

Машина остановилась во дворе двухэтажного старинного особняка. Это был следственный отдел Лукьяновской тюрьмы.

Вдалеке на солнце сверкали золотые купола Владимирского собора.

— Так мы в Киеве? — спросила мама.

— Вперед! — Вместо ответа энкавэдэшник подтолкнул маму в спину и повел по длинному коридору. Постучав в одну из дверей, он доложил: «Прохницкую доставили».

Мама в нерешительности остановилась на пороге кабинета.

Сидевший за столом мужчина лет пятидесяти, в защитной форме с одной шпалой в петлице, «квадратный», стриженный под ежика, просверлил ее колючим взглядом.

— Прохницкая? — уточнил он.

— Да...

— Ну что, так и будем стоять в дверях? Проходите, садитесь, разговор у нас будет долгим. Рассказывайте!

— Что?..

— Вы тут дурочку не ломайте и артистку из себя не делайте. Мы не в театре.

— Но я правда не понимаю...

— А тут понимать нечего! Рассказывайте все о своем муже.

— О моем муже? Что с ним?

— Здесь вопросы задаю я. Итак. Ваш муж Болеслав Прохницкий — польский лазутчик, шпион... Продолжайте!

Мама поняла, что Болеслав арестован. Я сильно плакала и тянулась ручонкой к маминой груди.

— Я жду, Прохницкая. Отвечайте!

— Я не буду. Мне надо покормить дочку. Отвернитесь.

— Что, меня стесняешься? — Следователь перешел на «ты». — А спать со шпионом не стеснялась?

В дверь кабинета постучали. На пороге показался в такой же форме худой, с прилизанными волосами и с хитрой, острой мордочкой следователь. «Квадратный» ушел, а этот сел на его место.

— Фамилия?

— Прохницкая.

— Ну что, Прохницкая, так и будете тут нам голову морочить? Рассказывайте все, как есть!

— Спрашивайте, я отвечу...

— Что делал ваш муж, польский шпион, на инженерном факультете Ленинградской воздухоплавательной академии?

— Учился.

— Ложь! Кто и когда его туда забросил, чтобы узнать секреты нашего самолетостроения?

— Я уже говорила... Он сирота. Работал на шахте. Был ударником. Комсомолец. Его направили учиться в Ленинград... — измученная допросом первого следователя, ослабевшая без еды, мама говорила очень тихо. Ее клонило ко сну.

— Не спать, Прохницкая, не спать!

Следователь с «хитрой мордочкой» промучил ее до шести утра. В шесть часов пришел «квадратный».

Мама покормила меня последний раз. Больше молока у нее не было.

Я, довольная и повеселевшая, играла со своим бубликом, раскачивая его на ленточке словно маятник часов. Увидев «квадратного», я улыбнулась ему, как старому знакомому и,

продолжая раскачивать бублик, объяснила ему: «Тиса!»

Шли вторые сутки маминых мучений. «Квадратный» помолчал несколько минут и, произнеся многозначительно: «Так, так...» — начал задавать одни и те же вопросы.

Я, проголодавшаяся, громко кричала. Но мама будто не слышала ничего. Она очень хотела спать. Глаза ее слипались, тяжелая голова падала на грудь, мысли путались, и все происходящее было каким-то смутным, как бы ненастоящим. Ей казалось, что руки и ноги стали большими и легкими и она, словно надутый шарик, висит в воздухе.

— Не спать, Прохницкая, не спать! — озверело заорал «квадратный».

Мама вздрогнула, как от удара хлыста.

Она открыла глаза: на ее руках спящая дочь, за столом — «квадратный». «Почему не плачет дочь? — встревожилась мама. — Она, видимо, ослабла без еды. А у меня нет молока. Бублик! Наше спасение — бублик!» — осенило маму.

С трудом шевеля пересохшими губами, она попросила «квадратного»: «Дайте попить».

Тот плеснул в стакан из графина теплую затхлую воду.

Мама смачивала в воде кусочки бублика, а я с жадностью их ела. Недоеденный кусок бублика я протянула маме: «На!»

Применяя бесчеловечную пытку голодом и лишением сна, НКВД «выбивали» нужные им показания и признания из арестованных.

Однако, сменяя друг друга каждые 12 часов, изнуряя маму голодом и лишением сна, два следователя следственного отдела Лукьяновской тюрьмы так и не услышали от мамы того, что им нужно было услышать.

«Оставалась одна последняя, но очень болезненная точка, на которую если нажать как следует, то, несомненно, последует нужный нам результат, — решил „квадратный“. — Это — дочь Прохницкой. Мать сделает все, чтобы сохранить своего ребенка».

«Квадратный» наклонился над мамой. «За сокрытие фактов, за соучастие в шпионаже вашего мужа вы сегодня же будете отправлены в тюрьму на Лукьяновку. Вашу дочь мы сдадим в детский приемник».

— Повторите, куда вы сдадите мою дочь?

— В детский приемник. Там из нее вырастят достойного члена нашего общества, — он протянул свои мясистые руки с квадратными пальцами и схватил меня. Я заплакала.

— Не дам! Не дам! Не дам! — закричала мама, пытаясь вырвать меня из рук «квадратного».

Но «квадратный» крепко держал меня. Мама понимала, что силы неравны, и тогда она, как разъяренная львица, впиалась в ненавистную руку «квадратного». Тот взвыл от боли, однако меня из рук не выпускал. Но мама до тех пор не разжала зубы, пока «квадратный» не отдал меня ей. Он достал из аптечки йод: «Ну, сука, ты дорого заплатишь за это».

Мама судорожно прижимала к себе маленькое теплое тельце. Нервы ее явно сдали. Она плохо владела собой. Ее начало трясти. На голову что-то давило и в ней калейдоскопом проносились хамство, грубость, оскорбления следователей. Эти мучения длились уже двое суток. А ведь это будет продолжаться снова, а защитить ее некому. И тогда она, как в детстве, когда бывает больно или страшно, изо всех сил закричала: «Мама! Мамочка!»

Этот крик отчаянья, словно звериный рев, пронесся по кабинету и вырвался в коридор. Дверь кабинета приоткрылась, и в ней показалось серое помятое лицо энкавэдэшника с двумя шпалами в петлице. Начальник распорядился: «Это что за крики? Чтоб потише было!»

— Шпионская подстилка, психопатка, — прошипел следователь, — бешеная... Но мы с тобой еще встретимся.

Взяв с мамы подписку о невыезде из Киева, в половине пятого утра «квадратный» выкинул нас на улицу.

Мама уехала в Москву на следующий же день. Она надеялась, что арест Болеслава был недоразумением, что во всем уже разобрались и он ждет ее в их маленькой комнатке общежития МАТИ в Долгопрудном.

Меня мама оставила у бабушки. Во избежание каких-либо осложнений с законом мама

уезжала не из Киева, а из Дарницы.

Но ни дома, ни на работе отца не было. Мама узнала, что он был арестован еще в июле, прямо на улице возле МАТИ, куда утром шел на работу.

Все это время в подвалах НКВД на Лубянке из него «выбивали» признание в том, что он — польский шпион.

Метод был один и тот же: два следователя попеременно допрашивали отца, сильно били, лишали сна и еды.

Один следователь бил его толстым резиновым прутом, завернутым в газету. Он бил по спине, икрам, пяткам, почкам, в пах.

Другой следователь, «гориллообразный», бил отца черной кожаной перчаткой, в которую был вложен кастет, в голову. В день ему давали 300 г черного хлеба и воду. Спать полагалось только 3 часа.

«Гориллообразный» следователь вел очередной допрос. Сегодня он был явно не в духе. Даже на расстоянии от него разило перегаром. «Гориллообразный» подошел к отцу и некоторое время молча смотрел на него. Затем ударил отца в голову кожаной перчаткой.

Отец упал со стула на пол.

— Поднимайся, польская сволочь! Лазутчик! — Следователь пнул в лицо отца сапогом. Отец с трудом поднялся: голова кружилась, в ушах звенело. Он знал, что одним ударом «гориллообразный» не ограничится.

Следующего удара он решил не ждать. «Я убью этого зверя. Все равно ведь меня расстреляют».

Отец стоял, слегка покачиваясь, и исподлобья в упор смотрел на следователя. Глаза его были неподвижны. В них было столько ненависти, ярости и решительности, что следователь вышел из-за стола, встал у двери и заорал: «Сесть на место!» Отец продолжал стоять: «Боишься, негодяй, и правильно делаешь», — подумал он. Отец схватил со стола тяжелый граненый графин с водой и с силой запустил его в голову следователя. Тот, однако, сумел увернуться. Графин вылетел в коридор, разбился вдребезги, и у ног проходившей государственной комиссии разлилась большая лужа.

Один из них, старший по званию, заглянул в кабинет.

— Что у вас здесь происходит?

— Разрешите доложить, — следователь вытянулся по струнке.

— Я хотел бы выслушать подсудимого.

Отец молча поднял рубашку и показал кровавые рубцы на теле и ссадины на голове.

Старший из комиссии вытащил из перчатки кастет.

— Вы свободны, — сказал он следователю и, обратившись к отцу, объяснил: — Наша госкомиссия создана по указанию товарища Сталина для расследования массовых арестов наркомом в нудел Ежовым. Мы разберемся. Рассказывайте, товарищ Прохницкий...

Больше на допросы отца не вызывали. Через два месяца его выпустили. Отцу повезло. Его не постигла трагическая участь многих безвинно арестованных и расстрелянных.

Благодаря проверочной государственной комиссии, созданной хитрым кремлевским горцем, чтобы отвести от себя следы своих зверских злодеяний и переложить всю вину на Ежова, отцу удалось избежать расстрела.



Папина любимица. 1937 год

Домой отец вернулся в ноябре. Некогда ослепительно-белая летняя форма гражданской авиации, в которой летом отец провожал нас с мамой в Киев, была серо-грязной и болталась на нем, как на вешалке. Он был очень худ. Глубоко запавшие глаза, отросшие длинные волосы и борода изменили его до неузнаваемости.

Отца восстановили на работе в МАТИ. Они с мамой зажили прежней жизнью.

Под Новый год бабушка привезла меня из Киева.

Пока я жила у бабушки, я отвыкла от мамы и называла ее Валя. В первый же вечер я устроила родителям «концерт». Я вылезала из кроватки и, взъерошенная и красная от слез, что-то пыталась сказать сквозь рыдания и очень сердилась, что меня не понимают. Никакие уговоры на меня не действовали, я упорно требовала своего.

Наконец родители с трудом сумели разобрать мой «монолог»: «Не буду спать у Вали. У Вали нету Бога».

И только обещание, что «завтра Бог будет», успокоило меня.

Бабушка в Киеве научила меня молиться перед сном. Оставшись летом без материнского молока, я заболела кровавой дизентерией. Лечение не помогало. И когда на выздоровление уже не осталось никакой надежды, бабушка, перед смертью, покрестила меня во Владимирском соборе.

Господь милостив, он даровал мне жизнь...

...На следующее утро, встав в своей кроватке, я, не забыв обещанное вечером отцом, напомнила ему: «Где Бог?»

Данное слово надо было держать.

Но о том, чтобы в то время достать, а тем более повесить икону в комнате супружеской пары — комсомольцев, не могло быть и речи. Но слово, данное дочурке, надо было держать. Отец нашел выход: он снял со стены МАТИ портрет Всесоюзного старосты М. И. Калинина и повесил его над моей кроватью.

Увидев его, я, однако, уточнила: «Это Бог?»

«Бог, Бог», — успокоила меня мама.

Перед сном я неумело крестилась, добросовестно кланялась, упираясь головой и руками в пол, и только после этого ложилась спать в свою кровать.

С раннего детства отец твердил мне слово «совесть!». Он был очень честным, с каким-то обостренным чувством правды и справедливости. За свою правду отец боролся до конца, был резок, непримирим, вспыльчив, порой несдержан.

В конце сороковых отец, в звании майора, работал заместителем главного врача по хозяйственной части в военном госпитале в Чернево.

Когда начались гонения на врачей, арестовали его фронтового друга хирурга Семена Розенсона, рыжеволосого, голубоглазого еврея.

Отец решил вступить за своего друга и пошел на прием к политработнику госпиталя полковнику Кареву.

— За что арестовали Розенсона?! — начал он с порога, даже не поприветствовав полковника. — Розенсон не виноват в смерти генерала Глазкова. Он умер от перитонита еще до того, как его положили на операционный стол!

— Розенсон виноват в смерти генерала!

— Это липа! Он даже не дежурил в ту ночь в госпитале!

— Прохницкий! Ты много себе позволяешь! Почему я должен перед тобой отчитываться?

— Да потому что это подло! Розенсон спас сотни жизней солдат и офицеров. Он прошел фронт!

— Ну и что из этого? Не он один прошел фронт.

— А то, что Розенсон честно воевал 4 года, а ты, Карев, отсиживался в это время в тылу. — Отец с ненавистью посмотрел на его разъевшееся лицо с двойным подбородком. — Штабная жирная крыса!

Карев подпрыгнул на стуле.

— Ты пожалеешь об этом, Прохницкий!

На следующее утро отца срочно вызвали в политотдел штаба войск ПВО к генералу Ключеву на Большой Пироговской.

Ключев принял отца нарочито холодно. Он не предложил ему сесть и некоторое время тяжелым взглядом из-под припухших век изучал его. «Сейчас я проучу этого самоуверенного, наглого поляка! Он на всю жизнь у меня запомнит, как надо разговаривать с политработниками!»

Генерал не спешил «снимать стружку» с отца. Он держал паузу, как хороший артист.

Отец смотрел на его обвислые щеки, на мешки под глазами, на живот, упирающийся в стол, на пухлые пальцы, танцующие на столе, и думал: «Пожрать ты любишь, генерал. Да и выпить, видно, тоже не дурак! Всю войну в штабе просидел, штаны протирал, пороху не нюхал! И такой-то меня, побывавшего у самого дьявола в пасти, воспитывать будешь? Ну нет, не бывать этому!»

Отец демонстративно посмотрел на часы: «Прошу прощения, генерал. Меня ждут неотложные дела».

— Молчать, Прохницкий! — Ключев с силой обрушил свой мощный кулак на стол. — Молчать!!! — Он еще раз ударил кулаком по столу.

После допросов на Лубянке отец не выносил окрика. Кровь прилила к его голове.

— Не смейте кричать на меня, генерал!

— Что?! — У Ключева задрожала нижняя челюсть. — Ты нагрубил полковнику Кареву,

а теперь мне грубишь?!

— И вы, генерал, и ваш Карев — бездельники! Все политработники — бездельники — и, не попросив разрешения, отец резко повернулся и вышел из кабинета.

— Прохницкий, ты за это ответишь! Ты долго будешь меня помнить! — выкрикнул генерал в спину уходящего отца.

«А что он мне может сделать? Я честно воевал, честно работал, не боюсь я их», — подумал тогда отец.

Единственно, о чем отец искренне сожалел, так это о том, что не смог помочь своему фронтовому другу. Подполковник Розенсон получил 10 лет без права переписки, был отправлен в лагеря, где сгинул бесследно. Место его захоронения не было известно ни жене, ни взрослым дочерям.

После инцидента отца с генералом Ключевым прошло всего три дня. Был воскресный день. Мама приготовила любимые папины щавельные щи. Во входную дверь кто-то позвонил.

— Открой, Болеслав! Это к нам кто-то на обед пожаловал, — сказала мама.

В комнату вошли трое в форме НКВД и двое понятых. Предъявили ордер на обыск. Перевернули в комнате все вверх дном. Из шкафа повыкидывали на пол постельное белье, одежду, обувь. Заглядывали под кровать, лазали на антресоли, внимательно обследовали со всех сторон пианино. И вдруг тот, кто предъявил ордер, будто бы невзначай положил руку на шкаф.

— Нашел! Так и есть! Секретный устав тыла войск ПВО! С какой целью, Прохницкий, вы держите дома секретный документ для служебного пользования?!

— Я не знаю, как он здесь оказался. Я никак не мог принести его домой, так как не имел к нему доступа.

— Прохницкий! Это вы будете объяснять не нам! Вы совершили серьезное служебное правонарушение. И отвечать будете по всей строгости закона.

Отца осудили на 5 лет и отправили в лагерь в Карагандинскую область.

Мы с мамой жили очень трудно. За работу в парикмахерской косметичкой она получала копейки, которых не хватало на еду. После работы вечерами мама ходила по квартирам своих клиенток и красила им брови и ресницы урзолом. Домой она приносила мелочь, сложенную в узелок из носового платка. На следующий день на эти заработанные деньги мама покупала в гастрономе пачкупельменей или двести граммов вареной колбасы.

...Отца выпустили по амнистии, после смерти Сталина, да и «секретный» документ был к тому времени «рассекречен».

Отец вернулся совсем другим человеком, от непотребной лагерной пищи болели желудок и печень, от подъема тяжестей болела спина, от сырого холодного карцера, куда его часто бросали за строптивый характер, развился полиартрит, от ударов кастетом по голове на Лубянке — нечеловеческие головные боли. Он потерял сон. Его нервы были расшатаны до предела. От каждого звонка в дверь он вздрагивал и просил маму: «Не открывай! Кто это может быть в это время?!»

Целыми днями он лежал на диване, отвернувшись к стене. Работать он не мог. В свои сорок пять лет он был больным, искалеченным человеком. ОНИ сумели его сломить.

Однажды он сказал: «Мне повезло, что умер этот усатый палач. Я бы сидел до звонка».

С этого дня мы с отцом стали чужими.

Я — дитя своего времени, воспитанная на принципах и устоях «самого могучего и справедливого государства в мире». Я испытала первое сильное потрясение в своей жизни, когда в раннее мартовское утро 1953 года услышала голос Левитана: «Дорогие соотечественники, товарищи, друзья! Наша партия, все человечество понесло тяжчайшую, невозвратимую утрату. Окончил свой славный жизненный путь наш учитель и вождь, величайший гений человечества Иосиф Виссарионович Сталин». По дороге в училище я плакала. Плакали люди на улице, в автобусе, в метро.

На лицах многих была растерянность. В душах — страх: «Как же теперь мы будем

жить без Него?..»

Во дворе возле училища толпились ученики и педагоги. Занятия в этот день были отменены. На 9 марта был объявлен траурный митинг. Я прочитала стихотворение, которое за одну ночь выучила наизусть:

Когда мы возле гроба проходили,
В последний раз прощаясь молча с Ним,
Мы вспоминали о великой силе
Того, кто тих сейчас и недвижим,
О том, как жил он, лучший на планете,
Как побеждал всегда в любой борьбе,
О том, как думал обо всех на свете
И слишком мало думал о себе...
Ты поведешь нас от побед вчерашних
К великим зорям завтрашних побед.
Ты, Партия бессмертных и бесстрашных,
Наш Сталинский Центральный Комитет.

Я искренне верила в то, что всем хорошим в моей жизни я обязана Сталину. Я любила его за постоянную заботу о нас, детях, и за то, что он создал нам такое «счастливое детство».

Наш конфликт с отцом закончился только после разоблачения Хрущевым «культы личности». Я училась уже в ГИТИСе, и для меня, и для многих студентов это было настоящим шоком.

Однажды мама протянула отцу конверт. «Тебе письмо. Служебное».

Он неторопливо распечатал его: «ОНИ просят меня в понедельник к 9 утра явиться во Фрунзенский райком партии».

— Надо обязательно пойти, — обрадовалась мама. — Почему ты молчишь? Ты пойдешь?

Отец закрыл глаза, отвернулся к стене и сделал вид, что уснул.

В понедельник, однако, он встал очень рано. Тщательно выбрился, нагладил брюки, до зеркального блеска начистил сапоги и, надев все свои боевые награды, поехал в райком партии на Метростроевскую улицу.

Из-за стола, навстречу ему, поднялся мужчина средних лет и, неся впереди себя вытянутую правую руку, сказал:

— Здравствуйте, товарищ Прохницкий. Проходите, садитесь.

Отец не подал ему руки.

Но райкомовского работника это ничуть не смутило. Он встал за свой стол и торжественным голосом, каким обычно в загсе объявляют молодым, что они теперь муж и жена, сказал:

— На меня возложена приятная миссия сообщить вам, что в связи с амнистией райком партии приносит вам свои извинения и восстанавливает вас в славных рядах КПСС! Поздравляю вас! — Он протянул отцу ту самую красную книжечку, которую вручили ему, раненому, под Москвой в 1941 году, ту, которую забрали у него при втором аресте.

У отца застучало в затылке, зашумело в ушах. Перед глазами поплыла серая пелена. Он уже не видел гладкого светлого лица райкомовского работника.

Перед ним сидел за столом генерал Клюев. «Ну что, Прохницкий, долго будешь помнить меня?»... Так это не Клюев, это «гориллообразный» следователь с Лубянки заносит над его головой кожаную перчатку с кастетом. Отец наклонился и закрыл голову руками. Но вдруг он почувствовал сильный удар резиновым прутом по ногам. «Зачем вы бьете по больным ногам? У меня же артрит», — хотел сказать отец, но не смог. Он услышал грубый, матерный окрик лагерного надзирателя: «В карцер этого наглого поляка. И три дня жрать не давать!»

Перед отцом вдруг возникла гигантская фигура Главного Палача, в кителе и с неизменной трубкой в руке. Взявшись за руки, все эти химеры кружились вокруг него в сатанинском хороводе. Отец слышал неторопливую речь с кавказским акцентом. «Окружайте его! Хватайте этого польского лазутчика! Бейте его!»

Отец резко качнулся в сторону, словно уходя от них.

— Что с вами? Вам нехорошо? — спросил его надзиратель вдруг голосом райкомовского работника, открывая дверь в камеру. — Может быть, вызвать доктора?

Отец поднял голову. Мутная пелена перед глазами постепенно рассеялась. Теперь он отчетливо видел перед собой лицо райкомовского работника.

— Повторите, — прохрипел отец. — Вы сказали, что райком восстанавливает меня в каких рядах КПСС? Повторите! В каких?

Райкомовский работник несколько растерялся от неожиданного вопроса и, пожав плечами, неуверенно проговорил:

— ...В славных... в славных рядах КПСС.

Отец подошел к столу райкомовского работника и с силой швырнул свой партийный билет.

— Я не хочу быть в одних рядах с палачами!

Он бежал по Метростроевской улице, плохо понимая, куда и зачем он бежит. Люди оглядывались на странного майора. А он бежал и бежал... Ордена и медали звенели, подпрыгивая, на его кителе, в такт бегущему отцу, словно бы скандируя ему громко, на всю Метростроевскую: «Па-ла-чи! Па-ла-чи!»

Мама, придя с работы вечером, застала отца таким, каким за двадцать лет совместной жизни она не видела его никогда.

Отец был сильно пьян. На столе стояла полная бутылка водки. Без тарелок валялся кусок краковской колбасы, половина луковицы, хлеб. В пепельнице дымились папироса, хотя отец сроду не курил.

Отец никогда не пил больше двух рюмок водки и презирал сильно пьющих людей.

Мама попыталась успокоить его, но он оттолкнул ее руку:

— ОНИ извинились передо мной, делая вид, что ни в 38-м, ни в 50-м ничего особенного со мной не случилось! Они извинились, будто наступили мне на мозоль! Плевал я на их извинения!

С тяжелобольным отцом случилась еще одна большая беда: он начал прикладываться к бутылке. Это окончательно погубило его и без того подорванное здоровье.

...Хоронили мы отца на далеком Домодедовском кладбище. Скорбный христианский обряд похорон был подменен там бесстыже поспешным, бесчеловечным «конвейером».

По всему ряду были вырыты могилы. Перед ними стоял стол, на который ставили гроб для прощания с усопшим.

Мы поставили гроб с телом отца, и родные, и друзья стали прощаться с ним. Вдруг кто-то постучал меня по плечу. Я оглянулась. Мужик в телогрейке, испачканной глиной, дыхнув на меня сивухой, бесцеремонно распорядился: «Ну все, заканчивайте! Вы здесь не одни!» Действительно, за нами выстроилась «очередь».



Мама с Витей прожили душа в душу почти 30 лет! 19 января 1998 года

Гроб с телом отца стали опускать в могилу. Грянул прощальный салют.

Это Родина-Мать прощалась со своим сыном-героем.

По приказу коменданта г. Москвы офицеров — участников Великой Отечественной войны полагалось хоронить с салютом и военным оркестром. Несколько продрогших на пронизывающем ноябрьском холоде солдат заиграли «Гимн Советского Союза».

А рядом с могилой отца опускали в могилу гроб не известного нам человека.

На столе прощались с кем-то, кто-то ждал своей очереди.

А выстрелы звучали, оркестр играл, и непонятно было, кому из них предназначались все эти «почести».

А может быть, всем им, обманутым Эпохой и отмучившимся наконец-то в этой жизни.

Маме было около пятидесяти лет, когда она, все еще не по возрасту молодая, стройная и красивая, встретила очень достойного человека и вышла за него замуж. Бывший фронтовик, участник первого Парада Победы на Красной площади, полковник в отставке, Виктор Владимирович Глазов, после окончания академии имени Карбышева, работал в институте мировой экономики.

В свободное время он писал картины, в основном цветы: ландыши, фиалки, розы, хризантемы, пионы, да так мастерски, что их хотелось потрогать руками: «Неужели неживые?»

Виктор Владимирович был очень начитанным, эрудированным человеком, покладистым и беспредельно добрым. Маму он боготворил. Они прожили душа в душу более 30 лет. Я очень любила этого человека, который заменил мне отца.

Он ушел из жизни первым. Мама сразу постарела. Стала болеть. Я ухаживала за ней и берегла ее до последнего дня. Определяла в лучшие клиники.



После смерти Вити мамочка сразу постарела

Мама пережила своего Витю на 6 лет. С потерей мамы, самого любимого в моей жизни человека, я ощутила себя сиротой. До сих пор не могу смириться с мыслью, что я больше никогда не услышу: «Доченька!» — и что мне больше никому будет сказать: «Мама!»

В осажденной Москве

4 июня 1941 года мне исполнилось четыре года, а 22 июня началась война.

У отца была долгосрочная бронь.

Но когда немцы подошли к Москве и 3 июля 1941 года выступил по радио И. В. Сталин, отец сдал свою бронь и ушел на фронт.

Почти все семьи преподавателей и работников МАТИ были эвакуированы в Новосибирск. Мама отказалась уезжать из Москвы. Уходя на фронт, отец сказал: «Ждите меня дома. Я скоро вернусь». Но «скоро» не получилось. Он провоевал четыре года и закончил войну в Берлине.

Нас с мамой и еще двух женщин с детьми поселили в общежитие МАТИ, в старинный двухэтажный дом с толстыми стенами и с деревянными ставнями на окнах на улице Мархлевского, напротив знаменитого дома России.

Моя детская память сумела сохранить некоторые эпизоды нашей с мамой жизни в осажденной Москве.

Помню, как отец, перед отъездом на фронт, обеспечил нас едой. Он где-то сумел раздобыть и насыпать под лестницей, в холле дома, целую гору картофеля и вкатил кадушку с кислой капустой.

Улицы Москвы были почти пусты. Изредка по Сретенке проходили солдаты, тащившие на длинных веревках аэростаты. Такие же серые аэростаты висели в небе над Москвой. На улицах были установлены противотанковые ежи и горы мешков с песком.

Осень была очень холодная и уже в октябре Москву припорошило первым снегом. Поползли слухи, что немцы входят в город.

Мне особенно запомнилось, как вереницы машин, повозок, телег двигались все куда-то в одном направлении. Многие шли своим ходом, таща на себе мешки и чемоданы. Москва была в панике. В магазинах бесконтрольно раздавали продукты без карточек.

Знакомая продавщица из соседней угловой булочной сказала маме: «Быстро принесите наволочки. Я вам насыплю сахара и макарон. Чтобы немцам не досталось. Они не сегодня завтра войдут в Москву».

— Спасибо, — ответила мама. — Нам не надо. А немцы в Москву не войдут. Не пустят их.

В ноябре выступил по радио И. В. Сталин.

7 ноября 1941 года на Красной площади прошел знаменитый парад, после которого все, кто остались в Москве, поверили: «Москву не сдадут».

Однако бомбежки Москвы продолжались. Вой сирены я запомнила на всю жизнь. Эту круглую черную тарелку, из которой выла сирена, я ненавидела и всякий раз закрывала уши ладошками. Правда, иногда по радио звучала музыка. Однажды исполнялся дуэт Полины и Лизы из оперы П. Чайковского «Пиковая дама» «Слыхали ль вы»... Я спросила у мамы: «А почему только львы слыхали? А тигры разве не слыхали?» Бесперывно бомбили Главпочтамт, вблизи от нас.

Мама ни разу не спустилась со мной в бомбоубежище, ни разу не пряталась со мной от бомбежки в метро на станции «Маяковская».

Услышав сирену, мама закрывала ставни, выключала радио и свет, ложилась на кровать, крепко прижимала меня к себе и шептала: «Отче наш...»

Я думала, что она так разговаривает с папой. Обиженная на маму за то, что она «папочку» называет «отцом», я написала ему на фронт письмо, которое отец всю войну носил с собой. Оно до сих пор хранится у меня. Было писаке четыре года: «ПАПА ЭТА ПИШЫТ ЭЛЛА ПАПА ЯА ЕАБАЛАЛА ДАРАГОЙ ПАПА МАМА ТЭБЯ НАЗЫВАЙТ АЦОМ».

Мне запомнился жуткий холод в первую зиму войны. Холодно было везде: на улице, в магазине, в доме. Вода в ведре, стоявшем в комнате, на утро покрывалась тонкой пленкой льда.

Я заболела воспалением легких. Надрывно кашляла. Мама, чтобы напоить меня молоком с маслом, пошла на центральный рынок в поисках топленого масла. Она купила у деревенского мужичка поллитровую баночку топленого масла. Дома вскипятила стакан молока и хотела было набрать чайной ложкой масла из банки, как ложка, проткнув тонкий слой масла, утонула в воде. Маслом были обмазаны и стенки банки. За эту банку с водой мама отдала все деньги, что получила по аттестату мужа. Она заплакала: «Кого ты обманул? Больного ребенка обманул...» Я погладила ее по голове: «Не плачь, мамочка. Я буду горчичники терпеть»...

Все письма, которые приходили с фронта, все три семьи читали вместе. Две соседки получили похоронки, а нас с мамой эта беда обошла стороной. В октябре 1941 года, когда немцы подошли к Москве, по распоряжению «свыше» все съестные запасы Москвы были «выброшены» в магазины. Люди хватили все подряд в огромных количествах. Вскоре и магазины, и склады опустели. Мама кое-что покупала на рынке на деньги, получаемые по аттестату мужа. Мне запомнилось, что весной люди раскапывали грядки на Сретенском бульваре и сеяли овощи. Мама вскопала маленькую грядочку во дворе дома и посеяла

морковь, которую осенью мы выдернули. Такой сладкой моркови я не ела больше никогда в жизни!

В 1943 году мама отвела меня в Центральный дом пионеров, в кружок народных танцев, а в 1944 году я поступила в первый класс. По воскресеньям мы с мамой ходили в кинотеатр «Уран» на Сретенке. Самое сильное впечатление на меня произвел американский мультфильм «Бемби». Я смотрела его несколько раз и всегда плакала, когда злой охотник убивал маму маленького Бемби. Отец мне привез в подарок из Берлина фарфоровые статуэтки Бемби и его мамы, которые и по сей день украшают мое скромное жилище.

Война подходила к концу. Летом 1944 года Левитан объявил по радио, что по Садовому кольцу Москвы будут прогонять 57 тысяч пленных немцев. Казалось, вся Москва стояла вдоль Садового кольца и с ненавистью смотрела, как наши солдаты с автоматами в руках сопровождают колонну тех, кто убивал наших родных и любимых, кто сжигал наши села, кто истреблял наши города. Некоторые плевали немцам в лицо. Один из них, поравнявшись с нами, протянул ко мне руку, чтобы погладить меня по голове, но мама загородила меня собой. Немец улыбнулся и, помогая себе жестами, попытался объяснить, что в Германии у него осталась такая же дочь. Не знаю, чем объяснить, но этого высокого немца с добрым лицом я запомнила на всю жизнь...

Еще я запомнила, как мы ходили с мамой смотреть на сбитый немецкий самолет, стоявший у Большого театра.

Но конечно, самое яркое, самое радостное и самое незабываемое впечатление из всех четырех военных лет, прожитых в Москве, — это был салют Победы на Красной площади.

Первый раз в жизни я видела салют, да еще какой!

На Красной площади собрались все москвичи, пережившие войну, от мала до велика. Все те, кто не покинул Москву в трудную для нее минуту: кто рыл противотанковые рвы, кто таскал мешки с песком, кто гасил на крышах домов «зажигалки», все те, кто своим посильным трудом приближал день Победы и кто помог отстоять Москву. Москвичи как родные целовались, обнимались, смеялись и плакали.

Этот яркий, неповторимый салют, ознаменовавший собой Победу над фашистской Германией, я не забуду никогда!

Он не идет в сравнение ни с одним из самых пышных, изысканных, навороченных современных фейерверков.

Потому что это был салют долгожданной, выстраданной, жертвенной Победы нашего героического народа!

Хореографическое училище государственного ордена Ленина академического большого театра Союза ССР. Марис Лиепа

В 1945 году, в августе, вернулся с войны отец. Он показался мне немного чужим, вернее, не таким, каким я его запомнила в четыре года: редкие, коротко стриженные волосы с седыми висками, худой. При ходьбе он слегка волочил раненую ногу, опираясь на палочку. На погонах — звезды капитана, а китель — в орденах и медалях. В ярко-желтой кожаной кобуре — знаменитый «ТТ».

Вскоре отцу предоставили большую светлую комнату в коммуналке, и мы переехали из общежития МАТИ на Усачевку.

В коммуналке было 6 комнат, кухня с двумя газовыми плитами, общий балкон, общий телефон и туалет. Ни душа, ни ванны не было, и каждую неделю мы ходили мыться в Усачевские бани.

Рядом был Усачевский рынок, и так как в магазинах с продуктами было плохо, мама все тащила с рынка.

За деревянными прилавками крестьяне продавали мясо, молоко, творог. Крыжовник, смородину и прочие ягоды продавали стаканами, насыпая их в кулек, свернутый из газеты.

Недалеко от нашего дома находился Новодевичий монастырь. Перед входом в

монастырь, на большой лужайке, ярким пятном обосновались цыгане: стояли кибитки, на веревках было развешано разноцветное тряпье, резвились босоногие цыганята. Местные жители прозвали это место «цыганским посольством». Новодевичий монастырь был в те годы окраиной Москвы.

Нового Новодевичьего кладбища тогда не было. На старое кладбище, как и на территорию монастыря, вход был свободный.



Таким папа вернулся с фронта. 1945 год

По ходу к старому кладбищу, слева, рядом стояли одноэтажные деревянные то ли домики, то ли сараюшки. В них жили какие-то люди, вероятно, служители церкви или смотрители кладбища.

На меня большое впечатление произвели два памятника: жене Сталина, Надежде Аллилуевой, и певцу Собинову — умирающий лебедь.

За Новодевичьим монастырем, на берегу Москвы-реки, был большой песчаный пляж, куда местные жители ходили купаться и загорать, где купались и мы с мамой. Впоследствии там будут возведены знаменитые «Лужники».

Здесь, на Усачевке, моя жизнь круто изменилась.

В 1947 году отец повез меня на просмотр в хореографическое училище Большого театра.

Члены комиссии поднимали мне ноги вверх и в стороны, заставляли прыгать, приседать, нагибаться вперед и назад, отбивать ладошками разные ритмы и объявили моему отцу, что я принята в первый класс хореографического училища.

Приняли нас тогда 20 девочек и 15 мальчиков.

Все были очень худенькие, после полуголодного военного детства.

Девочки были одеты очень скромно, в основном в платьях, перешитых из маминых. Почти у всех девчонок были косы. Остригать коротко волосы нам не разрешали.

Мальчики были короткостриженные и все, как один, в синих сатиновых шароварах. Никто из нас не выделялся нарядной одеждой. В эпоху тотального дефицита и всеобщего равенства — все были равны.

С первого класса, вплоть до окончания училища, мы носили школьную форму.

Дисциплина была очень строгая. Нельзя было опаздывать на занятия, нельзя было бегать по коридорам. С педагогами, а также со старшеклассниками здороваться полагалось девочкам — книксеном, а мальчикам — поклоном головы. Почти как в институте благородных девиц.

Занятия в училище начинались в 8.30 утра с классического станка. Затем шли: математика, ритмика, французский язык, история, физика, исторический танец, география, фортепиано, народный танец и т. д... «Специальные» предметы чередовались с общеобразовательными.

После всех занятий была репетиция тех «ролей», которые мы с первого класса танцевали на сцене Большого театра: это амурчики, рыбки, цветочки, а в более старших классах — более серьезные танцевальные номера.

Помню, первым моим сольным выступлением был вальс с мальчиком на балу у Лариных в опере П. И. Чайковского «Евгений Онегин». Для меня и моих родителей это было настолько выдающимся событием, что их дочь в 11 лет «солирует» на сцене Большого театра, что они скупили не менее 20 билетов и пригласили на это событие всех родственников и знакомых.

Однако мы с партнером промчались в ритме вальса по диагонали сцены за одну минуту и исчезли. Это был первый акт оперы. Все приглашенные вынуждены были до конца слушать оперу. А я в это время, уставшая за день от занятий, сидя спала в кресле вахтера в служебной проходной театра в ожидании родителей.

Кроме участия в спектаклях Большого театра мы были заняты и в «своих» спектаклях: «Аистенок» и «Щелкунчик», в которых все партии танцевали учащиеся училища.

Кроме того, у нас была концертная программа. С ней мы выступали часто в Концертном зале им. Чайковского. Начинаясь концерт легендарным номером «Марш суворовцев» в постановке педагога В. А. Варковицкого на музыку Чернецкого. Исполняли этот номер ученики первого и второго классов. Зрелище было потрясающим! 16 пар — мальчишек в суворовской форме и девчонок в школьной форме, в белых фартуках и с большими белыми бантами в волосах! Когда юные суворовцы падали на одно колено перед юными барышнями, зал взрывался от восторженных аплодисментов!



Азербайджанский танец в концерте хореографического училища. 1952-53
годы

В Большом театре мы были заняты не только в балетных спектаклях, но и в операх. Некоторые партии мы знали наизусть. В опере «Снегурочка» со мной случился позорный случай, за который я чуть было не вылетела из училища.

В сцене, когда Мать-Весна, в исполнении Леокадии Масленниковой, дарит Снегурочке «веночек любви», были заняты пять девочек, третьеклассниц, изображавших этот веночек, то есть цветы. Я была роза. На словах Матери-Весны: «роза, роза, заалей...» мне нужно было войти в центр нашего хоровода и, с поднятыми вверх руками по третьей позиции, кружиться на полупальцах по пятой позиции. Кто-то из девчонок сказал: «Не поможет ей этот веночек». Это показалось нам тогда таким смешным, что мы стали давиться от смеха. Спины девчонок тряслись и вздрагивали. Я, от чрезмерного старания смеяться как можно тише, издавала негромкие рыдающие звуки. Вдруг кто-то из девчонок от сильного напряжения пукнул. Это был конец. Я уже не могла кружиться, а стояла на одном месте, крепко перекрестив ноги, чтобы не описаться. Но тщетно. Я почувствовала, как теплая жидкость стекала по моим колготкам на пол. Образовалась небольшая лужица, которая, однако, была видна из зрительного зала, что могло ввести зрителя в недоумение: Снегурочка еще не растаяла. Откуда лужа?

После спектакля Леокадия Масленникова закатила истерику. Администрация театра позвонила директору училища. Директор вызвал мою маму. Скандал был страшный!

Директор пригрозил мне исключением: «Позор! Никто, никогда не писал на сцене Большого театра». Я плакала, умоляла его не выгонять меня и давала слово, что больше это никогда не повторится. Спасло меня то, что я считалась способной ученицей и расставаться со мной училищу было жаль. Меня поругали и простили.

Спектакли в Большом театре начинались тогда в 19.30 и заканчивались очень поздно. От станции метро «Охотный ряд» я доезжала до метро «Дворец Советов», ныне «Кропоткинская», далее на трамвае по Метростроевской до Зубовской площади, а дальше на автобусе по Б. Пироговской. На конечной остановке меня встречала мама. Я приезжала домой часто за полночь, а в 6.45 нужно было вставать и мчаться обратно в училище.

ПЕРВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ЧАЙКОВСКИЙ—Адажио из балета „Щелкунчик“

Пост. Засл. арт. РСФСР, лауреата Сталинской премии
В. И. Вайнонен
Концертм. Колбасникова Т. Б.
Исп. Касаткина Н., Смирнов В.

КРАСЕВ—„Куколки“

Пост. преподават. Е. А. Лапчинской, Л. И. Рафаиловой
и С. С. Холфиной
Концертм. Потапов К. А.
Исп. Т. Попко, Е. Гябинкина

Азербайджанский танец

Муз. народная
Пост. Засл. арт. Армянской ССР И. И. Арбатова
Концертм. Серикова Т. А.
Муз. сопров. на бубне К. Мажмудов, на таре А. А. Пилоян
Исп. Э. Прохницкая, В. Лигни, А. Клеймёнов,
К. Паперный, О. Сурков

ДРИГО—„Океан и Жемчужины“ из бал. „Конек-Горбунок“

Пост. Засл. арт. РСФСР А. А. Горского
Концертм. В. А. Суркова
Исп. Р. Ершова, Н. Филиппова, В. Постников

СПАДАВЕККИА—Русская шуточная

Пост. Засл. арт. РСФСР, лауреата Сталинской премии
В. И. Вайнонен
Концертм. В. А. Суркова
Исп. Н. Белоусова, Н. Нагач, Т. Стецкая,
Т. Пистолькорс, Г. Полоник

КРЕЙН - Вариация из бал. „Лауренсия“

Пост. Нар. арт. СССР, лауреата Сталинской премии
В. М. Чабукяни
Концертм. Т. Б. Колбасникова
Исп. К. Гузикова

ШМУКЛЕР—Молодежный вальс

Пост. Нар. арт. РСФСР, лауреата Сталинской премии
А. М. Месерер
Концертм. Суркова В. А.
Исп. А. Щербинина, Г. Ледах

РУБИНШТЕЙН—„Тореадор и Андалузка“

Пост. преп. Б. И. Борисова
Концертм. Колбасникова Т. Б.
Исп. А. Истомина, Б. Никифоров

ДРИГО—Вариация из бал. „Эсмеральда“

Пост. Нар. арт. РСФСР В. Д. Тихомирова
Концертм. В. А. Суркова
Исп. Н. Цервятинова

Программа концерта учащихся хореографического училища

Никаких поблажек нам в связи с занятостью в спектаклях педагоги по общеобразовательным предметам не делали.

Помню, как-то соседка из нашего дома спросила маму: «А Элла вам родная дочь?» — «Родная. А почему вы меня об этом спрашиваете?» — «Да потому что вы издеваетесь над

ней! Возвращалась я как-то в 11 часов вечера, вижу, стоит на трамвайной остановке ваша Элла и под светом фонарного столба учебник по истории читает!»

Да, приходилось учить уроки где угодно: на трамвайной остановке, в метро, в перерыве между репетициями. Кошмар, который я испытала на уроке литературы от невыученного стихотворения М. Ю. Лермонтова «Кавказ», я запомнила на всю жизнь.

Весь урок я сидела, опустив голову вниз. Я словно вросла в парту: «Пронесет или не пронесет?» До звонка оставалось несколько минут.

Учительница медленно водила ручкой по списку в журнале и вдруг сказала: «Прохницкая!»

У меня внутри что-то оборвалось. Нерешительно я вышла к доске. Перед сном я прочитала это стихотворение, но учить его уже не было сил. Я запомнила только первую строчку.

Не спеша, в ожидании вожделенного звонка, я начала:

— Михаил Юрьевич Лермонтов. Стихотворение «Кавказ».

Кавказ подо мною,
Один в вышине стою...

Дальше я не знала ни одного слова, поэтому остановилась.

— Ну! — сказала учительница.

— Сейчас...

«Кавказ подо мною,
Один в вышине стою...»

— Ну стоишь, стоишь, а дальше-то что? — Строго, поверх очков, учительница посмотрела на меня.

В классе раздался сдавленный смех.

— «Кавказ подо мною, один в вышине стою...»

В это время раздался звонок.

— Стыдно тебе, отличнице, должно быть! К следующему уроку выучи. Обязательно спрошу тебя.

После этого постыдного случая ребята долго меня дразнили «Кавказ».

Физическая нагрузка у нас была огромная. Постоянными спутниками наших профессиональных занятий и репетиций были падения, травмы, растяжения связок и стертые в кровь пальцы на ногах от твердых балетных туфель-пуантов, которые мы получали бесплатно. Как мы все это выдерживали, если учесть, что питались мы плохо, я до сих пор не понимаю.

На завтрак мама делала мне драники, картофельные оладьи на постном масле и стакан сладкого чая. С собой давала антоновку и трешку на обед. В нашей столовой за это можно было получить порцию гуляша и гречку с подливой. Я брала только гречку с подливой и чай. Остальные деньги я откладывала маме на подарок к 8 Марта.



Во дворе училища. Светлана Дружинина, Марина Лукина, Элла Прохницкая.
1954 год

В то время в ЦУМе, на втором этаже, появился ларек с чешской бижутерией. Такого мы в глаза не видели. Мы мечтали накопить денег и подарить маме что-нибудь из этого сверкающего «чуда».

Однажды я и Светлана Дружинина, ставшая впоследствии знаменитым кинорежиссером, не были заняты в репетиции, а до спектакля оставалось больше трех часов.

— Поедем ко мне, — предложила Светлана. — Уроки сделаем, а мама нас покормит.

— Да ты же живешь на краю света, в Марьиной Роще!

— Ну, не дальше, чем твоя Усачевка!

Ужин, которым накормила нас Светланина мама, я до сих пор не могу забыть: вареная гречневая каша, обжаренная на постном масле и посыпанная сахарным песком...

Девчонки, которые учились в училище Большого театра, резко выделялись из толпы прохожих: худенькие, с прямой спиной, с поднятым подбородком, они ходили по «первой» позиции и у всех в руках был небольшой фибровый чемоданчик, в котором находились учебники и балетные принадлежности.

В тот день, когда у меня не было репетиций и спектакля, за мной заходила мама, и мы шли с ней в Столешников переулочек, в знаменитый кондитерский магазин, где выпекали пирожные и торты. Запах стоял во всем Столешниковом переулочке!

Чтобы не видеть пирожных и не упасть в обморок от исходящего от них дурманящего запаха, я не входила в магазин.

Мама съедала свою любимую сахарную трубочку, а я ждала ее на улице. Мамины уговоры, что от одного пирожного, при такой физической нагрузке, я не поправлюсь — на меня не действовали. До окончания Хореографического училища я не съела ни одного пирожного!

Я ни разу не вышла во двор поиграть с соседскими ребятами! Некогда было. В свой единственный выходной день — понедельник — я стирала балетное трико, хитон, штопала носы пуантов, которые за неделю стирались до дыр. Делала уроки. Разучивала новые пьесы по фортепиано.

В младших классах девочкам преподавала классику Л. И. Рафаилова, а в старших классах нас «взяла в оборот» знаменитая Мария Алексеевна Кожухова, воспитавшая Раису Стручкову, Ольгу Лепешинскую, Екатерину Максимову, Майю Плисецкую и др. Маленькая, худенькая, она много курила и сильно кашляла.

Если мы выполняли все упражнения хорошо, она называла нас по именам или по

придуманном ею же прозвищам. Меня она прозвала Фара, видимо за большие глаза.

ЩЕЛКУНЧИК

Балет в 3-х действиях с прологом и эпилогом
Музыка П. И. Чайковского. Либретто В. И. Вайнонена

Маша-принцесса	Е. Ковалевская
Щелкунчик-принц	В. Постников
Мастер кукол	Артист ГАБТ А. В. Жуков
Хозяин дома	Артист ГАБТ А. А. Царман
Хозяйка дома	Н. Левитина
Маша	М. Григорьева
Сестра Маши	М. Кутахова
Брат Маши	В. Бабарыкин
Товарищ брата	Г. Ковлов
Няня	Арт. миманса ГАБТ А. П. Стоярова
Щелкунчик	В. Солопов
Изыдная куколка	Е. Черкасская
Панц	В. Ангин
Арап	Д. Плоткин
Король мышей	А. Бегак
Снежинки	Н. Соколова А. Щербинина
Пастушки	Е. Максимова А. Манжевич О. Рачковский
Испанский танец	А. Истомина Б. Никифоров
Восточный танец	М. Колвакчи, И. Анхачева, Р. Субботина, А. Трёмбовальская, В. Федюхина
Китайский танец	М. Ранднер В. Денисово
Русский пляска	Э. Прохницкая Э. Сукорцева В. Немолов

Балет с участием Эллы Прохницкой

Однако когда она вставала со своего места и подходила к кому-нибудь из нас со словами: «Деточка, деточка, ножку надо тянуть вверх до конца, а если не можешь — иди к ЦУМу торговать пирожками», — при этом она протягивала к нам свою сухую сильную руку, мы от страха втягивали голову в плечи, потому что на горьком опыте знали, что синяк, полученный от ее «прикосновения», останется надолго.

Однажды, на больших прыжках, я неудачно приземлилась в «жете» на безымянный палец левой ноги и то ли выбила сустав, то ли сломала палец. Боль была адская. Я застонала. Мария Алексеевна сказала: «Фара, фуэте мы начнем с тебя!»

Фуэте, как известно, делается на левой ноге. Я, сжав зубы и едва сдерживая слезы, сделала 16 фуэте, села на пол и заревела.

Мария Алексеевна подошла ко мне и присела на пол рядом со мной: «Что, Фара, очень больно? — Она погладила меня по голове. — Но ты — молодец! И запомни на всю жизнь: если больно — терпи, если трудно — преодолевай. Стремись только вперед, к своей цели. Добивайся всего в жизни сама, своим трудом. Ни у кого ничего не проси! Только так ты чего-нибудь достигнешь». — Она помогла мне встать и попросила девочнок проводить меня в медпункт.

Мне дали освобождение на неделю, однако безымянный палец на левой ноге так и остался неправильной формы. Но напутствие Марии Алексеевны много раз помогало мне в жизни подняться, когда жизнь сильно била меня.

Были у нас в училище и торжественные, незабываемые события.

Два раза в год, на майские и ноябрьские праздники, учащиеся училища вместе с артистами Большого театра ходили на демонстрацию на Красную площадь.

Наша колонна проходила одной из первых и поэтому нам всегда удавалось увидеть все Политбюро на Мавзолее. Но главное, конечно, Того, кто создал «счастливую жизнь» для наших родителей и «счастливое детство» для нас! Нашего родного и любимого товарища Сталина!

Наши детские, наивные сердца были переполнены чувством любви и благодарности к Нему!

Каждому из нас, проходящему мимо Мавзолея, казалось, что Он улыбается и машет рукой именно ему! Ради этого счастливого момента никто из нас не пропустил ни одной демонстрации. Но самым выдающимся и незабываемым событием было празднование семидесятилетия Сталина в Большом театре. Сталин очень любил балет, и мы часто видели его в главной правительственной ложе. Но на своем юбилее Сталин сидел в директорской ложе-бенуар, расположенной прямо над сценой. Концерт в его честь состоял из балетных дуэтов солистов Большого театра и концертных номеров учащихся Хореографического училища. Я танцевала «Русский танец» из балет «Щелкунчик», а моя школьная подруга Марина Лукина с Марисом Лиепой — «Венгерский танец». Мы видели лицо Сталина совсем близко, его глаза, его улыбку. Он нам аплодировал. Мы смотрели на него и были на седьмом небе от счастья.

Изнуренные непосильным трудом, мы с нетерпением ждали летних каникул. У хореографического училища был свой пионерлагерь, недалеко от станции Новый Иерусалим на берегу реки Истры.



Марис Лиэпа и Марина Лукина. «Венгерский танец»

Родители отправляли нас туда бесплатно на все лето, на все три смены.

Пионерлагерь стоял на высоком пригорке, а внизу протекала речка.

Лагерь представлял из себя три дощатых барака с железными койками и тумбочками на 25 человек: два — для девочек и один — для мальчиков.

Сойдя с электрички, мы как угорелые, наперегонки неслись через колхозное поле в лагерь, чтобы с победным криком занять место получше.

В лагере была деревянная столовая с кухней. Небольшой домик для пионервожатых, там же находился медпункт. Ниже столовой стоял сруб — баня с русской печкой. Мылись мы в железных шайках, там же стирали свои носки и трусы. После мытья головы в обязательном порядке полагалось вычесать волосы на газету частым гребешком: не завелись ли у нас там «насекомые»?

В самом низу, у кромки леса, был туалет: две деревянные кабины «М» и «Ж». Вставали мы утром, ложились вечером и ходили в столовую под звуки горна.

Мама давала мне с собой два сарафана, трусы и носки на смену, теплую кофту, полотенце, мыло, мочалку и частый гребешок. Никаких нарядов или каких-либо украшений ни у кого из девочек не было.

Раз в месяц был родительский день. Мы собирали для родителей землянику, которой в лесу вокруг лагеря было полно.

Родители привозили нам гостинцы: сушки с маком, дешевую карамель и, конечно, воблу, которая стоила тогда копейки и которой были завалены все магазины. Такой воблы нет сейчас и в помине: крупная, жирная, с икрой, а спинка, темно-красного цвета, просвечивала сквозь чешую на солнце. Куда она делась?!

Не помню, чем нас кормили в столовой, но отлично помню, что цветки липы, стоявшей перед столовой, и колоски ржи на колхозном поле мы объедали как саранча. Время, проведенное в нашем пионерском лагере, купание в Истре, костры, незатейливые игры — все, буквально все я вспоминаю с радостью и светлой грустью о нашем небогатом, полуголодном, но таком счастливом послевоенном детстве...

В шестом классе у нас появился новый мальчик: светловолосый, прыщавый, полноватый. По-русски он говорил с приятным акцентом и от него вкусно пахло «ненашим» одеколоном.

Мы поражались упорству и трудоспособности этого мальчика.

Когда мы, потные и чуть живые, буквально выползали из репетиционного зала, он оставался, натягивал на свои полные ноги шерстяные тубы и продолжал работать над собой.

Через два года этот мальчик из гадкого утенка превратился в прекрасного лебедя. Это был Марис Лиэпа.

Все девочки были влюблены в него, а он выбрал меня.

Отношения между нами были романтические. Мы много гуляли с ним по Москве. Он дарил мне цветы и латышские книги по искусству.

Мои родители часто приглашали его на домашний обед. Они были очарованы его воспитанием, его манерой держаться за столом.

Мы, несомненно, были влюблены с ним друг в друга, но Марис никогда не позволял себе по отношению ко мне каких-либо вольностей. Кроме невинных поцелуев между нами ничего не было, хотя нам было уже по 16 лет. Просто в наше время это было не принято.

После окончания училища я решила пойти учиться на драматическую актрису и поступила в ГИТИС, а Марис был приглашен в Большой театр.

На этом наши пути с ним разошлись.

Встретились мы с ним только на его похоронах.

Для прощания с выдающимся артистом балета дирекция Большого театра выделила малое фойе театра, которое не могло вместить всех желающих. Огромная толпа стояла у входа в театр. А он лежал в гробу молодой и красивый, и не верилось, что он ушел от нас навсегда.

Проститься с Марисом пришел весь наш класс. Мы были в недоумении: почему дирекция театра не разрешила поставить гроб с телом Мариса на сцену?! На сцену, которую он так любил! Неужели он не заслужил того, чтобы в последний раз постоять на этой сцене и проститься с ней навсегда?

Незадолго до его ухода я говорила с ним по телефону.

Жил он не в семье, а у какой-то женщины, если не ошибаюсь, по имени Женя.

Я сообщила ему, что наш класс по случаю 25-летия окончания училища собирается в

ресторане Дома кино и что мы очень хотели бы его видеть.

— Я приду, — сказал он.

Но голос был непохожим на его. Чувствовалось, что он в очень плохом настроении.

До меня дошли слухи, что он стал крепко выпивать в последнее время. Но это было так непохоже на него: Марис и алкоголь — это несовместимые вещи. Что же должно было случиться с ним, чтобы это произошло?!

А случился конфликт с Григоровичем, и тот, в отместку, не дал Марису танцевать. Он снял его с репертуара. Для Мариса сцена и танец были его жизнью.

Значит, Григорович лишил Мариса жизни раньше, чем он умер.

Гитис. Встреча с Борисом

Летом 1955 года, после окончания хореографического училища я подала документы в ГИТИС. Готовилась я сама. Выучила басню Крылова и отрывок из «Евгения Онегина», последнюю встречу Онегина и Татьяны, когда она, жена генерала, светская львица, читает нравоучение Онегину.

Когда я начала читать этот отрывок, члены комиссии, прикрыв лицо руками, уронили головы на стол, плечи их тряслись от смеха. Только потом я поняла, что их так сильно рассмешило. То, что я делала, было пародией на образ Татьяны. Вместо высокомерного нравоучения худенькая семнадцатилетняя девчушка с косичками тихим и жалобным от волнения голосом уговаривала Онегина: «Довольно, встаньте...»

Наконец председатель приемной комиссии Иосиф Моисеевич Раевский, который набирал курс, остановил меня. Вытирая слезы от смеха, он протянул мне лист бумаги, где его рукой было написано: «Гоголь, отрывок из „Мертвых душ“ и Горький „Девушка и смерть“».

«Подготовьтесь и через неделю приходите», — сказал он.



Такой я поступала в ГИТИС. 1955 год

Я обратилась за помощью к Георгию Павловичу Ансиму, который вел в хореографическом училище уроки актерского мастерства. Впоследствии он стал художественным руководителем Театра оперетты. Он подготовил меня.

Когда я пришла на показ второй раз, Раевский мне сказал:

— На следующие два тура можете не приходить. Считайте, что вы приняты.

Годы учебы в ГИТИСе промчались незаметно. Было весело и интересно. Раевский мне объявил, чтобы я не мнила себя «героиней», так как я характерная актриса. Почти на все отрывки из пьес Раевский ставил нас в паре с Александром Демьяненко...

Я сдала экзамены за третий курс и счастливая, вприпрыжку скакала по двору ГИТИСа, торопясь на встречу с мамой в кафе-мороженое на Старом Арбате, зажав в кулаке стипендию. Навстречу мне по двору ГИТИСа шел симпатичный молодой человек в элегантном светло-бежевом костюме.

— Здравствуйте, — вдруг сказал он мне и, улыбнувшись, остановился возле меня.

Я тоже остановилась и сказала:

— Здравствуйте!

— Я Борис Владимиров. Я закончил ГИТИС, режиссерский факультет у Юрия Завадского.

— А я — Элла Прохницкая. Закончила третий курс актерского факультета у Иосифа Раевского.

— Я сейчас работаю в эстрадной программе с Вадимом Деранковым. Он работал у Райкина. Хотите посмеяться? Приходите!

— Да, я приду, — и добавила: — Только с мамой.

— Отлично! Я вас встречу и посажу на лучшие места.

Мы уже попрощались с ним, как он обратился ко мне снова:

— Извините, но я же не знаю вашего номера телефона. Как же нам условиться о встрече? — и добавил: — Вы очень красивая.

На концерте мы с мамой хохотали до слез. Особенно над «бабкой на футболе» в исполнении Бориса.

После концерта он пригласил нас в кафе-мороженое. Борис оказался не только талантливым эстрадным артистом, но и веселым, остроумным собеседником. Борис мне очень понравился.



Борис — студент актерского факультета ГИТИСа. 1950 год

Дома мы с мамой говорили о Борисе и долго еще смеялись, вспоминая забавные скетчи из эстрадной программы.

— Мама! А вдруг встреча с Борисом — это моя судьба? Ну, подумай, что буду делать в театре я, профессиональная балерина, характерная актриса, да к тому же, как выяснилось в ГИТИСе, и поющая? Я же там со скуки помру! Мне кажется, что мое место — на эстраде!

Мы начали с Борисом встречаться. Чем больше я смотрела эстрадную программу, в которой был занят Борис, тем сильнее крепло мое желание стать эстрадной актрисой.

Осенью 1958 года мы поженились. Борис тогда уже неплохо зарабатывал и сумел организовать свадьбу в кабинете своего любимого ресторана «Арагви», пригласив любимых

актеров. Своего жилья у нас не было, и Борис снял для нас комнату в доме, где жили эстрадные артисты старой плеяды, в Воротниковском переулке. Так двор ГИТИСа познакомил нас и свел наши судьбы.

Новогодние «елки» в театре эстрады и в кремле. Л. И. Брежнев

Я училась на четвертом курсе ГИТИСа, Борис работал на эстраде. Приближался Новый, 1959 год, а вместе с ним и дополнительный двухнедельный заработок для актеров, так называемые «елки».

Все артисты, и талантливые, и не очень, с нетерпением ждали этой подработки, так как платили тогда, особенно в театрах, сущие копейки.

Был даже анекдот на эту тему: «Актера неожиданно пригласили на съемку в Голливуд. Актер уточнил: „А какие сроки?“ Ему ответили: „С 30 декабря по 14 января“. Актер с возмущением: „Вы что?! В это время я не могу! У меня — „елки“!“»

Участие в «елках» было очень изнурительным и малоинтересным занятием. Загримированные и одетые в костюмы зайчиков, лисичек, муравьев, ворон, грибов, пней и прочих сказочных персонажей актеры находились на елках с 9.30 утра до 17.18 часов две недели! Самые престижные роли Деда Мороза и Снегурочки доставались далеко не всем.

Борис, благодаря своему уже завоеванному авторитету талантливого эстрадного артиста, сумел убедить знаменитого конферансье Михаила Гаркави, который был тогда директором Театра эстрады, что его жена, студентка 4-го курса ГИТИСа, идеально подойдет на роль Снегурочки в новогоднем эстрадном представлении «В гостях у дяди Миши».

В то время Театр эстрады находился на площади Маяковского, где в дальнейшем разместится молодой «Современник». В театре была большая сцена и оркестровая яма. В спектакле были заняты маститые эстрадные артисты. Для меня этот первый в жизни выход на профессиональную сцену был крайне волнителен и ответственный.

Но роль Снегурочки оказалась для меня совсем несложной.

Перед своим выходом, стоя в кулисе, я каждый раз слушала выступление популярной в те годы эстрадной певицы Нины Дорды, которая открывала представление песней «В гостях у дяди Миши». Пела она «вживую», под эстрадный оркестр. Тогда «фанеру» еще не придумали. Кроме Театра эстрады Дорда была занята еще в нескольких «елках». Бегая по морозу с «елки» на «елку», она потеряла голос.

Гаркави, красный и потный от гнева, сотрясал воздух поднятыми вверх мощными кулаками, а Дорда, с жалобным видом показывая на горло, разводила руками, мол, «нет у меня голоса, ну хоть убейте, нет!»

Спектакль был под угрозой срыва. Ситуация была критической.

Тогда Борис сказал Гаркави: «Начинайте спектакль. Эту песню споет Прохницкая». Я остолбенела. Я, конечно, знала и слова, и мелодию этой песенки, но чтобы спеть ее на сцене, с большим оркестром, да еще без единой репетиции. «Ну нет!» — «Ты будешь петь!» — последнее, что я услышала, когда Борис буквально вытолкнул меня на сцену.

Оркестранты, увидя исполнителя песни в костюме Снегурочки, тем не менее заиграли вступление. Мне не оставалось ничего другого, как запеть: «В гостях у дяди Миши встречаем Новый год...» Я плохо помню, как я спела эту песенку, и пришла в себя только тогда, когда увидела оркестрантов в оркестровой яме, которые все, как один, встали и аплодировали мне кто смычками, кто в ладоши.

Это была моя первая победа на эстраде благодаря Борису. Он поступил со мной так, как поступают с теми, кого хотят быстро научить плавать: бросают на глубину.

Слух об одаренной симпатичной Снегурочке дошел до организаторов «елки» в Кремле. Два года я работала Снегурочкой на «елке» в Кремле вместе с Дедом Морозом, народным артистом СССР Хвильей. На Кремлевскую «елку», на главную «елку» страны, приходили члены Политбюро со своими внуками.

В обязанности Деда Мороза и Снегурочки входило вручать внукам членов Политбюро

подарки, которые, конечно, отличались от тех, что получали остальные дети. Однажды елку посетил Леонид Ильич Брежнев.

— Снегурочка! — позвал он меня. — Напиши мне свой номер телефона.

Я не посмела послушаться, однако дала ему мамин номер телефона, на всякий случай.

Приезжаю как-то к маме на Усачевку, а она, в сердцах, обрушилась на меня:

— Тебе не стыдно?! Замужняя женщина! Почему тебя какие-то старые дядьки спрашивают по телефону?! Я его отругала!

— Какие такие «старые дядьки»?

— Да Леониды Ильичи какие-то!

— Мама, так это же звонил секретарь ЦК партии Леонид Ильич Брежнев.

Мама, член партии со стажем, так и села...

Только спустя много лет, после откровенной беседы с Галиной Брежневой, я окончательно убедилась, что поступила тогда правильно, написав ему номер телефона моей мамы.

Кинофильм «Неоплаченный долг». Михаил Светлов

Весною 1959 года, примерно в марте, меня утвердили на главную роль в кинофильме «Неоплаченный долг» по повести Юрия Нагибина «Слезай, приехали».



Афиша фильма «Неоплаченный долг»

Актерский состав был очень сильный: Даниил Ильченко, Анастасия Георгиевская, Владимир Самойлов, Борис Новиков, Борис Владимиров и другие. Режиссер Владимир Шредель. Музыка Исаака Шварца. Это был его первый опыт в кино, по приезду в Ленинград. Стихи на песню «Проходные дворы» поручили написать Михаилу Светлову.

Съемка проходила на «Ленфильме». Светлов находился в Москве.

Режиссер сильно нервничал: пора было снимать сцену, в которой я должна была петь песню, а Светлов не присылал стихов.

Директор картины строгой телеграммой вызвал Светлова в Ленинград.

Мы все жили в гостинице «Астория», и Михаила Светлова поселили туда же, в

бельэтаж, в номер на высоком первом этаже, прямо над входом в гостиницу, в дверях которой стоял нарядный, представительный швейцар с длинной бородой.

За неделю пребывания в Ленинграде Светлов не написал ни строчки. Мешала его «слабость».

Тогда директор фильма стал закрывать его на ключ.

Приезжаем вечером со съемок, открываем дверь, а он — «готов». Пьяненький, веселый, а стихов нет. Просто мистика какая-то.

Так прошла еще неделя, пока директор не проследил и не установил, наконец, «источник» — швейцара у входа в гостиницу. Надо же было придумать такое! Светлов спускал швейцару на двух связанных галстуках трешку. Швейцар посылал в магазин за бутылкой, но поднять ее на галстуках было рискованно, вдруг выскользнет и разобьется. И тогда швейцар нашел выход.

Дело в том, что старинные, массивные двери в гостинице не доходили до пола примерно на два пальца.

Швейцар переливал водку из бутылки в глубокое блюдо и порциями подсовывал под дверь.

Когда «протечка» обнаружилась, щель забили. На следующий день Михаил Светлов написал замечательные стихи. А Шварц положил их на музыку, и я не только спела ее в фильме, но и много лет с успехом исполняла на эстраде песню двух талантливых авторов — «Проходные двory».

Швейцар гостиницы отделался устным выговором. Свой поступок он объяснил тем, что является большим поклонником Михаила Светлова за легендарную песню его боевой молодости «Каховка, Каховка...»

Незадолго до смерти Михаила Светлова мне посчастливилось встретиться с ним.



«Неоплаченный долг». В кадре А. Георгиевская и я

Мы с мамой, большие любительницы пломбира, зашли в кафе на улице Горького.

Вдруг, смотрю, входит сильно исхудавший от неизлечимой болезни Михаил Аркадьевич. Его невеселую шутку по поводу своей болезни знали очень многие в Москве: «Приноси пива, рак есть».

Увидев меня, Светлов улыбнулся и подсел за наш столик. Он заказал себе бокал шампанского и, отпив немного, попросил меня: «Элла, спой мне тихонечко, на ушко „Проходные двory“».

Я спела. Он помолчал немного. Потом, грустно покачав головой, не обращаясь ни к кому, сказал:

— А все-таки хорошие стихи написал Михаил Светлов...

*«Проходные дворы»
Долго, долго у Нарвских ворот
Ленинградская девочка ждет.
Ночь кончается, скоро рассвет,
А любимого нету и нет!*

*Не хочу, не могу без мечты.
Ты меня до нее не проводишь,
Все прекрасно, мой друг.
Что же ты проходными
Дворами уходишь.*

*Тем, кто чувствам высоким верны,
Проходные дворы не нужны.
Кто влюбленное сердце поймет,
Тот по улице Счастья пройдет!*

*Не хочу, не могу без мечты.
Ты меня до нее не проводишь,
Все прекрасно, мой друг.
Что же ты проходными
Дворами уходишь...*

Мой муж Авдотья Никитична

Борис Владимиров родился 8 марта 1932 года в интеллигентной семье: мама — певица, отец — юрист. В семье было двое мальчиков: старший — Борис, младший Юрий.



Боре полтора года. 1933 год

В 1941 году их отец ушел добровольцем на фронт, а мама с двумя сыновьями осталась в Москве. Отец погиб на фронте. В 1941 году их дом на Малой Тульской разбомбило, и Ольга Владимировна с сыновьями поселилась в классе школы № 583, где кроме них жили еще 6 семей, отгороженные друг от друга простынями.

Боря с детства строил разные рожицы.



На фото с Раисой Иосифовной и Валентиной Пашковскими. Ашукино, 1950 год

Денежного довольствия отца с трудом хватало на самое необходимое.

Шел 1943 год, и в этой заснеженной, холодной и голодной Москве ученик четвертого класса 12-й средней школы Борис Владимиров создает театральную «труппу» из своих сверстников для выступления перед киносеансами в кинотеатре «Ударник» и сам ставит сценки и скетчи на военные темы. Борис сыграл даже Гитлера. Он с детства был генератором идей, прирожденным актером и режиссером. Было ему тогда 11 лет!

Гвоздем программы стала «бабка» в круглых очках и в белом платочке, которая комично тушила зажигательную бомбу. Он скопировал этот образ со своей бабушки, у которой они с братом отдыхали летом в селе Ашукинское.

Эта «бабка», впервые сыгранная Борисом в 1943 году, и стала прообразом его знаменитой «бабки на футболе», а затем и Авдотьи Никитичны.

Всегда рядом с ним был его надежный друг и единомышленник, его любимый брат Юра, его «Юрден», как называл его Борис.

В 1944 году Борис поступает в Центральный дом художественного воспитания детей при театре им. Вахтангова.

Будучи учеником старших классов, создает молодежную труппу, ставит отрывки из спектаклей, с которыми они бесплатно выступали в сельском клубе в Ашукинском.

После окончания школы Борис поступает на актерский факультет ГИТИСа в класс Гиацинтовой.

По стечению обстоятельств на этот же курс поступил Вадим Тонков (впоследствии «Маврикиевна»).



Боре 16 лет. Он мечтает стать артистом! Ашукино, 1948 год

Но Борису было «тесно» на актерском факультете, и он переводится на режиссерский факультет к Юрию Завадскому, который с успехом заканчивает. Однако с любимой эстрадой Борис не расстанется. Но женитьба на мне вносит перемены в его творческую жизнь. У него рождается идея создания эстрадного театра, где и он, и я могли бы наиболее полно и разносторонне раскрыть свои актерские способности.

Через Министерство культуры и ЦК комсомола Борис «пробивает» разрешение на создание эстрадного коллектива по типу «Синей блузы», с тем же лозунгом, что и при Маяковском:

*Чтоб в лоб, а не пятясь,
Критика дрянь косила...*

Коллектив получил название «Комсомольский патруль». Борис начал подбирать штат музыкантов и актеров и подумал о своем институтском товарище. «А что, если взять Вадима Тонкова? Жалко его, прозябает со своей семьей на сущие гроши. Актер он посредственный, но...» С Вадимом Тонковым, его женой Мартой и маленькой дочкой Марьяшей Борис познакомил меня тогда, когда мы с ним снимали комнату в Воротниковском переулке. Семья

Тонковых проживала неподалеку на улице Чехова, в коммуналке. Жили они очень бедно. Вадим, после окончания ГИТИСа, не мог устроиться ни в один московский театр. Актер он был слабый, да еще с плохой дикцией-скороговоркой. Он устроился в Областной театр на нищенскую зарплату.

Иногда, свободными вечерами, мы с Борисом захаживали к ним в гости. Всю провизию и бутылку хорошего вина мы приносили с собой.

Вадим был очень приятным, интеллигентным человеком и интересным собеседником, с большим чувством юмора.

В глазах Марты время от времени загорался недобрый огонек зависти к благополучной, успешной паре. Борис только махнул рукой: «Бог с ней! Работать в коллективе будет Вадим, а не она. Ну что она может нам сделать плохого?..»

С помощью Бориса Вадим в «Комсомольском патруле» немного «разыгрался». Борис умел раскрыть в актере такие стороны его способностей, о которых сам актер даже не подозревал.



«Комсомольский патруль». Б. Владимиров, я и В. Тонков

Тексты для наших спектаклей писали В. Поляков, В. Ардов, А. Левицкий, А. Арканов и другие талантливые эстрадные авторы.

В дальнейшем «Комсомольский патруль» был переименован в «Глазами молодых».

Насколько в жизни Борис был покладистым и мягким, настолько в работе был жестким и требовательным чрезмерно.

Помню, приехали мы однажды на гастроли в небольшой районный центр. Сошли с поезда, выгрузили багаж, а нас никто не встречает. Картина Репина «Не ждали». Времени 5 утра. Осень. Моросит дождь. Холодно. Ждем 30 минут, 40 минут — никого. Пустые платформы.

Тогда Борис находит где-то грузовик, велит нам быстро загружать багаж, всем залезть в грузовик и командует: «Поехали! На квартиру к секретарю местного райкома комсомола!» К тому, кто должен был организовать встречу артистов из Москвы и разместить нас в гостинице.

Когда разбуженный звонком в дверь, в 6 утра, секретарь райкома комсомола, заспанный, в одних трусах, увидел у себя под дверью 20 артистов, ящики с реквизитом и музыкальными инструментами, — вид у него был очень жалкий, ну совсем не как у

секретаря райкома комсомола.



На встрече со зрителями. Я — в центре, второй справа — Борис Владимиров.
1962 год

...Приехали мы на гастроли в Ереван. Выступать мы должны были в новом концертном зале. Ответственность — большая.

Обычно мы с Борисом после обеда всегда отдыхали перед концертом, но в этот раз он отправился в концертный зал проверить свет, звук и так далее, в общем, готовиться к премьере.

Я уснула и проспала время явки на концерт. Автобус с артистами уже уехал. Как ошпаренная я выскочила на улицу, схватила такси и выкрикнула водителю:

— Умоляю, быстрее! Я опаздываю на выступление!

Водитель средних лет оценивающим взглядом осмотрел молодую актрису и сказал: «Долечу, как на крыльях!» Машина рванула с места.

Асфальт после дождя был мокрый, машину занесло на повороте, она закружилась и ударилась об осветительный столб.

Я первым делом посмотрела в зеркало: лицо — на месте, крови нет, значит, все в порядке. Однако я почувствовала сильную боль в левой руке, ни поднять ее, ни пошевелить ею я не могла.

— Я отвезу вас в больницу, — сказал шофер.

— Какая больница?! Я опаздываю на концерт!

Вокруг собрались сердобольные зеваки, откуда-то появилась «скорая помощь» и отвезла меня на рентген в травмопункт. Рентген показал трещину в локтевом суставе. Мне наложили гипс и подвесили руку, согнутую в локте, на бинт. В таком виде все тот же таксист привез меня в концертный зал.

Концерт уже начался. Вместо меня Борис срочно ввел актрису Татьяну Бестаеву, но программу пришлось все-таки сократить. Увидев меня, Борис одарил меня таким взглядом, что у меня мороз побежал по коже. Никаких слов сочувствия он не высказал, а лишь сухо сказал: «Петь будешь песню про шофера». Я обычно заканчивала второе отделение концерта исполнением песен в сопровождении нашего небольшого оркестра.

Вначале я пела только одну песню «Проходные дворы», но успех у зрителя заставил меня расширить репертуар до 6–7 песен. Откуда-то появилась песня про шофера.

Я не пела, я исполняла песни, превращая каждую из них в маленький спектакль. Видимо, это и нравилось зрителю. Для песни про шофера на авансцене ставились два

прожектора, красный и зеленый, которые мигали попеременно. Сцена была в темноте, и только я была освещена электрическим «пистолетом». Когда, при таком оформлении сцены, я вышла с загипсованной рукой и запела «слева поворот, осторожней, шофер»... зал, в восторге от такой режиссерской «находки», зааплодировал.

После песни дали полный свет. Зал продолжал аплодировать, а таксист стоял в дверях зрительного зала и вытирал платком глаза...

После концерта Борис обнял меня: «Моя бедная девочка! Ну как же такое могло с тобой случиться! Тебе очень больно?» Он, как ребенка, гладил меня по голове, а я уткнулась в его плечо и разревелась...

Я с благодарностью вспоминаю заботу Бориса обо мне. Он баловал меня красивыми вещами, которых я раньше не имела; не позволял простаивать подолгу у плиты, покупая в кулинариях ресторанов вкусные отбивные, шницели, люля-кебабы и прочее, водил меня ужинать в «Арагви», где я впервые попробовала шашлык по-карски, цыпленка-табака, сациви, лобио и узнала вкус знаменитых грузинских вин — «Твиши» и «Киндзмараули».



«Комсомольский патруль». Б. Владимиров, В. Тонков и я

Не могу сказать, что между нами была какая-то «мексиканская страсть», но я была очень счастлива с ним: надежный, щедрый, заботливый, остроумный, искрометный — мне было очень хорошо с ним. Я была за ним, как за каменной стеной!

Борис раскрыл меня как яркую характерную актрису. Я играла все — от пионерок до дедушек.

Он вселил в меня веру в то, что я могу петь. Только благодаря ему я стала звездой мюзик-холла. Я сделала большую ошибку в жизни, что ушла от него к Эмилию Кио.

Я радуюсь, видя в его сыне от второго брака, Мише Владимирове, артисте театра «Сатиры», продолжение Бориса: те же черты лица, те же волосы, те же горящие глаза, та же музыкальность, тот же темперамент.

Юрий Гагарин

В сентябре 1962 года Бориса вызвали в ЦК комсомола: «В военном санатории в Гурзуфе отдыхает наш первый космонавт Юрий Алексеевич Гагарин с женой. Через неделю у него встреча с пионерами „Артека“. Вам со своей программой предстоит выступить после Гагарина. И запомните: это — первый космонавт в мире! Так что какое-либо общение с ним категорически запрещено! Отработаете свои номера и уезжаете в Ялту, в свою гостиницу!»

Нас привезли на автобусе в «Артек», когда уже началось выступление Гагарина. Услышав по динамику его голос, мы все впали в оцепенение: из головы вылетел текст скетчей, а руки и ноги пробивала мелкая дрожь. Но надо было работать. Когда мы начали играть, все происходило для нас будто во сне.

Вдруг мы услышали громкий, заразительный смех Гагарина, потом еще и еще... После концерта он подошел к нам: «Ну, молодцы, ребята, насмешили до слез. А можно в ваши тарелки постучать?» Он сел за ударные инструменты, стучал ударными палочками по большому и малому барабану, по тарелкам, при этом радовался как ребенок.

— Ребята! — предложил вдруг Гагарин. — А давайте прокатимся на катере. Искупнемся в чистом море. Ставридки наловим! — Мы не поверили своим ушам. Но Гагарин попросил у руководителей «Артека» прогулочный катер.

Мы были счастливы! В то время как руководство Артека пришло теперь в полное оцепенение: и отказать Гагарину нельзя, но и отпустить его в открытое море — огромная ответственность!

Мы сели в катер, а растерянное руководство «Артека» осталось на берегу...

Гагарин оказался веселым, озорным человеком, нашим ровесником, к тому же с большим чувством юмора.

Он громко, заразительно хохотал над анекдотами, которые Борис, воодушевленный присутствием рядом первого космонавта, выдавал особенно выразительно. Гагарин предложил искупаться в чистом море. Все согласились.

Я плавала хорошо, но когда Гагарин поднырнул под меня и схватил меня за ноги, заорала от неожиданности и испуга как резаная.

Гагарин вынырнул и спросил: «Неужели правда испугалась?»

На леску мы наловили ставридки. Привезенный улов Гагарин попросил руководство «Артека» поджарить нам на обед. Обед, которым угощал нас «Артек», помимо ставридки, был вкусным и сдобренным прекрасным крымским вином.

В Ялту мы возвращались в автобусе. Вместе с нами ехал Гагарин с женой. Черную «Волгу» с единственным телохранителем он отпустил в гараж. Однако она медленно плелась за нами.

По дороге в автобусе мы горланили песни, травили анекдоты.

Чувствовалось, что Гагарину хорошо с нами и совсем не хочется расставаться. В Ялте мы предложили Гагарину посмотреть спектакль Московского мюзик-холла «Москва, Венера — далее везде», который шел в Зеленом театре на набережной. Они с Валей с радостью согласились.

— Надоели нам эти старые пердуны — генералы в санатории. Хоть немного отдохнем от них, — сказал Гагарин.

Когда Борис обратился с просьбой к директору Зеленого театра организовать лучшие места для первого космонавта Юрия Гагарина, тот изменился в лице и замахал руками: «Нет, нет и нет!!! Вы что, смерти моей хотите?! Хотите, чтоб меня в тюрьму посадили?! Вы хоть

соображаете, о чем вы меня просите?! Гагарин и без охраны?! Вы хоть знаете, что он первый в мире космонавт?!» Но настойчивость Бориса сделала свое дело: директор выделил целый ряд у центрального прохода.

Гагарин был одет в простую тенниску, на глазах — темные очки.

Когда в зале погас свет, мы тихо прошли и сели на свои места. Из заднего ряда вдруг кто-то прошептал: «По-моему, это Гагарин».

— Гагарин? Где Гагарин?..

В зале становилось шумно.

На сцену вышел ведущий, заиграл оркестр, но их никто не слушал. По залу вначале появившийся шепоток «Гагарин» перерос в громкое скандирование: «Гагарин! Га-га-рин!»

Представление было под угрозой срыва. Зал не давал возможности оркестру играть, а ведущему начать спектакль.

Тогда Гагарин снял темные очки, взобрался с ногами на кресло, поднял вверх руки и, стараясь перекрыть шум в зале, громко сказал: «Дорогие товарищи, друзья! Я всех приветствую и призываю вас с уважением отнестись к тем, кто готовил для нас этот спектакль. Давайте поприветствуем их и посмотрим то, что они для нас приготовили!»

В зале раздались дружные аплодисменты, грянуло трехкратное «Ура, Гагарин!» и потом все стихло. После выступления мюзик-холла нас проводили через сцену на служебный выход.

Не в пример нынешним фанатам «фанерных звезд», как две капли воды похожих друг на друга, — никто возле служебного входа Юрия Гагарина, ввиду большого уважения и любви к нему, беспокоить своим назойливым присутствием не стал.

Мы решили, что нам пора уже прощаться, как вдруг Гагарин сказал: «Что-то не хочется расставаться с вами. А что, если продолжить вечер?..» «Понял», — сказал Борис и через 10 минут вернулся из соседнего гастронома с авоськой, полной бутылок крымского шампанского.

Элочке Прохницкой —
нашей жемчужине
на южном берегу Крыма
сегодня т. е. 21.09.62 г.
Гагарин

Автограф Гагарина: «Элочке Прохницкой — нашей жемчужине на южном берегу Крыма. Сегодня, т. е. 21.09.62 г.»

Наши актеры поняли, что Гагарину было очень интересно общаться с Борисом,

поэтому все деликатно оставили нас. Мы с Борисом предложили Юрию Гагарину и Валентине пойти к нам в номер, в гостиницу «Южная» ... Был двенадцатый час ночи. Черная «Волга» послушно остановилась у гостиницы. Строгий швейцар пропустил нас с Борисом, а Гагарина с Валею тормознул. Он преградил им путь рукой: «Время посещения гостей заканчивается в 23.00. Так что вот этого, с дамой, — он ткнул в грудь Гагарина пальцем, — я не пушу!»

Гагарин снял темные очки и, улыбнувшись своей неповторимой, «гагаринской» улыбкой, сказал: «Отец, ты что, своих не узнаешь?» С бедным швейцаром случился столбняк.

Мы уже поднялись пешком на 2-й этаж, когда услышали жалобный голос швейцара: «Простите вы меня Христа ради, старого дурака! Не признал я вас сразу, Юрий Алексеевич!»

Мы вчетвером пили крымское шампанское, Борис развлекал нас анекдотами и разными эстрадными хохмами.

В 6 утра мы встретили прекрасный крымский рассвет.

Гагарин подарил мне свою фотографию с надписью: «Элочке Прохницкой, нашей жемчужине на Южном берегу Крыма. Сегодня, т. е. 21.09.62 г. Гагарин».

Гагарин и дальше продолжал дружить с Борисом. В нашей новой квартире он фломастером на обоях написал: «Любви и счастья этому дому!» Его пожелания не сбылись, в этой новой квартире я не прожила ни одного дня.

«Мертвого льва может пнуть и осел...»

В начале 1964 года Московский мюзик-холл начал подготовку к ответственным гастролям в Париже. Художественный руководитель мюзик-холла Александр Павлович Конников пригласил меня.

Борис понимал, что с моим уходом из коллектива будут проблемы: на моих плечах лежал почти весь женский репертуар. С другой стороны, он не хотел мешать моему дальнейшему творческому росту.

Борис приглашал разных талантливых актрис, но ни одна из них не смогла в полной мере заменить меня.

В конце концов любимое детище Бориса приказало долго жить.

Несомненно, Борис мог бы с большим успехом выступать на эстраде один со своей «бабкой на футболе» и другими комическими монологами, но он второй раз пожалел Вадима Тонкова и протянул ему руку помощи. Борис отлично понимал, что Вадим не сможет один выступать на эстраде и ему придется вернуться в Областной театр.

У Бориса рождается идея создать дуэт бабок. К своей простой деревенской бабке в платочке он придумал подружку — городскую, жеманную, хихикающую бабульку в шляпке.



Борис читает монолог «Бабка на футболе». 1958 год

Так родился знаменитый дуэт Авдотьи Никитичны и Вероники Маврикиевны. Успех у них был феерический. Чтобы продлить общение с любимыми артистами, для них почти каждый раз после выступления накрывали столы. Нагрузка в работе была огромная, да плюс частые возлияния.

Слабое сердце Вадима Тонкова не выдерживает этого, и в 44 года он получает первый инфаркт. Затем второй, третий, четвертый, пятый...

В 1985 году с Борисом случилась беда, у него обнаружили онкологическое заболевание. Он очень страдал от сильных болей, но надо было продолжать работать, чтобы содержать семью: вторую жену (сестру Михаила Державина) и сына Мишу.

Будучи на гастролях в Краснодаре, не в силах терпеть невыносимую боль, Борис обратился к местному «светиле». «Светило» дал совет: «Если таблетки не помогают — прими стакан водки». Борис стал заглушать боль водкой. Ездить на гастроли он больше не мог.

В последний раз Борис и Вадим сыграли эстрадный спектакль «Приходите свататься», в котором я тоже принимала участие, в 1986 году.

Борис, в ожидании выхода на сцену, стоял за кулисами совсем непохожий на себя: грустный, молчаливый, безразличный к происходящему на сцене. Борис был определен на лечение в Боткинскую больницу. В 1988 году он скончался.

Панихиду провели за казенный счет в помещении Москонцерта на Ленинградском

проспекте.

Гроб с телом Бориса с трудом протащили по узкой лестнице и поставили на сцену маленького актового зала на втором этаже. В зале были только артисты Москонцерта. В СМИ о смерти Бориса Владимировича объявлено не было.

Похоронили его на Ваганьковском кладбище, в могилу его матери, которая последние годы жизни пела в хоре Ваганьковской церкви. На могиле скромная надпись: Борис Владимирович и даты рождения и смерти.

Прошло 23 года со дня смерти Бориса, но до сих пор семья Державиных, не самая бедная в Москве, не поставила ему памятник.

Не так должен был уходить из жизни Борис Владимирович.

Вадим Тонков после смерти Бориса уцепился за «спасательный круг» — за конференсье Гарри Гриневича — и плыл с ним по течению былого успеха «бабок», созданного Борисом, некоторое время. Но это было жалкое зрелище. Этот дуэт Вероники Маврикиевны и конференсье Гарри Гриневича был надуманным, неестественным, странным, явно не имеющим права на существование на эстраде.

Пятого инфаркта Вадим Тонков не пережил и в 2001 году скончался. Мне было искренне жаль. Вадим нравился мне как человек: хорошо воспитанный, интеллигентный, с большим чувством юмора, он заразительно смеялся. Казалось, что такой человек, как Вадим, никому не может причинить зла. О Борисе за все годы после его смерти он не сказал ни единого плохого слова.



На даче Вадим Тонков пел нам свои песни

Вадим в последние годы жизни писал стихи и перекладывал их на музыку. Незадолго до смерти он с женой был в гостях у меня на даче, на дне рождения, и пел замечательные песни, аккомпанируя себе на гитаре. Его жена, Марта, была ему полным диссонансом, и я никогда не понимала, что могло связывать таких двух разных людей.

Смерть Вадима развязала руки его жене, Марте Георгиевне, и она выплеснула наружу жгучую ненависть к Борису, которую втайне вынашивала все годы.

Будучи человеком, лишенным каких-либо способностей, серой посредственностью, она была сполна наделена низменным чувством зависти — сестрой бездарности и духовной убогости, несостоявшегося в жизни человека как личности. Марта всю жизнь, с первого нашего знакомства, завидовала нашему с Борисом благополучию и творческому успеху. Всю жизнь она не могла «простить» Бориса «покровительства» над Вадимом. Марта не могла смириться с тем, что Борис, талантливый, успешный актер, в то время помог Вадиму

выбраться из Областного театра, из нищенской коммуналки в шикарную квартиру с антикварной мебелью и помог ему состояться как эстрадной звезде в образе Вероники Маврикиевны. За то, что Борис как Папа Карло сделал из бревна Буратино, он, из актера средних способностей, сотворил из Вадима успешного эстрадного артиста, Марта вместо благодарности стала ему мстить.

Вот уж воистину не делай добра — не получишь зла.

Смерть Бориса послужила для Марты Георгиевны сигналом к атаке на его душу и по ее команде «Фас!», как из рога изобилия, с эфира уважаемого телеканала, со страниц газеты «Труд», где ее дочь — секретарь главного редактора, со страниц глянцевого журнала полилась грязь!

Марте Георгиевне надо было приложить немало усилий и обладать незаурядными способностями, чтобы организовать все это.

Самое непостижимое для меня, что в этом беззастенчивом, незаслуженном охаивании умершего, талантливого актера принимали участие те, кто при жизни Бориса считал себя его друзьями. Те, кто многие годы, получая гроши в театре, ел и пил за его счет в ресторанах, произнося хвалебные тосты в честь Бориса. «А судьбы кто?..» Мне стыдно за них. Без всякого стеснения, на всю Россию, они унижали и топтали память о хорошем человеке и талантливом артисте через Российский канал ТВ: «Алкаш!», «Бульдозер!», «Таран!», «Одесский грузчик!», «Хулиган, открывавший дверь к начальству ногой», «Бездарность, снявшийся всего в двух эпизодах к/ф», «Пропойца, из-за которого Вадим получил 5 инфарктов!». И ни одного хорошего, доброго слова! Видимо, фигуранты телепередачи и редактор этой передачи, «срежиссированной» Мартой Георгиевной, забыли христианскую заповедь: «О мертвом — только хорошее или ничего».

Съемочная группа взяла интервью и у меня. Я рассказала о Борисе много интересного и забавного, но все вырезали, оставив мне одну, ничего не значащую фразу.

Не могу понять, как главный редактор мог позволить выйти в эфир такой передаче?! А ее ведь показывали не один раз!

Уважаемый, любимый Российский канал! Именно по этому каналу проходит серия передач об ушедших от нас актерах. Даже про тех, кто, как известно, серьезно злоупотреблял алкоголем и погиб по этой причине, в эфире говорится деликатно: «он имел слабость»... Так почему же, за что обрушились на Бориса Владимировича, унизили его перед многомиллионной армией почитателей и, по сути, перечеркнули всю его творческую жизнь?! Телезрителю не оставили выбора, превратив в одночасье талантливого актера и режиссера, создателя дуэта бабок в серую посредственность, грубияна и пропойцу.

Как следует из этой передачи, оказывается, что и дуэт бабок создал вовсе не он, а вальяжно попыхивающий трубкой известный актер. Интересно, где был этот актер в 1943 году, когда Борис в 11 лет впервые сыграл «бабку» в белом платочке и круглых очках? А где он был в 1957 году, когда Борис на эстраде читал монолог В. Ардова «Бабка на футболе»? Мертвый не может ответить, он стерпит все.



Единственный верный друг Бориса — его брат Юрий

Борис был таким, каким создал его Господь: талантливым, упорным, искрометным, щедрым, взрывным, ершистым, но не злопамятным, и охаивать своего усопшего товарища он никогда бы не посмел!

Борис был самобытным человеком с очень широкой натурой. Если он покупал сыну мороженое, то не одно эскимо, а сразу ящик! Он был подобием Гаргантюа. Любил также вкусно, много поесть и запить это хорошим грузинским вином.

Борис Владимиров, несомненно, был даровитым, неповторимым актером. Его нишу не удалось занять никому! Большое упущение кинорежиссеров, что они просмотрели удивительный комедийный дар Бориса и не снимали его.

Благодаря его неумной фантазии и режиссерскому таланту им был рожден дуэт двух бабок.

Именно Борис, и никто иной, является родоначальником всех «бабок» и «теток», которые после его смерти, как грибы после дождя, стали появляться на эстраде и в юмористических телепередачах. По моему убеждению, все эти загримированные «тетки» и «бабки» с юмором ниже пояса — это лишь жалкое подражание дуэту бабок, созданных Борисом Владимировым, и успех артистов-плагиаторов абсолютно несопоставим с тем феерическим успехом, который имел легендарный дуэт Авдотьи Никитичны и Вероники Маврикиевны!

Борис Владимиров был поистине народным артистом, несмотря на то, что официального звания он так и не получил.

Московский мюзик-холл. Гастроли в Париже

Художественный руководитель Московского мюзик-холла Александр Павлович Конников подбирал команду артистов для предстоящих гастролей мюзик-холла в Париже.

Для ведения программы на французском языке требовалась молодая актриса с хорошими внешними данными, умеющая профессионально петь, говорить и танцевать, а также хоть немного знающая французский язык.

Конников долго и придирчиво отбирал актрис на эту центральную роль, но не мог остановиться ни на одной из них: эта — совсем не умеет петь; та — не умеет двигаться; следующая — слишком полная для мюзик-холла...

Такой строгий отбор объяснялся тем, что ведущая в течение всей программы должна появляться на сцене со своими остроумными скетчами, песенками и подтанцовками, и зрители за это время во всех деталях рассмотрели бы актрису, а она должна, по требованию импресарио, олицетворять образ той русской девушки, который создал в своей песне «Натали» Жильбер Беко.

Конников остановил свой выбор на мне.

Когда я еще училась в хореографическом училище, моя мама часто шутила. «Вот выучишься на актрису, поедешь на гастроли в Париж, а я испеку тебе на дорогу французскую булочку». Мамины слова материализовались. С коллективом «Комсомольский патруль» я объездила весь Советский Союз от Бреста до Южного Сахалина, но о гастролях за границей в 60-е годы я не могла даже мечтать! И вдруг — Париж! И не просто Париж! На гастроли мюзик-холл пригласил импресарио Бруно Кокатрикс, близкий друг Эдит Пиаф, владелец знаменитой «Олимпии», на подмостках которой выступали звезды мировой эстрады! Я до конца никак не могла в это поверить. Казалось, что это чей-то розыгрыш, что кто-то скажет: «Это была шутка, мы едем на гастроли... в Киев».

Но подготовка к гастролям в Париж шла полным ходом и была очень напряженной и серьезной. В 9 утра — балетный тренаж, затем вокал, затем работа над текстом, который мне предстояло в Париже произносить на французском языке. Я немного знала французский язык. Я его изучала и в хореографическом училище, и в ГИТИСе.

Но для того чтобы я говорила со сцены «Олимпии» как настоящая француженка, со мной занимались французы, работающие в Москве на радио. Наши репетиции неоднократно просматривала министр культуры Екатерина Алексеевна Фурцева.

На генеральной репетиции присутствовал Бруно Кокатрикс.

Накануне отъезда в Париж нас собрала для последних напутствий Е. А. Фурцева. Обращаясь к кордебалету, она сказала: «Девочки! Когда увидите в магазинах красивое нижнее белье — не набрасывайтесь на него! Скоро такое же будет у нас! Все будет — и красивая одежда, и обувь!» Знала бы она тогда, в 1964 году, что все это появится у нас почти через сорок лет, когда девочки станут бабушками.

В Госконцерте нас попросили сдать для оформления наши паспорта. Певица из Грузии, тонкая, как лоза, со жгуче-черными волосами, протянула свой паспорт без фотографии.

— Почему ваш паспорт без фотографии?

— Эка оторвала.

— Кто такая Эка?

— Моя двухлетняя дочь Экатэрина, — пояснила певица с сильным грузинским акцентом.

Это была Нани Брегвадзе.

Несмотря на большую ответственность предстоящих гастролей в Париже, государство не отпустило ни копейки на пошив костюмов для солистов мюзик-холла. Костюмы были пошиты только для кордебалета «Радуга», а солисты должны были сами о себе позаботиться.

Я купила, по случаю, в комиссионном магазине отрез черного панбархата на платье и большой воротник из белого песка. Шила я платье за свой счет в театральных мастерских, по

своему собственному эскизу: платье — до колена, сильно обтягивающее фигуру, с открытой спиной, а низ платья был подбит белым песком. Французы всякий раз аплодировали этому туалету. Еще бы, натуральный мех обрамлял подол платья!

Бруно Кокатриксу показалось, что одного платья на мои выходы на сцену будет недостаточно, и он подарил мне платье из красного панбархата, которое за один день пошили мне в Париже по моей мерке.

Накануне отъезда нашу квартиру с Эмилем Кио посетили корреспонденты «Пари матч». Они сфотографировали нас за чаем и подписали фото: «Элеонора-Натали и ее муж инженер-строитель Эмиль Кио». Так в 1964 г. Кио пришлось позировать журналу «Пари матч» в качестве мужа «звезды».

Псевдоним Натали предложил мне дать Бруно Кокатрикс как воплощению того образа русской девушки, о которой пел в своей знаменитой песне Жильбер Беко.

В мае 1964 года мы прилетели в Париж. Первое, что меня поразило тогда, это — запах. В аэропорту «Орли» пахло совсем иначе, чем у нас: смесь запаха французских духов с хорошим табаком от дыма сигарет.

В Париже цвели каштаны.

Автобус вез нас в гостиницу на площади Республики, а я всю дорогу щипала себя за руку в надежде проснуться. Мне не верилось, что все это происходит со мною наяву. Меня поселили в номер одну. Нани Брегвадзе — с Людмилой Зыкиной. Девочек из кордебалета — по четыре человека.

Сразу же по приезде в одном из номеров, куда их поселили, случился конфуз: одна из девочек приняла биде за унитаз. Когда она нажала на кнопку, то все содержимое ее желудка фонтаном разлилось по полу номера...

Откуда было знать нашему поколению, выросшему в бедности в коммуналках, что такое «биде» и для чего оно?! Мы также не знали, что нам делать с шестью (!) белоснежными полотенцами, которые нам меняли на «чистые» ежедневно, хотя мы использовали только два!

Так было до тех пор, пока у кого-то не появилась идея: мочить их и бросать на пол, мол, грязные, использованные — поменяйте, сильвупле!

Или откуда было знать выдающемуся эквилибристу Геннадию Попову, сделавшему на узком поручне последнего этажа Эйфелевой башни стойку на одной руке, о чем писали все газеты Парижа, про этикет в конце торжественного ужина? После премьеры мы были приглашены Бруно Кокатриксом в ресторан на банкет. Откуда было знать простому парню, что в конце банкета, на десерт, официанты обходят каждого с подносом, на котором несколько сортов сыра по 700–800 граммов каждый, предлагая отрезать кусочек любимого сыра «на закуску»?

Когда официант поравнялся с Геннадием, тот по-русски сказал: «Спасибо, я уже наелся, больше в меня не влезет, — и, подумав, добавил: — Хотя давайте, не пропадать же добру» — и смахнул с подноса к себе в тарелку огромный кусок рокфора... Париж многому научил нас, и больше подобных казусов с нами не случилось.

Питались мы плохо. Экономили деньги. Завтраки в гостинице, правда, были бесплатные: кофе, пара круассанов, крошечная упаковка джема и сливочного масла. Обедали мы в самых дешевых кафе, где заказывали по тарелке протертого супа. Зато хлеба, мягкого, с хрустящей корочкой, можно было есть сколько угодно!

Не забуду изумление на лице официанта, который поставил перед нами полную тарелку с хлебом, но не успел дойти до кухни за супом, как его остановил наш крик: «Месье! Хлеба, пожалуйста!»

Ужинали после концерта мы у себя в номере. Покупали все такой же длинный батон и запивали его сгущенным кофе или какао, привезенными из Москвы, разводя его горячей водой из-под крана.

Деньги мы экономили на покупку тех вещей, при виде которых в витринах магазинов мы просто сходили с ума. Платили нам мало, так называемые «суточные». Я получала 25

франков в день. Но однажды я случайно увидела ведомость и узнала, что Бруно Кокатрикс платил мне 125 франков. Государство забирало себе 100 франков, оставляя мне 25 франков. Но я была довольна и этим. Получая раз в десять дней 250 франков, мы устремлялись по магазинам в поисках дешевых вещей. Ведь все вещицы мы расценивали как высший класс! Проигнорировав напутствие Е. А. Фурцевой, я купила себе сразу 10 (!) комплектов трусиков и бюстгалтеров. Дешевые, из нейлона, но зато какие: и ярко-красные, и в цветочки, и в полосочку, и в горошек! Разложила я весь этот «товар» на широкой двуспальной постели и как загипнотизированная смотрела на всю эту красоту около двух часов! Еще бы! Ведь всю жизнь я покупала себе трусики в «Детском мире» за 30 копеек. В продаже были объемные панталоны, которые негодились мне по размеру, да и были слишком уродливы.

Именно из таких вискозных панталонов до колен голубого и розового цветов и огромных сатиновых лифчиков Ив Монтан и Симона Синьоре по приезде из Москвы, в конце пятидесятих годов, устроили в Париже выставку с названием: «Можно ли любить так одетую женщину?»

Нам запрещалось ходить по магазинам менее чем по четыре человека.

Но мы с Нани Брегвадзе ходили только вдвоем. Ей очень нравилось, что я могла свободно объясняться в магазинах на французском. Меня принимали за польку, за итальянку, но когда я говорила: «Я русская, из Москвы!» — вокруг собирались продавцы и с интересом разглядывали меня, как какое-то диковинное чудо. Французы раньше не видели русских женщин и представляли себе их какими-то полудикими, толстыми существами в лаптях.

— А это правда, что у вас медведи по улицам ходят? — поинтересовалась одна из продавщиц.

— Да, — ответила я, — и еще крокодилы с тиграми.

В магазин впорхнула стайка из четырех девочек из кордебалета. Все, как одна, красивые, с точеными фигурками. Они подошли к нам с Нани и заговорили с нами.

Продавцы были в шоке: «Это тоже русские?»

— Да! Да! Тоже русские! У нас все такие! — И по-русски добавила: — Знай наших!

В такие минуты чувство гордости за нашу Великую, прекрасную Родину, за ее красивых дочерей переполняло мое сердце. Впрочем, это чувство не покидало меня весь период нахождения в Париже.

Помню, как однажды я сцепилась с таксистом.

Я села в оплаченное Кокатриksom такси, направляясь после примерки платья в гостиницу. Стараясь показать свой хороший французский язык, я еще раз уточнила, куда меня надо доставить, хотя Кокатрикс ему уже объяснил.

Таксист посмотрел на меня и сказал:

— Не мучайтесь, говорите по-русски.

Таксист оказался эмигрантом и ненавидел Советский Союз. Он говорил о Советском Союзе порочащие и лживые вещи. К примеру, он сказал, что вовсе не Советский Союз, а союзники, в частности американцы, победили гитлеровскую Германию.

Я готова была вцепиться ему в волосы, но, к сожалению, он был лысый.

— Вы безграмотный человек, если не знаете, что второй фронт был открыт весной 1944 года, за год до Победы! А где были американцы в 1941, в 1942 и в 1943 годах?

— Да у вас все ложь!

— Это у вас ложь! Мой отец прошел фронт с 1941 по 1945 год! Два маминых родных брата погибли на войне, один в 1942, другой в 1943 году!

— А почему вы, победители, так плохо живете?

— Мы хорошо живем! У нас бесплатное обучение в вузах, да еще стипендию выплачивают! Бесплатное медицинское обслуживание! У нас 1 литр бензина стоит дешевле, чем стакан газированной воды!

...Целый час мы с ним еще спорили, простояв у входа в гостиницу. Как мне показалось тогда, я одержала победу. Таксист уже не был так враждебно настроен по отношению к

Советскому Союзу. На прощание мы с ним пожали друг другу руки и пожелали удачи.

Успех Московского мюзик-холла в Париже был ошеломляющим! В программе принимали участие Нани Брегвадзе, Людмила Зыкина, Юрий Гуляев.

Были отобраны лучшие из лучших номера оригинального жанра.

Большим украшением программы был ансамбль «Радуга». Номера, поставленные хореографом Н. Холфиним, вызывали у зрителя восторг!



Зал «Олимпии» скандирует. На переднем плане: Геннадий Попов, Юрий Гуляев, Людмила Зыкина, Нани Брегвадзе, Афанасий Белов и я.

Хотя это может показаться и нескромным, но не могу не сказать о том успехе, который я имела у зрителя. Об этом свидетельствуют многочисленные публикации обо мне в газетах и в «Пари матч». Вначале парижане ходили на наши выступления из чистого любопытства: «А как выглядят эти русские? И какой у них может быть мюзик-холл?»

Однако вскоре сработало «народное радио»: «Это поразительно! Очаровательно!» В кассе «Олимпии» стояла постоянная очередь за билетами!

После выступления у служебного входа нас ожидали толпы зрителей с программками в руках и просили наши автографы.

За время наших гастролей в Париже я настолько привыкла к имени Натали, что стала забывать свое родное. Вся труппа звала только — Натали.

В июне у меня был день рождения. Утром в гостинице меня отловили вездесущие журналисты и, захватив с собой сантиметр и весы, обмерили и взвесили меня. Статью с моей фотографией и со всеми моими параметрами они опубликовали на следующий же день: рост 162 см, вес 55 кг, талия 52 см.

Бруно Кокатрикс поздравил меня, преподнес 3 розовые розы и поцеловал в щеку. В ответ я тоже поцеловала его в щеку.

Ко мне тут же подошел «искусствовед в штатском», так мы прозвали сотрудника КГБ, и попросил подняться к нему в номер.

— Ну что, Прохницкая, окончены твои гастролы. За все твои «штучки» ты завтра же будешь отправлена в Москву. И конечно, с соответствующей характеристикой твоего аморального поведения!

— За что?! Что я сделала?!

— Ну, во-первых, ты, советская девушка, позволяешь французам обмерять тебя и

щупать за все места! Во-вторых, как ты могла упасть так низко, чтобы целоваться с капиталистом?!

Я не знала, чем оправдать мой «антисоветский» поступок перед работником КГБ, и пролепетала:

— Бруно Кокатрикс не капиталист. Он — наш импресарио.

— А по-вашему импресарио — не капиталист?! — Сучков насквозь просверлил меня злыми глазами.

Я ушла в свой номер и ревела там как белуга. Потом я решила поставить в известность о моем отъезде в Москву руководителя поездки Георгия Сергеевича Агаджанова. Он сказал: «Не ревите, Элла, я разберусь». Через 15–20 минут Агаджанов постучал в мой номер и, чтобы успокоить меня, а относился он ко мне, надо сказать, исключительно хорошо и за мою работу в мюзик-холле, и за мое поведение, подробно пересказал мне разговор с Сучковым.

Агаджанов сказал:

— Во-первых, товарищ Сучков, поцелуй Прохницкой в щеку пожилого человека Бруно Кокатрикса — это не антимоラルный поступок. Во-вторых, публикация в газетах размеров талии нашей «Натали» — это реклама для мюзик-холла. В-третьих, и в самых главных, что ваша скоропалительная, необдуманная отправка актрисы Прохницкой в Москву, не сделавшей никакого плохого поступка, — это срыв гастролей мюзик-холла в Париже. Без Прохницкой мюзик-холл не сможет работать! А за срыв гастролей в Париже, Сучков, вы лично будете отвечать и нести ответственность не только перед министром культуры Е. А. Фурцевой, но перед Политбюро, утвердившим эти гастроли как очень важные для установления дружественных отношений между Францией и Советским Союзом!

Сучков все понял и оставил меня в покое.



На банкете в Париже с чокаюсь с тем самым Сучковым (КГБ), который хотел выслать меня из Парижа

После выступления все артисты, кроме кордебалета, собрались в моем номере выпить «Божеле» за мое здоровье. Тогда «Божеле» стоило очень дешево. Неожиданно для всех в дверях появился Сучков.

— Вот, Элла, пришел вас поздравить. Не возражаете?

— Нет. Проходите, пожалуйста.

Мы налили ему вина. Сучков вытащил из внутреннего кармана пиджака небольшую бумажку и прочитал:

Элочке Прохницкой

*Теперь сказать могу я смело,
Пробыв в Париже десять дней,
Что Натали, вернее Элла,
Нашла пути к сердцам людей.
К нам парижане стали ближе,
Уста в улыбках расцвели.
Я с удовольствием пью в Париже
За нашу Эллу — Натали.
Пусть полнится шампанским чаша.
Я пью, друзья, ее до дна,
Чтоб новорожденная наша
Была прекрасной, как весна.*

4 июня 1964 г.

г. Париж

Вл. Сучков

Разгоряченные красным французским вином, мы напроказничали. Кто-то из артистов сказал: «А чего это капиталисты выпендриваются и выставляют на ночь в коридор свою обувь, чтобы им ее почистили? Сами, что ли, не могут это сделать? А давайте мы перепутаем все их башмаки!» Что мы и сделали.

Говорят, на утро на этаже была паника и шум, но мы ничего не слышали. После «Божеле» мы спали как убитые до самого обеда...

День окончания наших гастролей в Париже 14 июля совпал с большим национальным праздником Франции — днем падения Бастилии. Мы заранее получили французский текст «Марсельезы» в русской транскрипции. Когда после окончания спектакля вся наша труппа вышла на авансцену и запела «Марсельезу» — зрители встали со своих мест и пели вместе с нами.



Афанасий Белов, Люся Зыкина, я и Жорж Розетти. Париж, 1964 год

... С того дня прошло более сорока лет, но я до сих пор испытываю чувство волнения,

вспоминая тот русско-французский «хор» и биение наших сердец в унисон!

Мы оставили французам на память нашу замечательную песню «Подмосковные вечера», которую солисты мюзик-холла исполняли, каждый по куплету, в финале нашего спектакля.

Много лет на русском языке ее поет Мирей Матье. За 1964 и 1965 годы мы отыграли в «Олимпии» 101 аншлаги!

Рекорд, установленный «пионерами» советской эстрады на этой престижной концертной площадке, не побит ни одной звездой мировой величины! Без ложной скромности могу утверждать, что тот артист, который прошел испытание сценой парижской «Олимпии», вправе считать себя состоявшимся артистом!

91

ПРИКАЗ
МИНИСТРА КУЛЬТУРЫ СССР

МОСКВА № 355 „28“ сентября 1964 г.

СОДЕРЖАНИЕ: О гастролях эстрадной группы в Париже.

С 25 мая по 15 июля 1964 года в Париже в театре "Олимпия" впервые проходили зарубежные выступления группы мастеров советской эстрады в составе 60 человек. Все выступления эстрадной группы прошли с большим успехом и получили высокую оценку музыкальной общественности и прессы Франции.

47 представлений советских артистов посетило около 100.000 французских зрителей, причем наряду с плановыми концертами, по просьбе французских друзей и общества "Франция - СССР", советские артисты выступили перед рабочими автомобильного завода "Рено", прожекторного завода, в красных пригородах Парижа и т.д.

Отмечая большой художественный успех гастролей, профессиональное мастерство артистов и их дисциплинированность,

ПРИКАЗЫВАЮ:

объявить благодарность руководителю группы т. Агаджанову Г.С. - зам. директора Госконцерта СССР и всем участникам гастрольной поездки.

Министр культуры СССР



Е. Фурцева

Handwritten signatures and dates:
26/9
28/9/64

577-3 1208

Нани Бреговдзе

С первого взгляда Нани Бреговдзе производила впечатление строгой, гордой, холодной

и недоступной, как горная вершина Кавказских гор. Но на самом деле Нани — наивная, смешливая, рассеянная и доверчивая, как ребенок.

Я прозвала ее «Чарли Чаплин в юбке». Уверена, что ни один кинорежиссер какой-нибудь комедии не смог бы придумать столько комических эпизодов, сколько постоянно случалось с Нани.

Нани так часто забывала в общественном туалете гостиницы свои драгоценные кольца, снимая их при мытье рук, что горничные на этаже уже знали, что оставляет кольца в туалете русская мадемуазель из номера № 24.

Не раз Нани оставляла в аэропортах багаж с подарками для своих родных, которые она покупала с большой любовью. «Это — дочке Эке, это — маме, это — папе, это мужу Мираби...»

Багаж находился, но сколько нервов и слез это стоило Нани: «Вай ме, опять я потеряла свой чемодан».

Нани перепробовала своим лбом на крепость многие витрины парижских магазинов. Увидев в витрине какое-нибудь очередное французское «чудо», она, чтобы лучше рассмотреть то, что понравилось ей издали, с разбегу ударялась лбом о витрину. Бум! На шум из магазинов выскакивали продавцы или хозяева магазина и с тревогой спрашивали: «С мадемуазель все в порядке? Она не ранена?» Приходилось держать Нани крепко за руку. Сколько ни убеждала я Нани, что мы должны обходить стороной маленькие магазинчики, в которых платья и обувь нам не по карману, и что мы должны отовариваться только в больших универмагах — Нани тянуло именно в магазины с эксклюзивной одеждой.

Однажды она увидела в витрине маленького магазина черное платье с красивым поясом из стекляруса. Оттащить ее от этого магазина было невозможно. Все мои уговоры, что это платье будет стоить очень дорого, на Нани не действовали. Она была словно под гипнозом и будто окаменевшая стояла перед витриной с этим платьем. Из магазина вышла хозяйка и любезно, однако весьма настойчиво пригласила нас зайти в магазин.

Узнав цену платья, я пыталась вытащить Нани за руку из магазина, но она не слышала меня и не видела вокруг себя ничего, кроме этого платья.

Хозяйка воспользовалась моментом, сняла платье с витрины и, приложив его к Наниной фигуре, воскликнула: «Восхитительно! Это ваш стиль, мадемуазель».

Нани улыбалась счастливой улыбкой, а хозяйка облачала ее в это платье. Платье оказалось ей велико. Я чуть не подпрыгнула от радости:

— Все, Нани, пошли! Оно тебе не годится!

Но не тут-то было. Хозяйка позвала: «Лаура!»

Как из-под земли появилась женщина и, встав перед Нани на колени, стала накалывать булавками платье по Наниной фигуре.

— Нет, мадам, нет! — запротестовала я. — Мы не можем ждать! У нас через час выступление в «Олимпии»!

Сказать, что для солисток мюзик-холла не по карману такое платье — было стыдно.

— Хорошо, идите! — не сдавала свои позиции хозяйка магазина. — Через 30 минут это платье для мадемуазель будет в «Олимпии».

Хозяйка магазина не обманула. Когда мы вошли в служебный вход «Олимпии», хозяйка с большой красивой коробкой в руках уже поджидала нас.

— Ну что, добилась своего? — тихо прошипела я.

— Я счастлива! — ответила Нани.

Чтобы расплатиться за это платье, ей пришлось не только отдать все свои «суточные» за месяц — 250 франков, но еще и одолжить понемногу у всей труппы 100 франков.

Нани любила черный цвет своих концертных туалетов, но это платье стоило упорства Нани: она была в нем очаровательна!

Однако маленькие магазинчики Нани с тех пор обходила стороной и делала покупки только в больших универмагах, причем зачастую покупала то же, что и я.

Однажды грузинская диаспора закупила весь зрительный зал «Олимпии», чтобы под

Нанину песню «Тбилисо» на грузинском языке поностальгировать о любимой, покинутой Родине.

Нани явно волновалась.

Она знала, что в этом новом черном платье она неотразима. Чтобы довести свою внешность до совершенства, она попросила меня удлинить ей ресницы. В то время мы пользовались тушью, сваренной на простом мыле. Секрет «удлинения ресниц» был прост: вначале пластмассовой маленькой щеточкой, вложенной в коробочку с тушью, наносили тушь на ресницы, извините, с помощью плевка на тушь. Затем, если ресницы хотелось удлинить, первый слой туши посыпался пудрой, далее — слой туши, слой пудры и т. д. Ресницы действительно становились объемными и длинными.

Ресницы у Нани получились шикарные. Сначала на сцене появились ресницы, а потом и сама Нани. «Тбилисо» она обычно пела второй песней, а вначале она пела песню «Московские окна».

Задник сцены был оформлен в светящиеся московские окна, а сама Нани стояла на темной сцене. Лишь яркий электрический «пистолет» освещал ее лицо.

Я каждый раз, стоя в кулисе, слушала Нани, тем более что после нее шел мой выход на сцену.

Вдруг вижу, Нани начала часто моргать, затем по ее лицу покатались черные слезы.

Яркий свет «пистолета», наведенного на Нанино лицо, растопил мыло и склеил ресницы так, что она с трудом, на ощупь, добралась до кулисы. «Тбилисо» она так и не спела...

После концерта Нани всегда заходила ко мне в номер. Мы с ней болтали, пили сгущенный кофе, разведенный водой из-под крана, заедая его французским батоном и... баловались сигаретами. Нам настолько нравился запах этих сигарет, что мы с ней купили вкладчину пачку сигарет и дымили, не затягиваясь.

Однажды зашла Люся Зыкина «потрепаться» к нам, мол, скучно ей одной в номере. Но когда она увидела задымленный мой номер, она тут же ушла.

Через пару дней Люся пришла снова. Ее голова и лицо, кроме глаз, было обмотано белым махровым полотенцем: «Курите, черт с вами! Я посижу, потерплю». Так мы стали проводить время после концерта втроем.

Спустя три месяца Бруно Кокатрикс повез мюзик-холл на гастроли по всей Франции, Швейцарии и Бельгии.

Заканчивались эти длительные гастроли в Брюсселе. До отлета в Москву оставалось два дня. Денег у нас не было.

Мы с Нани оставили по два франка на двоих в день на пакет картофеля фри, который продавался на улице, на каждом углу. Это был наш обед и ужин.

От нечего делать мы заходили с Нани в шляпные отделы больших универмагов и развлекались тем, что мерили всякие смешные шляпки, умирая при этом со смеху.

Жили мы с ней в одном номере. Окно гостиницы выходило во двор, напоминающий колодец.

Наступил последний день пребывания в Брюсселе. На обед у нас оставалось по одному франку.

Проснулись мы утром от звука скрипки. Открыв окно, мы увидели мальчика лет 8-10, игравшего на скрипке. Не раздумывая, мы бросили мальчишке наши последние два франка. В этот день мы остались с ней без обеда.

После зарубежных гастролей у мюзик-холла были выступления в Одессе, в знаменитом театре оперы и балета.

Был конец июля. В Одессе стояла чудовищная жара.

Нани пела в своем любимом новом платье. Я, как всегда, слушала ее, стоя в кулисе. Нане преподнесли большой букет алых роз. Она была восхитительно красива в своем черном парижском платье, прижимая к себе букет алых роз!

Нани понимала это и не торопилась покинуть сцену. Продолжая кланяться, она

медленно отходила спиной к кулисе, лицом к зрителю. И вдруг прямо у меня на глазах, не дойдя до кулисы, Нани исчезает. Прямо как у Кио в цирке! Ни Нани, ни роз! Ужас!

Дали занавес. На авансцену вышла Людмила Зыкина с гармонистами. Под сценой слышались какие-то голоса, мужской и женский. Женский голос оказался голосом Нани. Как выяснилось, на сцене был приоткрыт осветительный люк, откуда слушал ее выступление большой поклонник ее таланта — театральный электрик.

Нани наступила ему на голову острыми шпильками парижских туфель и вместе с электриком скрылась мгновенно в люке.

Такой трюк, какой сделал электрик, мог исполнить только «нижний» акробат в цирке. Электрик «принял» Нани на голову и бережно опустил ее на пол люка. Нани не пострадала, но лысина электрика получила травму от Наниных шпилек.

На следующий день после выступления Нани электрик по пояс высунулся из люка, уже в меховой шапке-ушанке, и это в жару под 40°, и, жестикулируя рукой, словно палочкой ГАИ, довольно громко командовал Нане: «Обходи! Обходи!»

...Наша дружба с Нани продолжалась многие годы. Я очень ее любила. Мне не раз приходилось бывать в Тбилиси и в доме Нани. Я хорошо знала ее радушных, гостеприимных родителей и с восторгом слушала их пение.

...Жизнь разлучила нас с Нани. Последний раз мы с ней встретились 20 лет спустя на телепередаче «Старая квартира».

Эмиль Кио

После того как я перешла на работу в Московский мюзик-холл, наши отношения с Борисом начали ухудшаться. Мы все еще были мужем и женой, но, работая в разных коллективах, редко виделись.

Борис, с одной стороны, радовался моему творческому росту, а с другой — неистово ревновал меня. Он вообще был довольно вспыльчивым, а теперь его незаслуженные упреки выливались через край!

— Я не могу так жить! Ты общаешься с другими актерами! Я не вижу и не знаю, что ты делаешь вечерами после концерта!

Подобные сцены всякий раз приводили нас к ссоре.

Наше последнее совместное с ним выступление состоялось перед моим окончательным переходом в мюзик-холл в Днепропетровске. Нам предстояло выступление на открытой эстраде Зеленого театра. Перед началом спектакля пошел проливной дождь. Наше выступление отменили. Вечер был свободный. Небольшая группа артистов из нашего коллектива толпилась в фойе гостиницы, собираясь пойти в цирк, на представление знаменитого иллюзиониста Эмиля Теодоровича Кио.

Я никогда не видела выступление этого волшебника и присоединилась к группе артистов.

Борис пойти отказался.

Свободных мест в цирке не было и нам любезно поставили стулья в центральном проходе.

Когда в манеже появился элегантный, вальяжный Кио и чуть хрипловатым голосом произнес: «Позвольте мне представить вам моих сыновей», и на пустом месте манежа из-за ширмы появились два красивых молодых человека в черных смокингах — я чуть со стула не упала...

После представления, по заведенной актерской традиции, мы зашли за кулисы поблагодарить Эмиля Теодоровича Кио за его сказочное представление.

В жизни он оказался простым, веселым человеком и пригласил нас, пятерых, на ужин к себе в номер «люкс». Помощница семьи Кио, Маруся, милая, простая, деревенская женщина, была «профессором» кулинарии и на электроплитке приготовила такие яства, которых мы прежде не едали. Могла ли я предположить тогда, что с этой милой, удивительной

женщиной жизнь сведет меня почти на 40 лет!

...После ужина начали расходиться. Было 3 часа ночи. Меня и еще четверых наших актеров сыновья Кио попросили продолжить вечер и предложили перейти в их номер.

— Я не могу! Меня муж ждет! — сопротивлялась я.

— Ваш муж давно уже спит! А с вами не случится ничего плохого! — отпаривал мне младший сын Игорь.

Мы проболтали еще до 6 утра. Тогда же я узнала, что значат эти три загадочные буквы — Кио.



Э. Т. Кио с сыновьями. От братьев я узнала, что означают три загадочные буквы КИО. Днепропетровск, 1963 год

Оказывается, что настоящая фамилия Эмиля Теодоровича — Ренард. Свои выступления в цирке он начал как Эмиль Ренард. Однажды после представления они с группой артистов шли по ночной Москве и увидели три неоновые буквы: КИ...О. Это был кинотеатр, но буква «Н» перегорела. И тогда Ирина Бугримова воскликнула: «Эмиль! Это же потрясающий псевдоним: КИО!» С тех пор он и его сыновья были записаны в паспорте двойной фамилией: «Ренард — Кио».

В 6 утра я услышала колокольный звон и, выглянув в окно, увидела на высоком холме, напротив гостиницы, сверкающую куполами церковь. Ложиться спать уже было бессмысленно, так как в 8 утра был назначен отъезд «Комсомольского патруля» из гостиницы на вокзал.

Вдруг я предложила: «Давайте пойдем в церковь к заутрене». Игорь тут же где-то раздобыл ключи от папиной черной «Волги». Трое актеров из «Комсомольского патруля», выпив лишнего, ушли спать. Остался один эквилибрист и я. Эмиль сел за руль и повез нас на вершину холма в церковь. По дороге мы встретили грязного, оборванного человека, который, опираясь на костыли, преодолевал свой путь к церкви. До церкви было еще довольно далеко. Эмиль остановил машину возле этого человека и сказал: «Садитесь, пожалуйста». Он сел на заднее сиденье, рядом с нами. Игорь зло пошутил: «А вы не боитесь набраться от него вшей или туберкулезных палочек?»

Однако Эмиль довез его до церкви. Этот эпизод сделал мой выбор в пользу Эмиля, хотя тогда мне понравились оба брата.

...В 8 утра мы, актеры «Комсомольского патруля», сидели уже в автобусах, когда из гостиницы вышел Эмиль Кио и передал в окно мне записку: «Мой телефон 232-19-46. Я буду очень ждать Вашего звонка». Так дорога к храму неожиданно сблизила наши сердца...

Перед ответственными зарубежными гастролями программу обычно обкатывали на «нашем» зрителе. Мюзик-холл прибыл в Сочи. Когда по дороге из Адлера в Сочи я увидела огромные рекламные щиты «гастроли Кио» — я поняла, что наша встреча с Эмилем — это судьба!

Перед началом гастролей с Московским мюзик-холлом мне предстояло озвучивание своей главной роли в фильме «Трудные дети» на Ялтинской киностудии.

В Ялте я получила от Эмиля письмо, в котором он писал о том, как он одинок и как ему трудно переносить это одиночество: «Чем больше я узнаю тебя, тем ты становишься мне роднее. Знай главное, ты мне очень нужна и я люблю тебя»...

Все эти письма я сохранила до сих пор. Эмиль очень нравился мне. Всем своим внешним обликом худощавого, чуть сутуловатого, тихого и скромного интеллигента в очках и какой-то своей детской незащищенностью — он тронул меня до глубины души.

«Такого человека легко было обидеть, и он стерпел бы это и не ответил бы своему обидчику», — думала тогда я. Эмиль абсолютно не был похож ни на одного из актеров, с кем мне пришлось работать на эстраде, встречаться на съемках в кино. Он был совсем другим, как будто из другой эпохи, и напоминал мне чеховского персонажа доктора Дымова из «Попрыгуньи».

Мне хотелось помочь ему чем-нибудь, защитить его от тех, кто вверг его, при большой семье, в одиночество.

На Руси издревле говорили не «люблю», а «жалею».

Так вот я от всей души жалела Эмиля. Мне было страшно признаться самой себе, что я полюбила этого человека. Эмиль жил в квартире на Ленинском проспекте в семье своих разведенных родителей.

Его отец Эмиль Теодорович Кио был женат второй раз.

Во время войны он выступал в цирке на Цветном бульваре, где у него завязался роман с танцовщицей из кордебалета, которая родила ему сына Игоря и стала впоследствии его официальной женой.



Я с Эмилем

Первая его жена Коша Александровна находилась с маленьким сыном Эмилем и няней Марусей в Орджоникидзе.

Вернувшись после войны в Москву, они оказались в одной большой трехкомнатной квартире с новой семьей Эмиля Теодоровича.

Маме Эмиля было очень тяжело морально выносить такое соседство, но ее происхождение — княжеские осетинские корни — помогало с достоинством сносить унижительное положение «приживалки» в доме, где «правила бал» самовлюбленная и властная молодая жена ее бывшего мужа.

Так, в одной квартире, многие годы пришлось жить двум женам и двум сыновьям Эмиля Теодоровича Кио. Верным другом Коши Александровны до конца ее дней была Маруся.

Маруся случайно попала в семью Кио девочкой четырнадцати лет. Семье требовалась няня для Эмиля, которому было шесть недель от роду.

Маруся добралась до Орджоникидзе по совету своей двоюродной сестры, работающей домработницей в одной из семей. Маруся бежала из родной деревни куда глаза глядят, когда большевики разорили их семейное гнездо в Воронежской области.

Мать и отца, кулаков и «врагов народа», арестовали.

Большевики и примкнувшая к ним местная пьянь угнали со двора скот, забрали все съестные запасы, вынесли из дома все!

Дом конфисковали, а детей выгнали на улицу. Четверо сирот разбрелись в поисках

заработка и пропитания кто куда.

Семья «кулаков» жила натуральным хозяйством. С пяти утра и до заката солнца родители трудились в поле.

Старшие нянчили младших, помогали в доме по хозяйству, готовили еду, смотрели за скотом. С раннего детства детей приучали к труду. На зиму делались запасы: в бочках солили огурцы, помидоры, кочаны капусты, арбузы.

Вкуса конфет дети «кулаков» не знали, их заменяли сухие груши и яблоки. В продуктовой лавке покупали только свечи, соль и мыло.

Мать сама ткала полотно и красила детские платья и рубахи в красный цвет свекольным соком.

Отец валял валенки и шил овчинные тулупы. С ранней весны и до поздней осени дети «кулаков» бегали босые и только с наступлением первых заморозков надевали валенки.

Маруся знала, как обращаться с грудным ребенком, не боялась никакой работы и для семьи Кио оказалась незаменимой. Она, словно посланная Господом Богом, вырастила двух сыновей Кио, обиходовала дом и всех членов семьи. Маруся вставала утром первая и ложилась спать последняя. Она провожала детей в школу, встречала их. Таскала на себе тяжеленные сумки с рынка. Готовила, пекла, стирала, гладила, терла, выжимала соки и все — вручную. Со всех комнат несло: «Маруся, дай чистую рубашку!», «Маруся, где мои носки?», «Маруся, сделай морковный сок!», «Маруся, погуляй с собачкой!». И она безропотно все выполняла.

Маруся прослужила верой и правдой семье Кио почти 70 лет!

В свое время Эмиль Теодорович купил кулинарную книгу, по которой Маруся научилась готовить изысканные блюда: фаршированная рыба, сациви, холодный еврейский борщ, «наполеон» и многое другое.

Причем она никогда не позволяла себе взять ни кусочка с «барского стола». Питалась скромно. Варила себе каши.

Маруся так и не вышла замуж. Вот уж истинно Святая Дева Мария!

И в благодарность за эту жертвенную преданность семье Кио, за ее тяжкий труд, за надорванное здоровье, Эмиль, «чеховский персонаж», которого Маруся вырастила с пеленок, когда она в свои 84 года станет больной, немощной и слепой, определит в пансионат...

Но это будет потом, а пока...

Мы с Эмилем продолжали переписываться.

Мне пришлось честно сказать Борису, что я полюбила другого человека. «Борис сильный, он горы может свернуть, а Эмиль слабый, без меня он пропадет», — думала тогда я, делая свой выбор в пользу Эмиля.

Борис к тому времени сумел купить кооперативную двухкомнатную квартиру у станции метро «Аэропорт» на деньги, которые я получила за съемки в фильме «Неоплаченный долг». В это время я находилась в Париже.

Эмиль встретил меня в Москве и отвез на Ленинский проспект. Своего жилья у нас не было, и нам пришлось ютиться в квартире семьи Кио. Спали мы с ним на кровати, стоящей напротив кровати его мамы. Его отец был против нашего брака: «Тебе, Эмиль, нужна жена из цирковой династии, а не артистка мюзик-холла». Впервые Эмиль пошел против воли отца.

Мы расписались с ним в маленьком загсе на Ленинском проспекте, недалеко от дома 12, где мы жили. Не было ни белого платья, ни пышной свадьбы. Дома очень скромно мы отметили это событие: мы с Эмилем да его двоюродный брат Федор с женой.

После окончания моих гастролей по Франции, Швейцарии и Бельгии я приехала в Киев, где Эмиль выступал вместе с братом Игорем в представлении своего отца «Кио с сыновьями». Эмиль Теодорович смирился с тем, что я — жена Эмиля, но его жена Евгения Васильевна невзлюбила меня. Она словно бы предчувствовала во мне ту силу, которая поможет Эмилю стать независимым, крепко встать на ноги и добиться статуса цирковой звезды.

В Киеве мы жили в гостинице «Интурист». После представления в «люксе» у Эмиля

Теодоровича мы, как обычно, пили чай. Он был бодр, весел, смеялся над анекдотами, которые рассказывали его сыновья.

Вдруг упали с носа его очки, он схватился за сердце и повалился на пол. «Скорая помощь» констатировала смерть. Вскрытие показало, что оторвавшийся тромб попал в сердце. Кио было 65 лет. Евгения Васильевна с Игорем уехали в Москву хоронить Эмиля Теодоровича на Новодевичьем кладбище. Эмиль остался в Киеве.

Отменять представления было нельзя — билеты были проданы на месяц вперед. Эмилю пришлось одному вести этот знаменитый иллюзионный аттракцион. До сих пор не могу понять, как Эмиль нашел тогда в себе силы, после смерти отца, после бессонной ночи выйти в манеж, улыбаться и провести три представления. Это было воскресенье, а по воскресеньям бывает три представления!

— Не расстраивайся, Эмиль! Ты — старший сын, ты носишь имя своего отца! Ты будешь работать в цирке! — успокоила я Эмиля.

На следующий день я уехала в Москву. На мое счастье, Георгий Сергеевич Агаджанов, который был руководителем поездки мюзик-холла в Париж и спас меня от кагэбэшника Сучкова, работал заместителем управляющего Союзгосцирка. Я объяснила ему ситуацию. Он при мне позвонил в приемную Е. А. Фурцевой и записался к ней на прием.

Министр культуры быстро решила этот вопрос: «Один Кио — хорошо, а два — лучше! Аттракцион работает на одних аншлагах и делает большие сборы. Я разрешаю создание второго иллюзионного аттракциона для старшего сына Эмиля Кио».

Г. С. Агаджанов подготовил письмо директору Киевского цирка, на базе которого должен был родиться новый иллюзионный аттракцион.

С этим письмом я и вернулась в Киев.

Игорь с Евгенией Васильвной со своим аттракционом уехали на гастроли в Японию, а у нас с Эмилем началась подготовительная работа по созданию нового аттракциона.

Так решилась судьба Эмиля, да и моя тоже.

Я отказалась от гастролей мюзик-холла в Канаде, подала заявление об уходе и оформилась в Союзгосцирк на ставку 120 рублей ассистентом иллюзиониста. Георгий Сергеевич Агаджанов спросил меня тогда: «Элла, вы хорошо подумали? Вы — актриса с большим будущим — бросаете свою карьеру и меняете ее на работу ассистентки иллюзиониста?! Вы не пожалеете потом об этом?!»

— Но я же не просто — «ассистентка»! У меня за плечами огромный творческий опыт, и я обязана помочь своему любимому человеку в создании нового блестящего аттракциона, который будет лучше старого!

Работа шла полным ходом.

Эмиль занимался техническими вопросами и контролировал изготовление иллюзионной аппаратуры для трюков, а я взяла на себя ответственность за всю художественную часть аттракциона. Вот где пригодилось и мое образование, и мой опыт работы и на эстраде, и в мюзик-холле, и мои впечатления от увиденного в мюзик-холлах Парижа!

Надо было продумать и заказать костюмы, найти где-то балетное трико в сеточку и страусовые перья, подобрать музыку в сюжете к каждому трюку, научить ассистенток красиво двигаться в манеже, научить их правильно делать «комплимент» и прочее, прочее.

Но на первом месте стояла задача: найти близнецов!

Сейчас это уже не секрет, что многие трюки Кио были построены на близнецах: в одном месте — исчезает, а в другом — появляется. Чудо!



Эмиль Кио с ассистентками. Я — третья слева

Я начала поиски близнецов: ходила по домам, по дворам Киева, расклеивала объявления.

Первыми появились два высоких, симпатичных парня, потом две сестры. Через некоторое время явились две девушки, лет 15–16, с объемными бедрами и большой грудью. Они попросили меня зайти к ним домой и переговорить с их родителями.

Когда я увидела, как эти толстушки из огромных тарелок уплетают вареники с вишней и со сметаной, я с порога им крикнула:

— Стоп! Если хотите работать у Кио — забудьте про вареники!

Кроме близняшек пришли в цирк две симпатичные девушки, мечтающие работать ассистентами у Кио.

Каждое утро я занималась с ними балетным тренажем и словно лошадок гоняла их по манежу.

По моим эскизам в цирковых мастерских шились новые туалеты: никаких рюшечек и оборочек с блестками!

В основном ассистентки были одеты в купальники и колготки в сеточку, которые я заказала на чулочной фабрике в Киеве. Сложнее было со страусовыми перьями. По объявлению пришли всего три старушки...

Немало мне пришлось потрудиться и над недостатками Эмиля, которые мне удалось исправить: его сутулость и ужасающую дикцию. От волнения в манеже он говорил не разжимая зубов, отчего вместо внятной речи издавал шипящие и свистящие звуки.

Традиционный черный смокинг Эмиль менял в манеже на цветные, что было придумано мною и чего раньше в аттракционе Кио никогда не было.

Через 3 месяца на манеже Киевского цирка мы представили компетентной комиссии из главка Союзгосцирка наш новый иллюзионный аттракцион. Знаменитый цирковой режиссер по имени и фамилии Арнольд сказал: «Это настоящий европейский аттракцион! Это вам не старомодные, пронафталиненные рюшечки и оборочки, доставшиеся Игорю в наследство от отца. Его аттракцион — это вчерашний день. А ты, Эмиль, молодец!»

Я, как золотая рыбка, сотворившая чудо, осталась в тени своего блистательного мужа, никем не замеченная. Эмиль промолчал о проделанной мною работе в рождении этого нового «европейского!» аттракциона. Я не обиделась, я была счастлива тем, что помогла

моему любимому мужу.

Премьера аттракциона состоялась в шапито города Ялты.

После премьеры, как и положено, мы с Эмилем, клоун Эдуард Середа с женой и еще несколько артистов из первого отделения отмечали премьеру. Праздник затянулся до утра.

Утром мы с Эмилем шли по территории шапито, направляясь в гостиницу. Вдруг Эмиль замечает, что в клетке у нашего льва Урала не убрано, а клетка не закрыта на замок. Эмиль вошел в клетку, взял совок, метлу и стал убирать за львом продукт его жизнедеятельности.

Старый Урал то ли в шоке от такой наглости и неуважения человека к царю зверей, то ли от страха забился в угол клетки...

Когда Эмиль проспался, я рассказала ему о его «подвиге». Он не поверил: «Да не мог я войти в клетку ко льву. Я его до смерти боюсь».

Надо сказать, что этот старый добродушный лев был нашим кормильцем. В городах, где в продаже не было мяса, а также за границей с целью экономии валюты мы просили ассистента, ухаживающего за Уралом, отрезать нам от его дневной порции кусок мяса, из которого мы варили на несколько дней себе обед.

Мне особенно запомнились обеды из «львиного» мяса на гастролях в городе Казани.



Н. Дурова с морскими львами в цирке

В первом отделении цирковой программы участвовали жонглеры, канатоходцы, дрессировщики собачек, попугаев и пр. Так вот, в первом отделении тогда работала Наталья

Дурова с дрессированными морскими львами. Надо честно признаться, что номер у нее был очень слабый. Животные ее не слушались, разбредались по манежу кто куда, не выполняли ее команды. Однажды один из этих львов откусил ей палец. Тем не менее зрители аплодировали, потому что в манеже выступала артистка со знаменитой фамилией Дурова!

Наташа была мягким, добрым, интеллигентным человеком, и мы с ней быстро подружились.

В те годы, а это 1966–1967 гг., в Казани в магазинах продавалась только конина, поэтому мы совершенно бессовестно объедали нашего льва Урала, в рацион которого входила исключительно говядина. Я готовила еду, и Наташа часто обедала с нами.

Однажды она мне сказала: «Если в магазинах продают конину, значит, где-то должен быть склад шкур убитых животных. Из хорошо выделанной лошадиной шкуры выйдет шикарное манто!» Купить в то время шубу из натурального меха было несбыточной мечтой, и Наташина идея мне показалась заманчивой.

Всю организаторскую работу Наташа взяла на себя. Она была чрезвычайно умна, находчива и непревзойденным оратором. Наташа без особых усилий могла убедить кого угодно в чем угодно.

Она быстро нашла мясоперерабатывающий завод и узнала адрес склада, где хранились лошадиные шкуры. Склад был завален лошадиными шкурами. Мы стали выбирать. Наташа отобрала себе темно-коричневые, а я — светло-бежевые. Наташа вручила кладовщицу заранее заготовленное ею письмо от директора цирка, что «Н. Дуровой и Э. Кио требуются для работы лошадиные шкуры», и, таким образом, мы их получили бесплатно. За 3 месяца гастролей в Казани Наташа сумела не только найти первоклассного скорняка, но и организовать пошив шуб. К шубам мы заказали себе головные уборы: Наташа — большой берет, наподобие как у Татьяны Лариной при встрече с Евгением Онегиным на балу в последнем акте оперы П. Чайковского «Евгений Онегин», а я почему-то заказала себе головной убор точь-в-точь как у генерала Де Голя.

Из Казани в Москву мы уезжали в обновках: Наташа — в широком темно-коричневом манто, а я — в бежевой приталенной шубке, двубортной, с погончиками. Шубы были невыносимо тяжелые, давили на плечи, но, как говорится, «лопни, но держи фасон!».

Когда мы с Наташей появились в этих нарядах в здании Союзгосцирка «на лестнице тщеславия», у артисток цирка от зависти изменился цвет лица: что это за мех?! Где вам удалось купить такую роскошь?!

— Да совершенно случайно у одного иностранца, — спокойно парировала Наташа.

После Казани мы отправились на гастроли в ГДР, где мы с Наташей сумели купить по натуральной мутоновой шубе.

Еще Наташа покупала яркие крупные украшения: клипсы и кольца. Она надевала их не только в манеж, но носила их в жизни. Никаких натуральных изумрудов и сапфиров, о которых сейчас идет неприличный спор, я за все время общения с Наташей на ней не видела, и она мне ничего об этом не рассказывала.

Она много говорила о своем сыне Мише, тосковала по нему и сожалела, что не может уделять ему большего внимания.

Муж Натальи Михаил Болдуман был намного старше ее, а, как известно, от пожилых пап и молодых мам рождаются гениальные дети. Вот таким ребенком был Мишенька. Он необычайно быстро развивался, в учебе опережал своих сверстников.

Наташа рассказывала мне, как Мишенька в 8 месяцев сказал свое первое слово, но не «мама» и не «папа».

Наташа держала сыночка на руках, стоя у окна. Окна их квартиры на улице Горького выходили на Центральный телеграф.

Мишенька смотрел на вращающийся глобус и вдруг ясно и отчетливо произнес: «Африка».

У нас с Наташей надолго сохранились теплые, дружеские отношения. Из-за большой загрузки Наташи на работе в «Уголке Дурова» и моей занятости на озвучивании виделись мы

с ней редко, но очень часто перезванивались.

Наташа жаловалась на проблемы в «Уголке» и человеческое предательство. Она была доверчива, как ребенок, а люди, которым она делала добро, строили ей козни.

Но самой больной темой для нее были несложившиеся отношения с сыном, которого она бесконечно любила.

В сущности, при всей ее публичности Наташа была одинока. Она все принимала близко к сердцу. Много курила.

Она часто жаловалась на боли в сердце и плохое самочувствие. На мои советы лечь на обследование и лечение она отвечала: «Сейчас не могу. Вот решу такой-то вопрос, сделаю то-то и то-то, вот тогда...» У нее не хватало времени, чтобы серьезно заняться своим здоровьем...

Дружба с Натальей Дуровой, талантливым и светлым человеком, оставила в моей душе глубокий след...

Эмиль получил ставку 25 рублей за каждое выступление. И понеслось... Звание заслуженного артиста, зарубежные гастроли, слава, деньги! Виват, Эмиль Кио!

А я продолжала оставаться в тени своего уже знаменитого мужа, работая его ассистенткой, которую он «распиливал» пополам и запихивал в разные аппараты...

В 1967 году я ждала ребенка. Беременность проходила легко, без каких-либо отклонений или осложнений. Наши гастроли проходили в Сочи. Я ежедневно делала заплывы до буя и обратно, будучи на восьмом месяце. Мы познакомились с Олегом Стриженовым и его женой Мариной, которые отдыхали рядом с гостиницей цирка в доме отдыха ВТО.

Марина посоветовала мне рожать в роддоме Клары Цеткин, где рожала она свою дочь, и продиктовала мне адрес роддома. Две недели до родов я находилась в Москве в нашей новой кооперативной квартире в Марьиной Роще, построенной на деньги, которые, поступив по-мужски, вернул мне Борис Владимиров.

Все это время со мной была моя мама. Эмиль находился на гастролях в Одессе.

В соседнем подъезде дома в Марьиной Роще жили Николай Рыбников с Аллой Ларионовой и две их очаровательные рыжеволосые малютки-дочки.

Всего один раз нам с Эмилем посчастливилось провести в компании с этой красивой знаменитой парой. Запомнила, как Алла говорила: «До чего же мне надоели детские горшки и их сранки!»

В полночь 30 сентября я проснулась оттого, что в кровати подо мною хлюпает вода.

Мама сказала, что это отошли воды и что немедленно нужно ехать в роддом.

В роддоме Клары Цеткин меня осмотрела дежурный врач, парторг роддома, и определила, что утром первого октября я должна родить.

Но ни утром первого октября, ни ночью, ни утром второго октября ребенок не появлялся на свет.

УЗИ в то время не было, но врач-акушер должен был определить, что ребенок находится в «лицевом предлежании», то есть перевернулся лицом вверх. Лобная кость не может сузиться, как темечко, поэтому ребенок вторые сутки стоит в родовом проходе.

Обычно в такой ситуации делается кесарево сечение, но парторг, видимо, не знала этого и заставляла меня тужиться, что доставляло мне страшные мучения. В десять вечера второго октября появился мужчина-акушер и буквально выдавил из меня черного безжизненного мальчика. Его начали оживлять. Минут через десять, которые показались мне вечностью, он тихо заплакал. Парторг меня успокоила: «Мы сделали все, чтобы ваш сын остался жив». Но при этом она не сказала о том, что, по сути, убила моего ребенка, сделав из него на всю жизнь инвалида, с биркой «детский церебральный паралич». Простояв двое суток в родовом проходе, он получил кровоизлияние в мозг.

Состояние сына было тяжелое: он не мог сосать грудь и постоянно плакал. Его травмированная центральная нервная система лишала его нормального сна. За месяц такой жизни я сама была на грани нервного срыва.



Эмиль Кио с нашим сыном Эмильчиком. 1967 год

Через месяц прилетел Эмиль и забрал нас в Одессу, где проходили его гастролы. Здесь на помощь мне пришла Маруся, которая стала ему второй матерью. В Одессе мы жили в цирковой гостинице, в которой жили все участники программы. «Доброжелатели» сразу же мне доложили, что Эмиль все это время развлекался с танцовщицей на проволоке. «Она по проволоке ходила, махала белой рукой»...

Мне казалось, что я не смогу простить ему его предательства. Ведь не прошло и трех лет с тех пор, как он клялся мне в любви и как я помогла ему в создании аттракциона, пожертвовав собственной карьерой.

Я спросила его тогда: «Это правда?»

Никогда не забуду его реакцию. Он ничего не ответил, лишь крупные капли пота закапали с его лба.

Я всячески старалась забыть об этом, но, как оказалось, простить такое до конца нельзя.

Боль, нанесенная любимым человеком, как заноза, постоянно сидела в моем сердце.



Маруся с Эмильчиком на лечении в литовском городе Друскининкае. 1967
год

Мы переехали на гастроли в город Грозный. Через маленькое отверстие в занавесе я смотрела на зрителей. Мой взгляд остановился на двух девчушках, рыженьких, как две капли воды похожих друг на друга. Поскольку проблема поисков новой пары близняшек по-прежнему была актуальна, я попросила нашего ассистента привести их к нам за кулисы после представления.

Родители близняшек Любы и Зои Усастовых с радостью согласились отдать дочек на работу в цирк. Потом я поняла, почему родители так быстро согласились. Девочкам было по 14 лет. Их мама попросила меня: «Пожалуйста, помогите им закончить школу. Они не очень послушные, будьте с ними построже, как мама».

Я безуспешно билась над их «поведением» в манеже. Их руки и ноги не слушались, были корявы, будто сделаны из железа.

Я проверяла домашние задания, расписывалась в их дневниках, ходила на родительские собрания, улаживала с учителями их прогулы. Они мне постоянно врали и учиться явно не хотели. Закончить десять классов они так и не сумели.

Зато довольно быстро они научились пить водку и заниматься любовью с артистами цирка, меняя партнеров в каждой программе.

Особенно в этом преуспела девочка Люба. Ей нравилось напиться и предаваться любви на конюшне в стогу сена под крики кавказских джигитов «Асса!». Люба переспала с доброй половиной артистов Союзгосцирка.

Мы готовились к ответственным гастролям в «ненашей» Германии, в ФРГ. Новые костюмы, по моим эскизам, шились в мастерских Большого театра. Я находилась в это время в Москве. Эмиль на гастролях в Саратове.

Вечером раздался междугородний телефонный звонок. Незнакомый женский голос меня спросил: «Вы видели фильм „Лев зимой“?»

— Да, — ответила я, пытаюсь установить по голосу, кто мне звонит.

— А как вам понравится фильм Эмиль Кио и Люба Усастова в одной постели? — В трубке слышались частые гудки. Я не поверила своим ушам. Этого простить Эмилю я уже не могла. Изменять мне на глазах у всего коллектива и с кем?! С грязной потаскушкой?! А он уже и не скрывал своих отношений с Любой.



Я — ассистентка Кио

Последним моим участием в аттракционе Кио стали гастроли в Германии.

Импресарио, как положено, предоставлял нам с Эмилем как супружеской чете номер «люкс».

Эмиль заходил после представления, переодевался, мыл руки и уходил на всю ночь к Любе «на сеновал».

По приезде в Москву я сразу же подала заявление в суд о разводе. В суде Эмиль повел себя непристойно. Он привез с собой из Курска провинциального, но довольно наглого адвокатишку, который, читая по бумажке, обливал меня грязью.

Я ничего не понимала: разве судят меня? Но в чем меня обвиняют и за что?! За дверью зала заседания суда ожидала своей очереди «тяжелая артиллерия», купленные свидетели, готовые своими ложными показаниями подтвердить все, в чем обвинял меня защитник Эмиля. Но я лишила, их такой возможности, так как вовремя поняла, что весь этот позорный спектакль был разыгран и срежиссирован Эмилем с одной целью: лишить меня материнства!

Но зачем разведенному мужчине большой ребенок?

А затем, чтобы при размене жилплощади, куда были вложены заработанные мною 20 тысяч рублей, отвоевать себе большую часть квартиры.

Я попросила у суда слово и сказала, что я отказываюсь от притязаний на квартиру, а также от всего совместно нажитого за 11 лет имущества: автомобиля «Волга», купленного за валюту на гастролях в Мексике, от бытовой и музыкальной техники, купленной также совместно в Японии, от посуды и хрусталя, купленных в Германии, от хорошей мебели — словом, от всего!

Главное мое требование к Э. Кио было, чтобы он, как и я, принимал самое активное участие в лечении и содержании больного сына.

У Эмиля и его адвоката был обескураживающий вид. Они никак не ожидали такого поворота дела.

Суд принял мою сторону.

В коридоре суда незнакомая мне пожилая «свидетельница» чуть не плача повисла на рукаве у Эмиля: «Я что, зря текст учила?»

...А Эмиль тем временем продолжал свои отношения с Любой, которая была почти вдвое моложе его! Люба забеременела, но Эмиль не хотел официально на ней жениться. Его заставили это сделать приехавшие из Грозного родители.

Рассказывали, что особенно шумела бабушка, одетая в плюшевый черный сюртук и

кирзовые сапоги: «Одну жену бросил с больным ребенком, вторую хочешь бросить! Да ты за это из партии вылетишь. А если мы еще заявим, что ты ее, „малолетнюю, лишил невинности“ — тебе совсем несдобровать!»

Странно, но я совсем не чувствовала никакой обиды или чувства горечи за его низкое предательство. Только чувство брезгливости. Мне хотелось поскорее забыть все, что связывало меня раньше с этим человеком, поэтому я оставила ему все, чтобы только не видеть и не слышать больше о нем.

Я была прописана в квартире на Ленинском проспекте, но не могла там находиться. Я взяла два чемодана и уехала к маме. Мои друзья крутили пальцем у виска, мол, у меня «не все дома», но я считала тогда и считаю до сих пор, что поступила в то время правильно.

Я не могу понять только одного: как, когда я пропустила момент превращения Эмиля из скромного, порядочного, интеллигентного «чеховского персонажа» в циничного, развратного, меркантильного человека?! Почему он не оценил моей жертвенности и вместо элементарной человеческой благодарности за все хорошее, что я сделала для него, мстил мне?! Он перечеркнул все, к чему я стремилась с раннего детства, и сделал мое будущее моим прошлым!

После того как Люба родила дочь, Эмиль официально женился на ней. Теперь эта бездарная, безграмотная «недоучка» пыталась играть мою роль в аттракционе.

Однако завязать с прошлыми привычками Люба так и не смогла. Застав ее вскоре после рождения ребенка «на сеновале» с очередным джигитом, Эмиль подал на развод.

У меня в цирке осталось много друзей. Мне звонили (да и до сих пор звонят) и рассказывали о дальнейшей судьбе Эмиля.

Говорили, что он с Любой пристрастился к водке и что теперь крепко выпивает.

В главке Союзгосцирка, где обычно кучковались артисты, приехавшие из зарубежных гастролей, чтобы похвастаться своими «шмотками», на так называемой «ярмарке тщеславия», Эмиль появлялся небритый, в мятых брюках, в нечищенных ботинках, сильно похудевший и постоянно навеселе. От прошлого Эмиля осталось только имя, на него больно было смотреть.

Артистка цирка Ольховикова Виктория Леонидовна, «баба — не промах», быстро сообразила: «Какое добро пропадает! Ведь Кио все-таки! Если его отмыть, подкормить — чем не пара для моей доченьки Иоланты, которую оставил Игорь Кио!»

У Виктории Ольховиковой был номер с дрессированными бульдогами, которые, как бы играя в футбол, гонялись за воздушными шариками. Забавно!

Для начала она напросилась со своим номером в программу к уже безвольному Эмилю.

Этапом второй «обработки» Эмиля была кормежка его обедами и ужинами. Виктория Леонидовна, будучи отменной кулинаркой, с усердием «лепила» для своей дочери нового мужа. Ее дочь Иоланта, в быту Елка, звезд с неба не хватала. Закончила среднюю школу. Кто ее папа, в цирке никто не знал.

Мама купила ей готовый номер с большими попугаями, с которыми она и выступала в манеже: попугаи делали свою работу, а Иоланта при этом улыбалась и посылала публике воздушные поцелуи. Мама научила ее вилять бедрами. В цирке, где артисты работают и живут бок о бок в цирковой гостинице по несколько месяцев, известно друг о друге все.

Говорили, что бабушка Иоланты имела еще до революции свой цирк в Кисловодске. Что украшения из бриллиантов от бабушки ее матери, а мать часть драгоценностей подарила своей дочери Иоланте, которая ходила в Союзгосцирке, обвешанная сверкающими драгоценными камнями, как елка. Может, поэтому она и получила второе имя «Елка», «Елочка», «Ела». Единственным достижением в ее жизни было замужество за родным братом Эмиля Игорем Кио, которого его родители заставили жениться на Иоланте Ольховиковой. В цирке было принято создавать брачные союзы из цирковых династий. Так Иоланта «поймала Бога за бороду». Выйдя замуж за Игоря, Иоланта поменяла фамилию Ольховикова на Кио.

Став женой Эмиля, ей не пришлось менять фамилию: Кио вышла замуж за Кио. В

цирке был шок, никто не мог поверить, что такое возможно — выйти замуж за родного брата бывшего мужа! Кто-то из цирковых артистов очень точно назвал этот брак: «чемодан на чемодан», то есть брак не по любви, а по расчету.

А Эмиль отделивался циничной шуткой: «Теперь я буду получать с брата алименты на воспитание его дочери». Эмиль попал под пресс амбициозной и своевольной Иоланты. Теперь она стала самоуправцем в семье и решала все вопросы по своему усмотрению.

Она решает обменять трехкомнатную квартиру семьи Кио и комнату Маруси, на том же Ленинском проспекте, на четырехкомнатную на Мосфильмовской улице. Ей, мадам Кио, не пристало жить в трехкомнатной квартире. Чтобы получить разрешение на такую большую площадь, они с Эмилем прописывают туда Марусю и Эмильчика, которому как инвалиду I группы с детства положена дополнительная площадь.

Однако на порог своей новой четырехкомнатной квартиры Иоланта их не пускает, а предоставляет им для временного жилья малогабаритную обшарпанную квартиру в Коптельском переулке, принадлежащую Иоланте после размена квартиры, оставленной ей Игорем.



Маруся и Эмильчик

Но вскоре Иоланте становится тесно и в четырехкомнатной квартире. Она, почти как старуха из сказки А. С. Пушкина «О золотой рыбке», хочет теперь быть «столбовою дворянкой» и жить во дворце на Рублевке.

На заработанные Эмилем доллары за многолетние гастроли в Японии они строят особняк на Рублевке.

В передаче Оксаны Пушкиной «Женский взгляд» они позировали на фоне своего владения на Рублевке, лгали, как могли, а на вопрос, есть ли у них дети, Эмиль ответил: «Да, у нас с Иолантой есть дочь», имея в виду дочь Игоря. Тогда он на всю Россию отрекся от своего сына, носящего его имя! Еще бы! Рублевка и сын-инвалид — как-то не вяжется одно с другим, с точки зрения этой неискренней пары.

Тем временем нашему больному сыну трудно было находиться все лето в Москве, ему требовалось пребывание на свежем воздухе, за городом. Но на Рублевку его не пускали, поэтому мне пришлось решать этот вопрос самой.

Я продала мамин подарок — норковую шубу и подарок мексиканского импресарио Михаила Шелькрау — золотой браслет. Денег хватило на покупку «Москвича» и деревенского дома в деревне Бортнево под Москвой.

В деревне было всего сорок домов, один колодец, два пруда, вокруг деревни — лес. На

участке в двадцать соток росли яблони, груши, слива, вишня, смородина, малина. Каждый год я сажала огород: огурцы, помидоры, морковь, свеклу, салат, зелень, кабачки, тыкву, горошек и картофель.



На даче

Более 25 лет Эмильчик с Марусей жили со мной на даче с мая по октябрь.

Эмиль два раза за все годы навестил сына и оба раза привозил ему по связке бананов. Да, бананы у нас не росли!

Мне требовались средства на новую инвалидную коляску для сына, на сооружение на даче для него перил, поручней и пр.

Однако богатый папа с Рублевки не дал ни рубля.

Тем временем умирает японский импресарио. Эмиль, который в течение десяти лет по полгода гастролировал в Японии, остается без работы. Иссяк источник, из которого текли доллары. Но на содержание особняка на Рублевке, на отдых за границей и просто на жизнь нужны какие-то дополнительные вливания денег. А где их взять? Продать квартиры в Коптельском переулке и на Мосфильмовской улице. Но продать квартиру с прописанными в ней людьми нельзя, тогда Иоланта решает выписать их из квартиры... в пансионат.

При этом Эмиль даже не считал нужным поставить меня об этом в известность! Я узнала об этом, когда сын позвонил мне: «Мама, мы с Марусей в пансионате». Насколько же надо быть безнравственным и низким человеком, чтобы тайком от матери сдать ее сына в пансионат?! Разве на это не требовалось мое согласие?! Или, быть может, Иоланта расписалась за меня, подделав документ?! Или я была лишена материнства?!

Этот очередной постыдный поступок Эмиля окончательно убедил меня в том, что духовно и нравственно они с Иолантой — одно целое. Они «нашли друг друга»!



Эмильчик в пансионате

Я каждый раз плачу, когда уйду оттуда.

За что его папа обрек сына и Марусю на такое существование?!

Я для Эмильчика и Маруси делала все, что было в моих скромных возможностях, но в моей малогабаритной двухкомнатной квартире инвалидной коляске не развернуться и не проехать в узкие двери. Отец Эмильчика обязан был содержать своего больного сына и Марусю, вырастившую его с пеленок в своих апартаментах, но ему этого не разрешила сделать его жена, она решила выписать их с Мосфильмовской, отобрать паспорта и бессрочно сдать их в пансионат. Я от всей души желаю этой паре провести остаток дней в пансионате.

Господь справедлив и воздает всем по заслугам!

Игорь Кио. Галина Брежнева

Игорь отличался от Эмиля не только своими актерскими способностями, но и характером: был напорист, изобретателен, тщеславен, самостоятелен. Он рано повзрослел и в свои пятнадцать-шестнадцать лет выглядел намного старше своих лет.

Молодые артистки цирка сходили по нему с ума, и он не обделял их своим вниманием.

Игорю было семнадцать лет, когда он закрутил головокружительный роман с тридцатипятилетней Галиной Брежневой. Эта тема уже достаточно муссировалась в СМИ, я же расскажу о том, чему была свидетелем и что рассказывал мне Игорь.

Мы с Эмилем были уже женаты, и в квартире на Ленинском проспекте мы не раз виделись с Галей.

В те годы она была в расцвете своей красоты: изящная фигура, красивые черты лица. Прическу из темных густых волос на затылке завершал роскошный черный бант.

Галя не носила ни чулок, ни колготок. Ее красивые длинные ноги всегда «дышали свежим воздухом». В общении она была простой. В еде — неприхотливой. Ее любимой едой были магазинные котлеты по пятьдесят копеек десяток.

Галя покупала их сразу, в соседнем магазине, по два-три десятка. Нажарит две сковородки и приглашает нас за стол. Покупные магазинные котлеты в то время и в самом деле были очень вкусные, натуральные, мясные, без всяких добавок.

Галя была женщина-вулкан: своим заразительным смехом и фонтанирующим темпераментом она заражала окружающих. Как-то я рассказала ей о моей встрече на

Кремлевской елке с Леонидом Ильичом, о том, что он звонил мне на домашний телефон и нарвался на маму, которая здорово его отчитала.

Галя расхохоталась: «И правильно сделала! Этот старый бабник за каждой юбкой волочил, ни одной „Снегурочки“ не пропустил!»

Однажды в двенадцатом часу ночи в дверь квартиры кто-то позвонил. Мы с Эмилем только что с трудом успокоили плачущего сына и уложили его спать. Поэтому столь поздний визит был нам совсем некстати.

Эмиль тем не менее открыл дверь.

В дверях стояла Галя. В руках она держала букет роз и шампанское.

— Привет! — громко сказала она.

— Тише, тише, не шуми. Эмильчик спит.

— К черту тишину! Эмиль третий родился! Открывайте шампанское!

Галя была очень добрым человеком и любила делать подарки.

Мне она подарила потрясающую мохеровую кофту, ярко-красную, с начесом, о которой я могла только мечтать!

Эту кофту я носила лет двадцать, и все это время она продолжала оставаться как новой и восхищать своей красотой.

Всякий раз, надевая ее, я вспоминала Галю. Эту кофту уже более сорока лет я храню до сих пор, и иногда в холодные дни она согревает меня на даче.

Историю их брака и развода с Игорем рассказывают по-разному.

Вот что я узнала от Игоря.

Их чувства друг к другу были настолько сильны, что, несмотря на разницу в возрасте, они решили соединить свои судьбы законным браком.

Леонид Ильич Брежнев узнал об этом событии из «вражеского голоса».

«Голос Америки» провещал тогда: «Дочь генерального секретаря ЦК партии Советского Союза вышла замуж за сына артиста бродячего цирка Эмиля Кио».

В это время Игорь с Галей, счастливые и влюбленные, наслаждались солнцем и морем, проводя свой медовый месяц в Сочи. Жили они в «люксе» цирковой гостиницы. Однако их семейное счастье продолжалось недолго.

Однажды в дверь их номера постучали. На пороге стояли два офицера. Один из них попросил предъявить паспорта. Игорь с Галей возмутились: «А в чем, собственно, дело?! Мы состоим в законном браке! У нас штамп в паспорте!».

— Не волнуйтесь! Мы только проверим и вернем вам паспорта через десять минут.

— Черт с ними! — сказала Галя Игорю. — Пусть проверяют. У нас все в порядке!

Через десять минут в дверь снова постучали. Офицеры вручили Игорю и Гале паспорта «чистые», в которых не было штампа о бракосочетании.

Один из офицеров сказал: «Галина Леонидовна! Я имею строжайшее распоряжение от моего руководства немедленно доставить вас в Москву. Самолет ждет вас в аэропорту, машина — у подъезда. Собирайтесь!»

Несмотря на оказанное давление со стороны Л. И. Брежнева, Галя с Игорем не могли расстаться. Они продолжали встречаться еще длительное время, вплоть до следующих увлечений Гали и Игоря.

А следующим увлечением Игоря была юная артистка цирка, из семьи знаменитых канатоходцев Семадо, по имени тоже Галя. Глава семьи, ее отец, был японец, мама — русская. Галя была похожа на фарфоровую статуэтку. Полюбив Игоря в свои 16 лет, она сохранила ему верность на всю жизнь, так и не выйдя замуж.

Гастроли «Кио с сыновьями» проходили в Архангельске. В перерыве между гастролями мюзик-холла я прилетела на неделю к Эмилю в Архангельск. Архангельск был серым и скучным городом. Не зря местные жители называли его: «Доска, треска и тоска!» Я впервые в жизни увидела дощатые тротуары, под которыми, не боясь прохожих, шныряли крысы.

Цирковая гостиница была убогой, обшарпанной и повсюду сильно пахло хлоркой и

дустом. Артисты жили в ней бесплатно. Однако в этой гостинице поселили только Эмиля, а Игорь с родителями жил в городской гостинице.

В Архангельске я стала свидетелем насильной женитьбы Игоря его родителями на Иоланте Ольховиковой. «Все могут короли, но жениться по любви не может ни один король...»

Эмиль Теодорович Кио прочил Игорю большое будущее, считая его наследником созданного им единственного и неповторимого иллюзионного аттракциона, а это значит, что жена у него должна быть под стать, с известной цирковой фамилией.

Мать Иоланты Виктория Ольховикова и ее родной брат, жонглер на лошади, пользовались в цирке большим авторитетом, поэтому выбор жены для Игоря пал на дочь Виктории Ольховиковой — Иоланту.

Мать Иоланты прилетела со своей дочкой в Архангельск, по договоренности с родителями Игоря, для женитьбы их детей.

Игорю не нравилась жеманная Иоланта, он никогда с ней не встречался и был категорически против этого союза.

Тогда он страстно был влюблен в Галю Семадо, которая прилетела к нему в Архангельск. Для встреч с ней он снял комнату в частном доме. И в это же самое время в гостинице Архангельска проходил «торг». По словам Игоря, с одной стороны на него наседали его родители: «Мы устали от твоих любовных похождения, то одна Галя, то другая. Хватит! Пора остепениться!» С другой стороны — мать Иоланты, восхваляя со всех сторон свою дочь, заманивала Игоря, тряся узелком носового платка, в котором были семейные драгоценности: «Поженитесь с Елочкой, это будет ее приданое». Давление на Игоря было настолько сильным, не допускающим никаких возражений, что ему не оставалось ничего другого, как сдаться.

Расписали их на следующий же день. Наутро после первой брачной ночи Игорь зашел к нам с Эмилем в номер цирковой гостиницы.

— Ну как молодая жена? — поинтересовался Эмиль.

Игорь только махнул рукой.

Он попросил нас навестить Галю, так как сам теперь сделать этого не мог. Галя, узнав о женитьбе Игоря, решила наложить на себя руки. Мы с Эмилем застали ее в тот момент, когда она мастерила себе петлю.

Вскоре у Игоря с Иолантой родилась дочь.

Однако полюбить свою жену Игорь так и не смог. Прожили они недолго...

Близнецы в аттракционе Кио играли какую-то роковую роль. Взяв к себе на работу очередную пару близнецов, Игорь полюбил одну из них: она была красива, умна, интеллигентна.

Игорь подал на развод с нелюбимой женщиной и женился на Виктории, с которой он прожил до самой своей кончины.

Игорь поступил тогда, в отличие от Эмиля, как подобает настоящему мужчине. Он оставил Иоланте их трехкомнатную квартиру на Садовом кольце и ушел с одним чемоданом. Игорь до восемнадцати лет выплачивал алименты Иоланте за их дочь, несмотря даже на то, что Иоланта выскочила замуж за его родного брата.

Игорь, вне всякого сомнения, преуспел в своем творчестве. В то время как Эмиль разводился и женился, довольствуясь тем, что я когда-то помогла ему создать, Игорь создавал новые трюки, новые иллюзионные программы и телешоу.

Несправедливо рано ушел из жизни Игорь — порядочный человек и талантливый артист!

Новая жизнь

11 лет жизни я подарила Эмилю Кио, пожертвовав ради этого человека своей карьерой. От мужа уходят либо к другому мужчине, либо в никуда. Я ушла в никуда... За эти годы я

«вылетела из обоймы» и стала невостребованной.

Меня забыли! Для актера нет ничего страшнее этого!

Актерская профессия беспощадна. Она не прощает измены. И я в свои 37 лет должна была начинать жизнь сначала, с белого листа!

Это был очень трудный период моей жизни: ни жилья, ни работы. Я все еще была прописана в трехкомнатной квартире на Ленинском проспекте, которую мы с Эмилем обменяли с женой Эмиля Теодоровича на нашу двухкомнатную кооперативную квартиру, выстроенную на мой гонорар от к/ф «Неоплаченный долг». Таким образом, мы объединили жилье с мамой Эмиля и Марусей, проживающими в этой трехкомнатной квартире. Я имела законное право проживать в квартире на Ленинском проспекте, но мне было отвратительно все, что связывало меня когда-то с Эмилем.



Такой я ушла от Эмиля Кио в 1974 году

Больше года я снимала комнату в ожидании однокомнатной квартиры в Лосинке на Ярославском шоссе, так как мама с Виктором Владимировичем переехали жить из Москвы в Ялту. Я снимала комнату. Хозяйка съемной комнаты, проживающая в этой же квартире, была невыносимой: грубая, дерзкая. Она бесцеремонно делала мне замечания, поучала меня,

придиралась по мелочам, отчитывала, если я приходила домой со съемок после 10 часов вечера.

Я ждала своей новой квартиры как манны небесной.

Неоднократно я ездила на Ярославское шоссе смотреть, как продвигается строительство дома: вот вырыт огромный котлован; вот заложен фундамент; вот возведены первые три этажа. А дом-то 16-этажный! Интересно, на каком этаже я буду жить?! Наконец-то наступил момент жеребьевки. Я вытасила 12-й этаж: 19 м² — комната, 12 м² — кухня и 6 м² — лоджия.

В дом было проведено электричество, но воды еще не было, и лифты не работали. Получив ключи от квартиры, я решила заселяться.

В комиссионном магазине на ул. Дудинка я купила потрясающий старинный буфет, который до сих пор украшает мою кухню, овальный старинный раздвижной стол и арабскую кровать.

Я договорилась с прорабом, что он за две бутылки водки поможет мне поднять все мое имущество в квартиру. В связи с тем что лифты не были еще подключены, прораб вручную тащил тросы до 12 этажа и помог затащить мне все это в квартиру.

Я закрыла дверь на ключ, села на кровать и заплакала. От счастья.

Наутро я вышла на лоджию. Внизу как спичечные коробки виднелись маленькие, почерневшие от времени избушки, утопающие в цветущих садах. Как сумасшедшие пели соловьи.

Был май 1976 года.

Начиналась моя новая жизнь.

Эмильчик остался под присмотром Маруси, которая тем самым помогла мне и дала возможность войти в колею новой жизни.

Нужна была работа, нужны были деньги на жизнь. Но где искать работу?

Я встала на актерский учет на Мосфильме. Больших ролей мне не предлагали, а съемки в эпизодах и в «окружении» не приносили мне ни творческой радости, ни денег.

Я обратилась к Георгию Сергеевичу Агаджанову, который к тому времени стал директором Госконцерта. Третий раз в жизни этот добрый и мудрый человек протянул мне руку помощи. Он предложил мне работу ведущей концертов эстрадных зарубежных исполнителей. Я проработала в системе Госконцерта около двух лет. Вела концерты Лолиты Торес, Карела Готта, вокального квартета «Дак Дакс» — «Черные утки» и многих других.



Лолита Торос

Для гастролей зарубежных знаменитостей в Москве и других городах представлялись лучшие концертные площадки. Как-то после концерта Карела Готта на сцене театра Сатиры он мне предложил: «Элеонора, составь мне компанию. Меня пригласил на свадьбу мой друг Муслим Магомаев, а ехать одному мне не хочется. Поехали со мной!»

У нас с Карелом сложились очень хорошие, товарищеские отношения. Отказать в просьбе этому озорному, с большим чувством юмора человеку я не смогла. Свадьба Муслима Магомаева и Тамары Синявской проходила в кабинете ресторана «Баку».

Приглашенных, кроме нас, не было. Невеста была одета в мохеровую кофту, такую же, какую подарила мне Галя Брежнева, только темно-зеленого цвета. Было непонятно, почему не было гостей, почему Тамара не в белом платье: то ли настоящая свадьба уже была, то ли новобрачные не хотели придавать широкой огласке столь важное событие?

После ужина Муслим предложил продолжить вечер у них в квартире двухэтажного особняка в одном из переулков ул. Горького, ныне Тверской. Муслим, Тамара и Карел весь вечер пели, аккомпанируя себе на рояле. Это был сказочный, необыкновенно красивый и неповторимый вечер...

Тем временем я уже въехала в свою долгожданную кооперативную квартиру, и каждая гастрольная поездка становилась для меня тягостной.

За 15 лет бесконечных разъездов с «Комсомольским патрулем», с мюзик-холлом, с

цирком и с концертами от Госконцерта я очень устала. Хотелось наконец осесть в Москве, в своей маленькой уютной квартире. Хотелось уюта, тепла и семьи.

В новом доме я подружилась с соседкой Тамарой, веселой, гостеприимной, такой же одинокой, как и я. Тамара Синицина преподавала во ВГИКе политэкономия. Мы часто коротали с ней свободные вечера. Не раз, приезжая ко мне, к нам присоединялась дочь Виктора Владимировича, как я ее называла, «моя свободная сестра» Надя: добрая, мягкая, эрудированная, она работала в издательстве «Юность».

Как-то она мне предложила: «Давай выдадим Тамару замуж. На опытном заводе МЭИ, где работает мой муж, есть классный холостой мужик, ведущий инженер завода, давай их познакомим!»

Я уговорила Тамару поехать к Наде в гости. В условленный день и час я, купив по просьбе Нади несколько банок шпрот для ее дочек, позвонила в дверь Тамары, но дверь мне она почему-то не открыла.

На улице лил проливной дождь. Ехать мне абсолютно не хотелось, но я привыкла держать данное слово. Я шлепала по лужам и ворчала: «На черта я прусь в это Бескудниково, чтобы на какого-то инженера посмотреть? Зачем он мне нужен?»

Навстречу мне встал симпатичный мужчина лет сорока. «Людвиг», — представился он и предложил мне стул рядом с собой.

С тех пор мы так и сидим рядом вот уже 35 лет!

Людвиг оказался интеллигентным, образованным, порядочным, добрым, с покладистым, сговорчивым характером и абсолютно безотказным. Он не знал слова «нет» или «не могу». Ему звонили его бывшие сокурсники, «суворовцы» или сослуживцы и просили кто замок врезать в дверь, кто помочь мебель перевезти на дачу, кто встретить ночью на вокзале.

Он никогда и никому не отказал и искренне, с дорогой душой помогал друзьям.

Для дома Людвиг оказался просто кладом: золотые руки, большая фантазия и удивительное чувство прекрасного. Казалось, что он может все! Уверена, что каждая женщина мечтала бы о таком муже: он был и электриком, и плотником, и сантехником.

На даче он своими руками построил потрясающую финскую баню и хозблок, похожий на теремок из русской народной сказки.

Наш старый деревенский дом с помощью двух плотников он реконструировал в дом, на который ходила смотреть вся деревня.

Старый, заросший бурьяном участок превратился в цветущий оазис с английскими лужайками, бассейном и ломящимися от плодов старыми фруктовыми деревьями, которые он привел в порядок. «Да у вас как на ВДНХ!» — восклицали родственники и друзья, приезжавшие к нам в гости на дачу.

Людвиг стал настоящим, заботливым отцом для моего больного сына. Чтобы облегчить его передвижение по дому, по участку, вход в баню, он придумал и соорудил дополнительные ступеньки, перила, поручни и пр. Построил качели.



Такого оригинального забора нет ни у кого в деревне. Людвиг придумал и сделал его своими руками

С моими гастрольными разъездами было покончено. Мы жили на зарплату Людвигу. Я немного подрабатывала съемками на Мосфильме и мечтала заняться дубляжом фильмов, о чем поделилась с начальником актерского отдела Валентиной, с которой у меня сложились доброжелательные, доверительные отношения.

Был воскресный день. Я месила тесто для осетинских пирогов с картофелем и брынзой, которые очень любил Людвиг.

Зазвонил телефон. Звонила Валентина. «Элла, ты хотела заняться дубляжом, так вот, у тебя появился шанс. Дело в том, что сегодня в г. Орджоникидзе вылетает группа артистов для дубляжа осетинского фильма на русский язык. Заболела Наташа Гурзо, героиня фильма. Я предлагаю тебе ее подменить. Ты же хотела этого? И у тебя есть опыт озвучивания своих ролей в кино. Ну что, полетишь? Учти, второго такого случая может не представиться. Алло! Что ты молчишь?» Я не знала, что мне ответить: сказать «да!» значит пойти на авантюру, я же не умею этого делать и вдруг сразу замахнуться на главную роль. Но, с другой стороны, сказать «нет!» — значит навсегда похоронить свою мечту.

И тут я вспомнила напутствие педагога хореографического училища Марии Алексеевны Кожуховой: «Если трудно — преодолевай! Добивайся всего только своим трудом! Никогда не хныкать! Вперед, Фара, только — вперед!»

— Да! — выпалила я.

— Ну и молодец! Дерзай! Успеха тебе! В 17.00 у стойки оформления рейса на Орджоникидзе тебя встретит администратор. Прилетишь в Москву — позвони мне! — в трубке раздались частые гудки.

...Когда я села в самолет и увидела рядом с собой Анатолия Кузнецова, Марию Виноградову, Александра Беленького и других именитых актеров, услышала, как просто и непринужденно они общаются между собой — я поняла, что это — профессиональная, сплоченная команда и что они не раз встречаются вместе для дубляжа фильма.

А кто такая я?! Артистка эстрады, мюзик-холла и цирка, не имеющая представления, что такое «дубляж» и как делается этот самый «дубляж». Я не должна была соглашаться на это! Мне захотелось крикнуть: «Остановите самолет, я сойду!»

Но самолет плавно плыл над облаками, приближая нас к Орджоникидзе.

В гостинице меня поселили в номер с Марией Виноградовой. Она ни о чем меня не спрашивала, я тоже молчала. Мария достала кипятыльник: «Быстро пьем чай и ложимся

спать. Завтра рано вставать».

На местное телевидение нас привезли к 10 утра. Режиссер-постановщик фильма, худощавый, седовласый, с черными горящими молодым огнем глазами поздоровался со всеми актерами за руку, кое-кого похлопал по плечу и, остановившись напротив меня, вопросительно посмотрел на помощника режиссера.

— Это наша героиня. Актриса Элеонора Прохницкая! — доложил помощник.

— Очень приятно! — Режиссер наклонился и поцеловал мне руку.

Я почему-то сделала книксен, наверное, на нервной почве.

— Элеонорочка! — продолжал режиссер. — Действие фильма происходит в осетинском районном центре. Ваша героиня — мелиоратор. Она скромная осетинская девушка. Фильм очень злободневный, он пойдет по Центральному телевидению, поэтому мы его дублируем на русский язык, — и неожиданно закричал: — Ставьте первое кольцо!

Я ничего не поняла из того, что он мне объяснил. Я находилась в трансе.

Режиссер скомандовал: «Элеонорочка! Прошу к микрофону на первую сцену!»

На ватных ногах я подошла к микрофону. Будто сквозь пелену я смотрела на экран: за столом сидел толстый председатель совхоза, весь в орденах. В дверях появилась красивая, как нарисованная, девушка, моя героиня. Говорила она на осетинском языке, а мне надо было сказать: «Здравствуйте. Я — Фатима Дадаева. Меня, по распределению после института, прислали к вам на работу».

Я словно проглотила металлический прут и не могла произнести ни единого слова. Кольцо крутилось уже пятый раз, повторяя сцену сначала, а я — тупо молчала, глядя на экран невидящим взглядом.

Мне приходилось озвучивать свои роли в фильмах, но дубляж — это совсем другое. Надо было не только «влезть в шкуру» своего героя, но и «попасть в губы».

Страничка с текстом дрожала в моей руке, кольцо продолжало крутиться, а я молчала.

Актеры, сидевшие в тон-ателье, стали перешептываться: «Ну чего она резину тянет, так мы до ночи не уйдем отсюда».

— Тишина в студии! — закричал режиссер. — Будем репетировать столько, сколько нужно.

— Но, Бейбулат Тохович!

— Я сказал тишина! Актриса входит в роль, имейте уважение!

«Какое там вхождение в роль!»

Крупные капли пота скатывались у меня из подмышек на пол. Во рту было сухо, как в пустыне Сахара. Я откашлялась.

— Дайте актрисе воды! — распорядился режиссер.

Я поняла, что больше молчать нельзя, надо или уходить отсюда, или...

«Здравствуйте, я Фатима Дадаева», — неуверенно пролепетала я.

— Молодец! — закричал режиссер. — Правильно поймала характер героини! Она робкая, застенчивая осетинская девушка. Теперь попади в синхрон!

Но это у меня никак не получалось: то — «недолет», то — «перелет».

Вдруг я почувствовала, что кто-то встал рядом со мной и взял меня за левую руку. Это была Мария Виноградова. Она сжимала мою руку в тот момент, когда мне нужно было точно попасть в артикуляцию губ моей героини.

Первое кольцо я наконец-то записала. Я поняла технику попадания «в синхрон», и дальше запись шла нормально. Режиссер остался доволен моей работой, а я не верила, что сумела справиться с дубляжом.

Как и принято, после окончания дубляжа фильма дирекция местного ТВ устроила московским артистам шикарный банкет. Выпив осетинского вина, я осмелела и призналась Марии Виноградовой, что первый раз в жизни дублировала фильм.

— А я сразу поняла это. Но ты — молодец! Хватка у тебя есть и главное — уши, ты слышишь музыку голоса своей героини: чуть выше, чуть ниже!

— Так я же выросла на сцене Большого театра!

— Это и чувствуется. И потом голос у тебя очень красивый. Помни мое слово: ты будешь очень хорошей дубляжной актрисой!

Эту добрую и талантливую актрису, которая в критический для меня момент взяла меня за руку, научила попадать в синхрон, я считаю своей крестной матерью дубляжа.

На следующее утро вся труппа улетала в Москву.

Меня и Анатолия Кузнецова (того самого Сухова из «Белого солнца пустыни») попросили задержаться на один день для дубляжа часового фильма про любовь, в котором было два героя: он и она.

Я улетала в Москву окрыленная: «У меня получилось! Я победила!»

Через несколько дней дома раздался телефонный звонок. Режиссер дубляжа Лариса Трифонова приглашала меня на пробы в студию Союзмультфильма, на главную роль двухсерийного американского фильма для большого экрана «Неоконченная песня». Откуда она узнала обо мне и мой телефон — я не знала.

Пробы прошли успешно.

— Как только ты встала у микрофона и открыла рот, я сразу поняла, что ты — это то, что я искала на эту роль. У тебя голос красивый и не только. Есть голоса простые, плоские, за ними ничего нет, а твой голос, он, ну как бы тебе это сказать, он — с автобиографией...

У Трифоновой я отдублировала главные роли еще в двух фильмах «Побег» и «Сеньор Робинзон». Я уже крепко стояла на ногах как дубляжная актриса и получала от этой работы радость и наслаждение.

Центральное телевидение. Татьяна Пельцер

Вскоре раздался неожиданный телефонный звонок. Звонили с телевидения.

Приятный женский голос, обратившись ко мне по имени-отчеству, представился режиссером редакции кинопрограмм Инной Давыдовной Герасимовой. Она пригласила меня на озвучивание немецкого сериала.

Я летела на Центральное телевидение как на крыльях, не испытывая ни капельки волнения, так как была абсолютно уверена в том, что уже освоила технику дубляжа. Я думала, что быстро и профессионально справлюсь с ролью, которую мне предложат.

В большом тон-ателье № 5 на втором этаже ЦТ был полумрак. На длинном столе, покрытом зеленым сукном, были установлены 5 микрофонов, лежали огромные наушники и объемные тексты, на титульном листе которых была написана фамилия актера и роли, которые ему надлежало озвучить.

Перед столом стояли большие мониторы — телевизоры, на которых шло изображение фильма.

Стали подходить актеры, с которыми я раньше не встречалась и которые впоследствии стали моими большими друзьями: Людмила Гнилова, Всеволод Абдулов, Юрий Пузырев, Артем Карапетян.

Режиссер, звукорежиссер и редактор находились в соседней комнате, изолированной от тон-ателье мощной дверью и большим звуконепропускаемым стеклом.

Общение режиссера с актерами происходило через наушники и микрофон. Последовала команда режиссера: «Начали!»

Мама дорогая, что тут началось! Перед моими глазами мелькали кадры кинофильма, в наушниках звучала немецкая речь, при появлении в кадре «твоей» героини надо было успеть перевернуть страницу и прочитать русский текст. Чтобы не пропустить реплику своей героини, надо было просматривать весь текст. Но как возможно одновременно смотреть и в текст, и в телевизор, я не понимала. Это был какой-то дурдом! Я не успевала сказать свой текст, как мне «на пятки наступал» Карапетян или Пузырев.



Я, Людвиг и актриса Людмила Гнилова во дворе «Видеофильма». 2000 год

«Ну, попала я!» Да это же не имеет ничего общего с дубляжом, где на большом экране медленно крутится одна и та же сцена или эпизод, которые можно отрепетировать и из всех дублей режиссер выберет лучшее. Теперь дубляж, по сравнению с озвучиванием, казался мне просто курортом. «Нет, с этим мне не справиться, — решила я, хотела извиниться и уйти. Но другие актеры с легкостью успевали. Люся Гнилова вообще не смотрит ни в текст, ни на экран, а вяжет свитер своему мужу-красавчику Александру Соловьеву и все успевает вовремя сказать. — Значит, все приходит с опытом...»

Я собрала в кулак всю свою волю, стараясь не проворонить свой текст.

— Стоп! — загремел в наушниках голос Инны Давыдовны. — Элеонора Болеславовна, вы разобрались с текстом? Тогда пишем!

Я старалась изо всех сил, но Инна Давыдовна снова остановила запись:

— Элеонора Болеславовна! Вы что, не слышите, что ваши героини мать и дочь говорят между собой разными голосами? Пожилая мать и молодая дочь. У нас, конечно, не дубляж, но я попрошу вас «отбиваться» голосом, сохраняя при этом характер героя! Пишем еще раз все сначала!

Я еле-еле успевала переворачивать страницы и прочитать вовремя свой текст, а режиссер еще требует от меня говорить сама с собой разными голосами!



Инна Давыдовна Герасимова (слева) режиссер центрального телевидения, с дочерью и внуком

— Стоп, стоп! — раздался в наушниках голос Инны Давыдовны. — Слышно, как вы, Элеонора Болеславовна, шелестите страничками. Пишем сцену матери и дочери еще раз!

Я начинала тихо ненавидеть Инну Давыдовну. Наконец объявили перерыв на обед.

Смена озвучания продолжалась с 10 утра до 21 часа, с двумя перерывами на обед и на ужин.

Все дружно пошли в столовую на седьмой этаж, где кормили вкусно и недорого.

После обеда шли пить кофе, натуральный эспрессо-кофе с пирожными-мини по 10 копеек, выпекающимися тут же.

Запах в кафе на первом этаже стоял одурманивающий. Во время обеда я увидела Инну Давыдовну вблизи: это была немолодая, полная женщина, с коротко стриженными волосами с проседью и с необыкновенно большими красивыми, как у лани, глазами.

Меня поразило тогда, как бедно она была одета: выношенная, растянутая кофта, простая юбка, явно сшитая своими руками, смятая сзади от сидения «в гармошку» и... на ногах старые, стоптанные на мизинец кроссовки.

В столовой Инна Давыдовна обычно брала только суп или одно второе блюдо. В полиэтиленовые пакетики она складывала нарезанную колбасу, сыр, пирожки. «Это моим детям, дочке Машеньке, она заканчивает иняз, и ее сыночку Волечке, ему два года».

Инна Давыдовна никогда никому из нас не позволяла угостить ее 10-копеечной чашкой

кофе. Она была очень педантичной в этом вопросе.

Как я узнала позже, Инна Давыдовна выросла в интеллигентной семье потомственных юристов. Ее родной племянник известный адвокат Генри Резник.

В общении она была веселым, добрым, тактичным человеком, но в работе была жесткая и чрезмерно требовательная, доводя актеров порой до изнеможения. Иногда кто-нибудь из нас терял самообладание. Юрий Пузырев в такие минуты с силой бросал на стол свои очки, вставал и уходил курить.

Но Инна Давыдовна не реагировала на подобные знаки «протеста» и стояла на своем. Она изматывала нас, скрупулезно отработывая каждый эпизод, каждую реплику, добиваясь в итоге блистательного результата.

Доставалось нам и от редактора Марии Старостиной, которая, как цербер, следила за каждым произнесенным нами словом. В период проводимой Михаилом Горбачевым антиалкогольной компании был строжайший приказ Председателя Гостелерадио Лапина вырезать из телефильмов эпизоды с употреблением алкоголя.

В фильме, который мы озвучивали, была сцена, где герои выпивали. Сцена была ключевая и вырезать ее было нельзя, так как в ней рассорившиеся молодожены мирятся, поднимая бокалы с вином за свою любовь.

В отредактированном редактором Старостиной тексте была реплика: «Дорогая, выпьем кофе за нашу любовь!»

Сева Абдулов возмутился:

— Маша, это бред! У них же в руках бокалы с вином!

— Это не обсуждается! — отрезала Старостина. — Читайте то, что написано в тексте!

Работа на Центральном телевидении теперь составляла смысл моей жизни. Благодаря урокам, преподанным мне Инной Давыдовной, моим «музыкальным ушам» и диапазону голоса я быстро освоила технику «отбивания» голосом одной героини от другой. Мне даже удалось озвучить мальчика 10–12 лет, заменив заболевшую Вику Радунскую. Инна Давыдовна стала приглашать меня на каждый фильм. Ей нравилось, что я никогда не опаздываю на запись, не отпрашиваюсь, берусь за любые роли и при этом «мало стою». Моя киношная ставка была 10 рублей за смену.

Я с удовольствием смотрела по ТВ первого канала озвученные нами скучные социальные фильмы в ожидании титров в финале: «Фильм озвучивали актеры...»

...Инна Давыдовна начинала озвучивание трехсерийного болгарского фильма. На главную роль матери героя-моряка она впервые решила пригласить народную артистку СССР Татьяну Пельтцер с ее неповторимым, чуть дрожащим голосом.

Мы с волнением ожидали появления в тон-ателье Татьяны Ивановны, нашей любимой, выдающейся актрисы.

Она стремительно вошла в студию, худощавая, подвижная, в модном седом паричке.

Мы встали ей навстречу.

Вскинув вперед руки, она пафосно произнесла: «Здравствуй, племя молодое, незнакомое!» — и, обратившись к Инне Давыдовне, спросила: — «А зачем это вам старуха понадобилась? Вон какие красавцы тут у вас!» — Она кокетливо наклонила голову. На ее лице блеснула лукавая улыбка.

Инна Давыдовна развела руками: «Подмога нужна молодым».

Татьяну Ивановну усадили за длинный стол, разложили перед ней текст, установили микрофон и надели на голову огромные тяжелые наушники.

Инна Давыдовна объяснила ей, что в наушниках будет звучать болгарская речь, изображение будет в телевизоре, а ей нужно будет читать русский текст за мать своего сына. Рядом расположился «сын», любимый актер Инны Давыдовны Юрий Пузырев.

— Да знаю я технику этого дела, запускайте кино! — сказала Татьяна Ивановна.

Сцена матери с сыном прошла, но Пельтцер не сказала ни слова.

— Инночка, я что-то не пойму, а разве вы не кольцами дублируете?

— Нет, Татьяна Ивановна, большими сценами. У нас не дубляж, а закадровое

наложение текста, так называемое озвучивание, при котором надо уложить русский текст в отрезок реплики зарубежного актера и обязательно сохранить характер своего героя.

— Ну, поняла, чего ж тут не понять, давайте репетировать, — Пельтцер поправила на голове наушники, которые сползли в сторону.

— Начали!

— Минуточку, Инночка! Хочу уточнить: в наушниках — болгарская речь, смотреть на изображение в телевизоре и в это же время читать русский текст? Да? Но как я могу одновременно смотреть в телевизор и читать текст?! С ума можно сойти! Ну, давайте попробуем, запускайте это ваше болгарское кино!

Сцену пускали уже в третий раз. Пельтцер не успевала проговорить свой текст, как на нее «наступал» Пузырев. Большие наушники съехали вверх, потащив за собой парик Татьяны Ивановны.

— Остановите запись! — крикнула она. — Я не успеваю переключать страницы. Какой-то сумасшедший темп! И потом, эти дурацкие наушники, черт бы их побрал. Сдавливают голову и лезут куда-то вверх. Попробуем еще раз! Давайте репетировать.

— Татьяна Ивановна! Может быть, попробуем записать? — загремело в наушниках.

— Инночка, умоляю, говорите потише! Что же вы так орете? Оглохнуть можно!

— Извините, Татьяна Ивановна! Я постараюсь потише. Тишина в студии! Мотор! — так же прогремело в наушниках Пельтцер.

— Стоп, стоп! Извините, Татьяна Ивановна, но слышно, как вы перелистываете странички. Попрошу еще раз!

Была записана уже почти половина сцены, как вдруг Юрий Пузырев оговорился: «Извините, пожалуйста! Но очень неудобное для произношения словосочетание. А нельзя переставить эти междометия местами?» — обратился он к редактору.

— Нет, нельзя! Текст отредактирован и утвержден главным редактором!

— Ну, тогда пишем еще раз! — Пузырев явно расстроился и опять оговорился на том же самом месте. — Ну все, заклинило! — Он в сердцах швырнул очки на стол. — Извините, я перекурю!

Пельтцер вышла из студии и подошла к Инне Давыдовне.

— Инночка! А давайте писать с того места, где у Юры «заклинило», мы же записали уже почти половину сцены!

— Вообще-то можно, но, к сожалению, звукорежиссер отмотала пленку на начало сцены, стерев все, что вы записали.

— Как отмотала?! Почему?! Черт знает что. Попробовала бы сама записать! Это адский труд.

На следующем дубле «споткнулась» Пельтцер: «Конечно! Я выбилась! Я расстроилась, что звукорежиссер стерла хорошую запись!»

— Татьяна Ивановна, ну извините, не расстраивайтесь, прошу вас! Ну вы же гениальная актриса, для вас такая работа — это «семечки». Давайте запишем еще раз, — уговаривала ее Инна Давыдовна.

Наконец сцена была записана.

Пельтцер перекрестилась: «Слава Богу!» и встала было со своего места, как Инна Давыдовна ее и Пузырева остановила:

— Минуточку, не расходитесь! У меня возникло сомнение, что Пузырев неправильно сказал «друг с другом».

— А как я сказал?

— А вот мы сейчас все вместе и послушаем... Так и есть, вы сказали «с друг с другом».

— Да не может быть!

— Ну, послушайте еще раз... Убедились? Так что, извините, Татьяна Ивановна, но вторую половину сцены, прямо с этого места, придется переписать. Мотор!

— Стоп, стоп! Татьяна Ивановна, миленькая, опять слышно, как вы шелестите страничками. Пишем еще раз!

— Стоп! Татьяна Ивановна! Смеяться не нужно! Вы не забыли, что у нас — не дубляж, а закадровое наложение русского текста? Мы оставляем фоном «родную» фонограмму. Так что — ни вздохов, ни ахов, ни смеха! Прошу еще раз!

— Подождите, подождите, секунду! — закричала Татьяна Ивановна. — Я уже ничего не соображаю: не шелестеть, не смеяться, не вздыхать! И эти ваши тяжеленные наушники. — Она сняла их и сняла парик. — Запускайте! — она водворила наушники на голову. Парик лежал на столе.

Запись сцены матери и сына подходила к своему завершению. Мать сына-моряка должна была спросить у него: «Значит, ты, сынок, осел на суше?» Но непривычная к такой работе «затурканная» режиссером Пельтцер на полном серьезе спросила сына: «Значит, ты, сынок, осёл на суше?»

Тонко и жалобно застонал Пузырев, упав на стол, завывали и сползли со своих стульев актеры, утирая слезы, звукорежиссер, не владея собой от приступа смеха, стерла всю записанную сцену.

Пельтцер вошла в режиссерскую комнату. Вид у нее был растерянный. В руках она держала парик:

— Маразм крепчал! Это надо же было такое ляпнуть! Нет, это занятие не для старых людей! — Она кое-как натянула на голову парик. — Инночка, как говорится, извините за компанию, рада была с вами познакомиться и позвольте вас покинуть! Нет, нет — не уговаривайте меня! Я вас предупреждала, что у меня сегодня спектакль. Мне надо быть в театре в шесть часов, а сейчас уже без десяти пять! Так что, всего доброго! — Пельтцер послала всем воздушный поцелуй и зашагала по длинному коридору на выход.

В студии повисла гнетущая тишина. У нас возникло чувство неловкости и вины за нашу нетактичность: нельзя было смеяться над оговоркой этой великой актрисы. У Инны Давыдовны был растерянный вид:

— Все идите на перерыв, а я пойду звонить. Надо срочно искать актрису!

Через полчаса она пришла в кафе очень расстроенная:

— Виноградова больна, Радунская — на гастролях, Назарова — занята. У нас срывается озвучивание фильма. — Инна Давыдовна посмотрела на меня. — Элеонора Болеславовна! Пока все пьют кофе, давайте с вами поднимемся в студию и попробуем найти «старческий голос».

С помощью Инны Давыдовны у меня получилось. Фильм был записан успешно.

На приемке фильма члены комиссии поинтересовались: «А что за актриса озвучивала роль матери?»

— Прохницкая.

— И молодую героиню тоже она? А какая у нее ставка? 10 рублей? Небольшая. Надо ее почаще вызывать.

В редакции мне повесили «бирку»: «Прохницкая — от шести до шестидесяти».

В начале работы с Инной Давыдовной я сердилась на нее, раздражалась за то, что она «мучила» меня своими, как мне казалось, бесконечными придирками, но на самом деле она оттачивала мое мастерство и только благодаря ей я стала одной из лучших актрис по озвучиванию фильмов. Разве я бы смогла, не имея опыта работы с Инной Давыдовной, **одна** озвучить комедийный испанский 24-серийный фильм, в котором было более двадцати женских персонажей разного возраста и характера. Все они звучали на экране разными голосами.

Этот сериал неоднократно показывали по ТВ.

Когда предстояло озвучить фильм «Дежурная аптека-2» и я, в силу своей большой занятости, не смогла его озвучивать, то это предложили сделать замечательной, талантливой актрисе, мастеру высочайшего класса по озвучиванию фильмов Людмиле Гниловой, она отказалась: «После Прохницкой я за это не возьмусь».



А. Ярославцев и я на озвучании кинофильма

За все годы работы с Инной Давыдовной я не помню ни одного случая, чтобы ей за озвученный фильм дали I категорию. Она получала, как правило, третью.

Ее не любили в редакции, потому что она была «белой вороной», не такой, как все. Она не заискивала перед руководством и не обивала пороги их кабинетов, не выклянчивала у них фильма «получше» или категории повыше.

Никогда, ни с кем не обсуждала, кто как одет и кто с кем спит, не слушала скабрзных анекдотов и не участвовала в редакционных коллективных попойках.

Буквально на следующий день после исполнения Инне Давыдовне 55 лет ее отправили на пенсию.

Она тяжело заболела неизлечимой болезнью, безуспешно лечилась и вскоре умерла. Память об этом светлом и талантливом человеке я навсегда сохранила в своем сердце.

После кончины Инны Давыдовны вся ее актерская команда осталась без работы на телевидении.

В редакции был еще один режиссер Клеопатра Белявская. У нее была «своя» актерская команда. Приглашать актеров из «чужой» команды было не принято.

Я второй месяц сходила с ума, сидя дома без работы. Вдруг зазвонил телефон. В трубке послышался незнакомый голос.

— С вами говорит режиссер Клена Белявская, — не поздоровавшись и не обратившись ко мне никак, проговорил грубый голос. — В понедельник я начинаю работу над трехсерийным итальянским фильмом. В субботу, к двум часам, приходите на просмотр!

Я дала ей свое согласие, хотя мне не понравился ее приказной тон, не терпящий возражений, и это странное детское имя «Клена».

Дружеские попойки. Клена

Клена Белявская была «девушкой» в возрасте, лет 40–50, коренастая, крепко сбитая, с квадратными бедрами и широкими плечами. Ее голова, с коротко остриженными, светло-русыми волосами, под «мальчика», и ярко-розовое лицо с крупными чертами покоились на короткой розовой шее.

Первое впечатление от увиденного у меня почему-то было такое, что она словно высечена из мощного бревна, да так и забыта и не доведена до совершенства незадачливым

скульптором.

При первом же общении с ней я была «подмята» исходившим от нее чувством власти и бестактности по отношению к актерам. Она бесцеремонно обращалась ко всем «на ты», сыпала пошлыми шутками, смеялась над ними громче всех, при этом сохраняя по отношению к актерам менторский тон.

Актеры заискивающе подхихикивали ей. Иначе было нельзя. Ведь они все от нее зависели. Подработка для театрального актера, заслуженного или народного, на телевидении была существенна и лишаться ее никто не хотел.

Клена придумала себе это странное имя, так как своего настоящего — Клеопатра — она стеснялась.

В своих работах над фильмами Клеопатра Белявская «выезжала» исключительно за счет профессионализма актеров: Александра Белявского, Вячеслава Богачева, Всеволода Ларионова, Вячеслава Невинного, Германа Коваленко.

Клена редко и неохотно приглашала на озвучивание неопытных актеров с «молодыми» голосами. Она не любила, да и не умела, в отличие от Инны Давыдовны, работать с ними, добиваясь от них мастерства. Ей нужны были «готовые» артисты.

Меня она пригласила только потому, что по редакции разнесся слух, что есть «недорогая» актриса, которая «может все». Однако на просмотре фильма уточнила: «Женских ролей много. Потянешь? Ну, давай!» В обеденный перерыв Клена распорядилась: «Мальчики, мне что, надо вам напоминать, что сегодня у нас начало работы? Сгоняйте в „стекляшку“!»

Так назывался винный магазин рядом с ЦТ.

Актеры «сбрасывались» и направляли в «стекляшку» гонца.

— Девочки, сбросьтесь по трешке и быстро в кафе за бутербродами, по два на брата. И водички захватите. Сбегай! — скомандовала мне Клена.

Обычно больше одного рубля на обед и на кофе я не тратила, а здесь сразу трешку! «Это же полтора килограмма мяса! — мелькнуло у меня в голове. — Ну ладно, сегодня — особый случай», — успокаивала я себя.

Одновременно со мной в тон-ателье появился «гонец» с водкой. Все встретили нас дружным «о-о-о!» Все было готово к распитию.

На рояле, зачехленном серым стеганым покрывалом, были разложены отписанные странички текста чистой стороной вверх и стояли граненые стаканы, хранившиеся за драпировкой.

— Дверь закройте, а то тут пожарники шастают, — распорядилась Клена.

Всеволод Ларионов начал разливать водку всем поровну.

— Ой, мне один глоток. Чисто символически. Я вообще-то водку не пью. — Я прикрыла стакан ладошкой.

— Ну, конечно! — Клена отвела мою руку в сторону. — Кто это начал сегодня работать в моей команде? С тебя по большому счету требовалась бутылка «за прописку».

— Правильно! — поддержал ее Ларионов, доливая мне водки в стакан.

Я отпила обжигающей жидкости и быстро зажевала бутербродом с жирной грудинкой.

— Не вовремя выпитая вторая... — Клена не договорила и посмотрела на меня. — А почему твой стакан не пустой?

— Я допью, но я сразу столько не могу...

— Через не могу! — перебила меня Клена.

Раздались тосты: «За Кленочку! За нашу кормилицу!»

— Ну что, перекурим это дело? — предложила Клена.

Все вышли в коридор и столпились вокруг заброшенной окурками урны. Я не курила, стояла, прислонившись к стене, балдея от выпитой водки, густого табачного дыма и громко хохотала над анекдотами и разными актерскими хохмами. «Какая я счастливая! Как мне повезло, что Клена взяла меня в свою команду!»

— Ну все, пошли работать! Стаканы спрячь за драпировку. Они нам еще

пригодятся! — приказала Клена.

Я села к микрофону. Состояние подъема и веселья сменилось у меня состоянием хмельной тяжести: каждую минуту я зевала, меня клонило в сон, движения были замедлены, язык плохо слушался, а итальянское кино казалось мне серым и неинтересным.

— Элла, не спи, замерзнешь, — прогремел в наушниках голос Клены. — Я тебя не слышу! Твой голос в жопе!

На второй перерыв, на ужин, Клена предложила: «А может „сухенца“? Заполируем это дело!»

Чтобы как-то загладить перед Людвигом свою вину за выпитое спиртное, я позвонила ему и сказала, что купила в кафе его любимые пирожные — трубочки.

Людвиг открыл мне дверь и отшатнулся от меня: «Да ты нетрезвая, прокуренная, где ты была?»

— На работе! Мы отмечали премьеру! И ты должен не отчитывать меня, а радоваться, что я теперь в команде у Клены!

Людвиг поинтересовался:

— А почему ты без шапки и где обещанные трубочки?

— Я все нечаянно оставила в такси...

Проснулась я от головной боли и от страшной жажды. Было темно. Я босиком прошлепала на кухню и посмотрела на часы: половина четвертого утра. Выпив залпом два стакана воды из-под крана, я вернулась в постель. Однако, как ни старалась, уснуть не могла. В голове крутились уже совсем несмешные обрывки анекдотов и навязчивое и обидное: «Элла, твой голос в жопе». Я пыталась вспомнить, как мы с Сашей Белявским записали сцену прощания Франчески с Роберто, но так и не смогла.

Утром я встала абсолютно разбитая и дала себе слово, что больше этой отравы в рот не возьму. Но попойки становились системой.

На следующей записи все собрались вовремя, кроме Александра Белявского. Он почему-то опаздывал, что было на него совсем не похоже: пунктуальный, дисциплинированный, этот талантливый артист с неповторимым тембром голоса всегда являлся на запись одним из первых.

Появился он минут через двадцать в грязных джинсах, небритый, в грязных кроссовках и с грязными руками. В руках он держал бутылку рислинга. Откупорив, он залпом опустошил ее, за что тут же получил прозвище: «горнист». — Вчера с рабочими на даче целый день фундамент ставили. Потом весь вечер до утра «обмывали». Не спал ни секунды. Давайте быстрее работать, пока я могу, — объяснил свое опоздание Белявский.

Вскоре «заряд» от бутылки сухого вина вышел, он растянулся на стеганом чехле рояля и заснул.

— Плохо нашему мальчонке. Надо его подлечить, — сказала Клена.

— Намек поняли, сейчас сгоняем!

Актеры «сбросились». С Клены денег никогда не брали.

— А пока Сашка спит, мы запишем сцену Франчески с Роберто с Ларионовым.

— Как?! — Я чуть со стула не упала. — У них же с Белявским совсем разные голоса! Это же будет слышно!

— Во-первых, не суй свой нос в мои дела, а во-вторых, телезрители — дураки. Им все равно, какие там голоса звучат. От винта!

Через два часа Белявский, отдохнув, сел за пульт и с блеском, своим красивым голосом продолжал озвучивать роль Роберто.

В обеденный перерыв опять разлили по стаканам водку, которую принесли гонцы.

— Не могу, мне плохо от нее. — Я убрала свой стакан с рояля.

— А ну, поставь на место! Ей «плохо»! А нам, думаешь, хорошо? Ты не отбивайся от коллектива и не ставь себя лучше и выше всех! Будь, как все!..

Наутро я не могла оторвать голову от подушки: меня тошнило, бешено билось сердце, дрожали руки, на лбу выступал холодный пот. Было так плохо, что жить не хотелось. Где-то

я слышала, что «клин клином вышибают», то есть чтобы привести организм в норму — надо выпить, опохмелиться. У меня был выходной день, и я решила попробовать «подлечиться» вином. Опохмеляются только алкоголики. «Я что, спиваюсь?» — подумала я.

Купив в близлежащей забегаловке две бутылки красного «Арбатского» вина, я очень скоро «уговорила» полбутылки. Мне стало и вправду лучше. В ожидании Людвиг с работы я даже сумела налепить его любимые домашние пельмени. Остальные полбутылки вина я незаметно допила и изрядно охмелела. Встретила я Людвиг очень веселая и поставила на стол вторую бутылку вина.

— Ты уже пьяна, — сказал Людвиг. — И мне не нравится, что твоя работа с новым режиссером превращается в систему попок. Я не буду пить с тобой вино и тебе не советую. Лучше ложись спать.

— Да ты не понимаешь нашей актерской жизни! Сидишь там в своем НИИ! А у нас эмоции, нервы, нам нужна разрядка! — повторяла я слова Клены, сильно размахивая руками.

— Это — не эмоции, это — распушенность! Вы пьете у себя на телевидении, как забойщики на бойне!

— Не тебе судить! Скажи спасибо, что я работаю.

— Иди спать. А если и впредь будешь приходиться с работы домой в непотребном виде — мы с тобой расстанемся!

Это был первый серьезный конфликт с Людвигом. Я понимала, что попала в кабалу к Клене Белявской, что я безвольно пляшу под ее дудку из-за боязни потерять работу. Я отлично понимала, что Клена организовывала эти попойки только для того, чтобы очередной раз услышать, что она — «кормилица». Ей не приходило в голову, что тем самым она унижает замечательных, талантливых актеров, благодаря которым она, Клена, и стала «удачливым» режиссером. Ей ни разу не пришло в голову, что не она их «кормилица», а они труженики-актеры и что без них она — ничто!

Мы закончили итальянский трехсерийный фильм. На заключительном «банжете» я отказалась пить водку, сославшись на боль в печени.

Клена, к моему удивлению, в этот раз сильно не настаивала, хотя вопросительно подняла брови. Началась работа над польским фильмом «Кукла», по книге Болеслава Прусса. Мне была поручена главная роль. Как и было заведено, премьеру полагалось отметить «по всем правилам». Когда всем разлили водку по граненым стаканам, я сказала: «Я — мимо!»

— Что значит, ты — «мимо»? — уточнила Клена.

— А это значит, что я больше водку не пью.

— Что, опять у тебя печень барахлит?

— Нет, печень моя пока в порядке. Я просто не хочу больше пить на работе водку. Если я нужна вам как актриса — я готова работать с вами, но пить в тон-ателье я больше не буду.

Клена, словно воспитатель детского сада, собирающая детей у песочницы, похлопала в ладоши: «Вы полюбуйте, коллеги, на Прохницкую! Она, оказывается, у нас „подосланная“. А мы принимали ее за „свою“. Ну, и когда же будет „проверка“, не сегодня ли, что ты именно сегодня, в день премьеры, отказалась отметить это событие?! В следующую смену допишешь „Куклу“ и гудбай! Мне такие, как ты, не нужны!»

Я так хотела сказать ей все, что думала о ней, что она грубая, бездарная, что она превратила замечательных актеров в бессловесных рабов, что чуть не загубила мою личную жизнь.

Но я ничего ей не ответила, молча, даже не попрощавшись со своими любимыми актерами, я вышла из студии.

— Напрасно, Клена! Прохницкая работает классно! — вступился за меня Александр Белявский.

Остальные актеры поддержали его. Но Клеопатра, Клена Белявская была настроена непримиримо. Больше на озвучивание она меня не вызывала!

Жизнь продолжается

В 1980 году судьба послала нам сыночка. Сашенька оказался одаренным мальчиком, с прекрасным музыкальным слухом. К трем годам в его багаже были песни из репертуара Леонтьева, Пугачевой и «Комбинации». В пять лет он поступил в детскую школу искусств по классу фортепиано и аккордеона. Успешно кончив ее, он поступил в музыкальное училище имени Сергея Прокофьева, однако учиться там после второго курса он не захотел и ушел, после того как стал свидетелем одного инцидента.



Грустное фото на память о деревне перед отъездом в Москву. 1985 год

Мы втроем в воскресенье возвращались из гостей на метро и в переходе на станции «Проспект мира» увидели Сашиного педагога, который играл на аккордеоне, собирая подаяние мелкой монетой в лежащую у его ног кепку.

Саша был настроен решительно: «Я не хочу такого будущего и сам буду искать свой путь в жизни...» Легко сказать!

В конце 90-х и в начале 2000-х годов, когда в стране царствовал произвол, беззаконие, бандитский передел, а чинуши и служители Фемиды решали судьбы людей «по понятиям», добиться чего-либо честным путем было нереально.



Уроки по музыке Саша играл бабуле

Даже после окончания «Школы телевидения Останкино», факультета «Ведущий музыкальных радиопередач» — Саша никуда не смог устроиться по специальности. Я же уже ничем помочь ему не могла.

На телевидении я не встретила ни одного знакомого лица. От увиденного в холле первого этажа, возле «больших лифтов», я была в ужасе: его оккупировали или арендовали лица кавказской национальности и торговали в лотках разным барахлом. У меня было ощущение, что я ошиблась дверью и не туда попала. Кроме того, на телеэкранах все чаще стали появляться однофамильцы наших звезд. Процветало кумовство! Дети, внуки и прочие родственники заполнили эфир.



Братья Сашенька и Эмильчик на даче. С ними — Сеня

Было ясно, что «простому смертному», человеку даже со специальным образованием, но «со стороны», туда не пробиться! Висеть на шее у родителей Саша не мог и, похоронив навсегда свои музыкальные способности, пошел работать... в торговлю.

...Когда Клена Белявская лишила меня работы, мы втроем с Сашей, который тогда еще учился в школе, стали жить на одну зарплату Людвигу. На дворе стояли лихие девяностые. Жить было очень трудно. Магазины были пустые. По Москве ходила такая невеселая шутка: «И чего только в наших магазинах нет: мяса нет, сыра нет, колбасы нет, сахара нет!» — и т. д. Чтобы отоварить талоны на продукты, приходилось целыми днями простаивать в очередях. Мои руки были исписаны химическим карандашом с номерами в разных очередях.

Жили мы очень экономно. Зарплату Людвигу я старалась растянуть до следующей зарплаты. Жить так дольше было невозможно. Саша рос, и ему требовалась новая одежда, обувь, хорошие музыкальные инструменты.

Я готова была работать где угодно и кем угодно.

Однажды, по дороге на Лосиноостровский рынок, который тогда представлял собой несколько деревянных прилавков, на которых симпатичные азербайджанцы торговали дешевыми овощами (сейчас это хорошо укрепленный «плацдарм» для торговли всем, что только продается, со своей охраной и двухэтажными магазинами), я увидела на столбе объявление: «Клубу железнодорожников Лосиноостровского узла требуется руководитель драматического кружка». С моим дипломом ГИТИСа меня взяли на ставку 110 руб.



«Вот компания какая!» Деревня Бортнево, 1985 год

На первую встречу со мной пришло 5 пожилых женщин. Я не знала, что мне с ними

делать.

В театральной библиотеке мне попала пьеса Н. Семеновой «7 мисок, 7 ложек» о том, как простая русская женщина потеряла на войне семерых сыновей. Исполнительница главной роли, семидесятилетняя Анна Петровна, так пронзительно сыграла сцену, где она, поминая сыновей, раскладывая на столе семь мисок и ложек, разговаривает с каждым из сыновей, и так задушевно пели русские народные песни ее соседки, что на Московском конкурсе самодеятельных драмкружков мы получили звание лауреатов.

...Я сидела в клубе на телефоне, обзванивала профессиональных камерных исполнителей для участия в благотворительном концерте, посвященном Рождеству Христову.

Перед входом в клуб был уже выставлен большой красочный стенд с объявлением о проведении 7 января рождественского вечера. Вдруг в комнату клуба, где я звонила по телефону, вошел высокий представительный мужчина лет 35. Он представился Сергеем Ряховским, проповедником, и предложил свои услуги в проведении проповеди со сцены, перед зрительным залом, в день Рождества Христова.

Ряховский читал проповедь в цивильном костюме. Он простым, доходчивым языком, но настолько проникновенно рассказал о жизни и мучительной смерти Иисуса Христа, что люди в зрительном зале не могли сдержать слез. Классическая музыка в исполнении камерного квартета, старинные романсы, стихи — все это наилучшим образом дополнили проповедь Ряховского и создали необыкновенно красивый, душевный и незабываемый вечер.

В те годы подобные мероприятия были еще под запретом, но я рискнула. Кто-то словно подсказывал мне, что надо делать и вел меня, будто за руку, к проведению этого рождественского вечера.

Спустя некоторое время Ряховский снова появился в клубе и сделал мне неожиданное, и столь долгожданное для меня, деловое предложение: помочь в организации и проведении дубляжа на русский язык американского фильма «Рождение Иисуса Христа».

Я договорилась об аренде на ТВ студии звукозаписи, пригласили лучших актеров и впервые в качестве режиссера дубляжа быстро и профессионально записала фильм. Моя причастность к жизни Иисуса Христа изменила мою жизнь. Всевышний послал мне свое благословение и стал помогать мне.

Предложения на работу актрисой и режиссером дубляжа я стала получать отовсюду: с «Мосфильма», с «Видеофильма», с ТВ-центра, с «СВ-дубль» и др. Работала без выходных. Постоянно, много лет, я получала заказы на дубляж фильмов от Сергея Ряховского.

Мне посчастливилось стать постоянной участницей кинокапустника для «Ники». Он был придуман и воплощен с огромным чувством юмора талантливыми авторами Аркадием Ининым и Борисом Грачевским. В работе над кинокапустником я соприкоснулась с замечательным актером Сергеем Безруковым и начинающим тогда и малоизвестным Максимом Галкиным.



МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

П Р И К А З

31 мая 2002 г.

№ 877

Москва

О награждении Почётной грамотой Министерства культуры Российской Федерации и Российского профсоюза работников культуры

За многолетний и плодотворный труд, достигнутые успехи в области культуры и искусства

ПРИКАЗЫВАЮ:

наградить Почётной грамотой Министерства культуры Российской Федерации и Российского профсоюза работников культуры:

ПРОХНИЦКУЮ Элеонору Болеславну, режиссёра по дубляжу художественных и мультипликационных фильмов ООО «СВ-дубль и Компания», г. Москва

Министр



М.Е.Швыдкой

Моим любимым местом работы, моим «родным домом», где мною были отдублированы сотни фильмов, начиная от «Черепашек Ниндзя», — был «Видеофильм». Располагался он в Сокольниках, в бывшей даче Берии. Оснащенная современным оборудованием, студия звукозаписи находилась в помещении бывшей конюшни Берии.

Я бесконечно признательна актерам, благодаря труду и таланту которых я как режиссер получала великолепные результаты дубляжа и озвучивания фильмов и заказы на новые работы: Всеволоду Абдулову, Александру Клюквину, Вадиму Андрееву, Алексею Золотницкому, Виктору Петрову, Алексею Борзунову, Людмиле Гниловой, Раисе Мухаметшиной, Виктории Липко, Ирине Савиной, Людмиле Ильиной... Всех не перечислить, но я храню в своем сердце светлые воспоминания о каждом, с кем мне пришлось работать и кто дарил мне минуты творческой радости и дружеского, человеческого тепла.

Самым любимым моим партнером и моим другом, с которым мы проработали много лет и создали не один десяток замечательных озвученных фильмов, был актер Александр Белявский, умный, талантливый, с его неповторимым по красоте тембром голоса, с мягким, покладистым характером, с хорошими манерами. Я не припомню случая, чтобы он когда-нибудь вспылал, вышел из себя или выразился нецензурно.



Мы с А. Белявским на озвучании

Каждая встреча за пультом с Белявским была для меня праздником!

Последние годы, из-за болезни, Саша не работает.

Рядом с ним — его верная, любящая жена Людмила и маленькое чудо, подаренное им Господом, когда они были уже «в возрасте» — доченька Александра Белявская. Она такая же красивая, как ее папа, и наверняка будет такой же доброй, талантливой и интеллигентной.

Все годы работы на «Видеофильме» бесменно моей правой рукой в озвучивании фильмов была «ас» своего дела звукорежиссер Ирина Моисеева.

Моей последней режиссерской работой был дубляж американского мультфильма «Ледниковый период» на студии Дэвида Шафутинского, сына известного шансонье.

После ухода из жизни моей мамы я работать больше не смогла. Потеря моего самого близкого и бесконечно любимого человека оказалась для меня самой большой и невозполнимой потерей в жизни. Моя жизнь из цветной стала черно-белой, и прежде такая любимая моя работа показалась мне ненужной и бессмысленной.

Мама покинула меня 6 декабря, а в июне весь дачный участок был в незабудках. Они были повсюду, даже в парнике. Откуда они взялись в таком количестве, ведь я их не сажала?! Они появляются снова и снова, вот уже пять лет, с тех пор как не стало мамы, которая очень любила проводить здесь лето, в тихой деревне Бортнево. Вне всякого сомнения, это знак от нее: «Не забудь меня!»

Самой большой ошибкой в моей жизни было замужество за Эмилем Кио. Я поверила ему, а он меня предал. На алтарь любви к этому человеку я положила свою актерскую карьеру, которой я добивалась своим трудом, начиная с учебы в хореографическом училище в послевоенное, голодное детство. В моем творческом багаже была учеба в ГИТИСе, работа в «Комсомольском патруле», две главные роли в фильмах, звездный взлет на сцене парижской «Олимпии», работа в мюзик-холле, гастроли по всей Франции, Швейцарии, Бельгии.



Летом 2000 года вишню собирали ведрами и тазами

В то время как у Эмиля Кио, к моменту нашей встречи, кроме окончания МИСИ и фамилии и имени, доставшихся ему от его знаменитого отца, ничего больше не было.

Мою фактическую существенную помощь Эмилю Кио в создании нового иллюзионного аттракциона он принял как должное и не оценил этого.

Моя встреча с ним — это наказание Господнее за ту боль, которую я причинила Борису. Он очень любил меня, а я его оставила и ушла к Эмилю. Недооценила? Захотела чего-то другого? Вот и получай! В жизни ничего не проходит бесследно. За все надо платить. Мне пришлось заплатить высокую цену.

Но Господь милостив и после испытаний посылает нам добро. Мне он послал Людвига: надежного, преданного и доброго друга, человека чести и высочайшей порядочности. Такой, как он, не предаст, не пойдет «на сеновал» и не станет делить квадратные метры и ложки с чашками.

Я счастлива, что с таким человеком мне суждено будет встретить старость и доживать свой век.

*А пока... Жизнь продолжается...
Стареть совсем не больно и не сложно.
Не мучат и не гнут меня года.
И только примириться невозможно,
Что прежней я не буду никогда!*

Игорь Губерман

Часть II. Так мы жили Рассказы

К читателю

В моих зарисовках нашей «неповторимой» действительности нет художественного вымысла. Так мы жили.

Когда я поняла, что не в силах больше выносить эту ежедневную борьбу за существование, эту ежечасную корриду в драке за кусок мяса, мыла, школьные тетради, туалетную бумагу, соль, сахар и пр., когда вакханалия тотального дефицита и разнузданного хамства достигли чудовищных размеров, я, чтобы не сойти с ума, начала писать. Я записывала все эпизоды, с чем сталкивалась в магазинах, в кабинетах чиновников и с теми, от кого хоть как-то зависела наша жизнь.

Наш жутковатый спектакль, сценарий которого был замешан на бесправии, репрессиях, постоянном обмане и унижении человеческого достоинства, выхолостил из нас все человеческое. Мы оскудели умом и сердцем, озлобились, деградировали и влачили в основной массе жалкое, почти животное существование, сохранив инстинкт: где достать еду? Я описывала эпизоды нашей жизни для того, чтобы те, кто будет жить после нас, узнали правду о нашей жизни и постарались бы понять, как трудно было быть «советским» человеком и как вдвойне трудно было быть советской женщиной.

Элеонора Прохницкая

Шляпка

Сегодня утром, собираясь в булочную, я дала себе «установку» — этому я научилась во время телевизионных сеансов у всемогущего мага — ни на что не реагировать и сохранять спокойствие. А что, в самом деле, может случиться в булочной? Это тебе не мясной, где мясник с таким выражением лица, будто ты ему сто рублей должна и не собираешься отдавать, — швыряет на весы грязное мясо, которое и на земле, и на полу валялось, взвешивает кусок, где больше половины костей и желтого старого жира, да еще успевает сманипулировать и подложить довесок в виде чего-то черного и «душистого».

Я однажды таким «довеском» попыталась угостить дворнягу Кордана, который на нашей автостоянке живет, так он на меня так посмотрел, что я все поняла, извинилась и отошла от него подальше. Теперь он как только видит меня, даже издали, ворчать начинает, предупреждает, чтобы близко к нему не подходила. Животное, и то имеет свою позицию.

А мы всю жизнь должны молчать и улыбаться. Попробуй что-нибудь скажи этому мяснику, так он тебя так отделает, что век будешь помнить! Что говорить, в мясном, конечно, могут возникнуть неприятные ситуации.

Или в овощном, скажем. Ну разве смолчишь, когда тебе в сумку редиску сыпают из пластмассовой миски, мало того, что каждая редиска толстым слоем глины облеплена, так из этой миски в твою сумку граммов шестьсот земли всыпают. Тоже, конечно, человек обидеться может...

Но в булочной, да еще самообслуживания подобное исключено. Пришел, взял хлеб, получил по талону сахар, купил что-нибудь к чаю и — до свидания. Ну что может случиться в булочной?

...В третий раз я обходила лотки с хлебом, «тыкая» во все подряд батоны железной ложечкой в надежде наткнуться на свежий. Я знала, что теперь эти мудрецы из хлебного делают такие фокусы: смешивают вчерашний, позавчерашний и сегодняшней. Вот и ищи, как грибы в лесу, этот мягкий хлеб...

Мягкого я так и не нашла. Он весь был такой, что им можно было гвозди заколачивать.

Я чувствовала, как во мне постепенно растет волна раздражения. В зале никого не было, кроме кассира при выходе из булочной, поэтому я, очень сдержанно, во избежание конфликта, спросила у нее:

— Не скажете, почему хлеб такой черствый, как камень?

Она взглянула на меня так, будто я убила ее детей и сожгла ее дом.

— А я что, делаю его?!

— Ну, а все-таки?

— Ночной!!! — ей явно хотелось добавить в мой адрес еще что-нибудь эдакое... но она обиженно поджала тонкие губы и отвернулась от меня.

«Опять этот „ночной“! Вот идиотизм! Почему же его надо печь и привозить ночью, а не утром!» — подумала я, а вслух сказала: — Но его же не угрызешь! — и пожалела о том, что так «разговорилась».

В свой, ставший уже традиционным у нас ответ: «Не нравится — не берите!» — кассир вложила столько сердца и эмоций, что я сделала вид, что меня это не касается и, повернувшись к ней спиной, опять стала стучать железной ложечкой по хлебу.

Стоявшая рядом со мной высокая, дородная дама с черными усами, которая так же, как и я, стучала железной ложечкой по каменному хлебу, резко повернулась в сторону кассира и низким, грудным голосом спросила ее:

— Почему вы мне грубите? Я, по-моему, молчу...

Кассир от неожиданности подпрыгнула на стуле.

— Во дают! Совсем оборзели! Да нужны вы мне, как прошлогодний снег! Да видела я вас... Да кто вас трогает?!

Назревал скандал, который предотвратила своим появлением в зале дама в белом халате. Она вошла походкой королевы, держа руки в карманах и откинув назад голову с высокой и сильно взбитой залакированной копной белых, пергидрольных волос. В ушах у нее сверкали и блестели крупные белые камни.

— Торты! Трехрублевые! — объявила она кассиру. — Возле кассы пусть контейнер поставят! — дав ц.у., она также царственно, ни на кого не глядя, удалилась.

Из подсобного помещения послышалась до боли родная и близкая русская речь. Показавшиеся два рослых, сомнительно трезвых уже с утра грузчика вывозили контейнер с тортами. Они катили по залу железную клетку с белыми скучными коробками с видом благодетелей. Покупатели в зале оживились. Некоторые пристроились к ним и сопровождали их до места назначения.

Интеллигентная пожилая женщина в смешной, старомодной шляпке, бедно, но опрятно одетая, учтиво поинтересовалась:

— Извините за беспокойство, молодой человек, — обратилась она к одному из грузчиков, здоровенному, небритому детине лет 55, — вы не будете так любезны сказать, какие тортики?

— Трехрублевые... — буркнул он.

— Меня интересует название, а не цена, — она ближе подошла к грузчику.

— А я откуда знаю! На коробке написано, читайте! — грубо ответил он, выгружая коробки из контейнера на прилавок.

— Но я, к сожалению, не вижу без очков, — не отступала старушка.

— А я что, должен очки вам купить?

— Ну зачем же купить? Я просто забыла взять их с собой. А вы, работая в этом отделе, должны знать, какие тортики поступили в продажу!

Грузчику это явно не понравилось. Он, не поворачиваясь, через плечо оглядел ее с головы до ног.

— Слушай, ты, «шляпка»! Ты чего прицепилась? Чего ты выступаешь? Тебе что, дома поговорить не с кем, что ты с утра пораньше права качаешь, карга старая?!

Интеллигентная старушка опешила. Она никак не ожидала такого исхода диалога. Не пожелав, однако, простить публичного оскорбления своему обидчику, она, мгновенно

перебрав в своем словарном запасе все ругательные слова, какие знала, вдруг неожиданно громко, на весь магазин, выкрикнула в спину уходящему грузчику:

— Козел!

Спина грузчика вздрогнула, как будто от сильного удара. Он на минуту замер, втянув голову в плечи, затем, развернувшись на 180 градусов, молча стал двигаться к старушке.

Она, маленькая и худенькая, застыла на месте и, словно загипнотизированная, широко открытыми глазами смотрела на грузчика, как кролик на удава. Он медленно подошел к ней вплотную, подумал, глядя на нее сверху вниз, чтобы с ней такое сделать, затем своими огромными, грязными ручищами взял за поля шляпки и с силой натянул ее на глаза старушке...

Старушка завизжала, запричитала. Ее обступили люди и стали помогать ей надеть шляпку обратно на то место, где ей полагалось быть. Но старый, севший от времени и стирки фетр не поддавался. Здесь, вероятно, нужна была недюжинная сила грузчика. Старушке было больно, она громко охала. Наконец ее удалось вырвать из шляпного плена. По красному, испуганному лицу ее катились слезы. Она тяжело и часто дышала. Поблагодарив граждан за участие, она быстро вышла из магазина.

Все были настолько потрясены происшедшим, что стояли некоторое время молча, как в шоке. Кто-то предложил пожаловаться администратору, той самой, с царственной осанкой и с крашеными пергидрольными волосами. Дама с грудным голосом и с черными усами сказала, что это бесполезно. Она знает и эту заведующую, и всех остальных работников этой булочной.

— Все они грубияны! — свела она, наконец, свои счеты с кассиром, многозначительно поглядев на нее. — Моей ноги здесь больше не будет! — сказала она, выходя из магазина.

Последнее слово осталось, однако, за кассиром:

— Напугала бабу му...ми. Буденный! Тебе бы шашку в руки!.. Иди, иди отсюда! Не оглядывайся!

Я хотела было выскочить из этого магазина, как вдруг увидела, как те же два грузчика поставили в противоположный угол булочной контейнер с сухарями. «Хоть сухарей взять, чтоб пустой из магазина не уходить», — решила я. Ни надписи, ни ценника на сухарях не было. Хорошо, если это ванильные или с корицей, а если горчичные, то кому они нужны? Общаться с кассиром мне больше не хотелось. В зале, кроме нее, никого не было.

Заглянув в щель между лотками с хлебом, я увидела мужчину в синем халате, выгружающего из контейнера батоны.

— Извините, — обратилась я к нему заискивающим тоном и улыбаясь во весь рот, чтобы расположить его к себе и не нарваться на грубость, — вы не подскажете, какие сухари в продаже?

— А там все написано. Читайте.

— Где?

— Внутри пакета с сухарями.

Я взяла в руки пакет, нащупала в нем крохотную бумажку и попыталась прочитать. Но даже с моим стопроцентным зрением сделать это было невозможно.

— Извините, но здесь так мелко написано, что без лупы не разберешь! Может, вы знаете, какие сухарики? — сделала я еще одну попытку, заглядывая в щель между хлебными полками и все так же улыбаясь во весь рот. В это время появившийся там же второй мужчина в таком же синем халате спросил:

— Федя, чего она от тебя хочет?

— Да, нервнобольная попалась, припадочная! Сухарей очень хочет!

Второй пожалел меня и дал совет:

— Не нервничай по пустякам, не стоит! А то рожать не сможешь!

...Сухарей мне больше не хотелось. Хлеба, кстати, тоже. Мне хотелось одного: убежища от тотального, воинствующего хамства!

Я бежала домой и думала: когда впервые случилась с нами эта большая беда?! Где?! В

магазине ли, в метро, на улице?! И кто был тот первый, который решился нахамить?! Кто он?!

Мне захотелось закричать во весь голос: «Люди!!! Опомнитесь!!! Будьте людьми!!! Что же вы делаете!!! Будет ли когда-нибудь конец этому беспределу!!!»

...ждите ответа... ждите ответа... ждите ответа...

1989 г.

Выходной день

Сегодня у Вики — выходной день. Вернее — свободный день. Один из тех, какие бывают у творческих работников: ни репетиции, ни записи на радио, ни концерта. Можно расслабиться, отдохнуть. Она вышла из ванной комнаты и остановилась перед большим зеркалом в спальне.

— Ну-с! — сказала она, глядя на свое отражение. — Чем займемся, Виктория Сергеевна? К косметичке пойдём или, может, в сауну? Нет... пожалуй, несколько партий в теннис и затем в бассейн. После этого маленькая чашечка кофе в экспресс-кафе и — на выставку... да. Скромненько и со вкусом! — Ее забавляла эта игра в западную актрису, которая запросто может позволить себе все это.

У косметички Вика не была никогда в жизни — не позволяли ни средства, ни время. В бассейн и в баню, правда, ходила несколько раз, это недорого, но опять же время... его всегда Вике не хватало. Все свое свободное время, как, впрочем, и все наши женщины, имеющие семью, если они, конечно, не жены «слуг» народа, она тратила на постоянные, нескончаемые, отупляющие очереди — пожирающие все ее время и силы. Вот и сейчас, открыв холодильник и заглянув в него, она грустно продекламировала: «И вечный бой, покой нам только снится...»

Было 9 часов утра. Самое время приступить к операции «борьба за существование». Хорошо бы ей до прихода сына из школы в поисках чего-нибудь съестного, успеть обойти все магазины в округе. Несмотря на изнурительную, неприятную предстоящую процедуру, Вика не падала духом раньше времени. «Я в хорошем настроении выхожу из дома и в хорошем — вернусь домой», — уговаривала она себя, спускаясь в лифте и стараясь не дышать, чтобы не вдохнуть в себя специфический запах аммиака, исходящий из лужи вторичного продукта на полу.

Начала она свой поход с ближайшего продовольственного магазина. Он был пуст с утра. Мясной отдел, который интересовал Вику больше всего, был закрыт. «За кулисами» раздавался стук топора. Редкие утренние покупатели с надеждой заглядывали в глаза друг другу: «Рубят?», «Случайно не знаете, когда?..». Но никто ничего не знал. Знала наверняка контролер зала, со скучающим видом стоявшая возле кассы. В ее обязанности входило заглянуть во все сумки после оплаты. Но контролер, ввиду большой государственной тайны, секрет открытия мясного отдела не разглашала и на вопрос покупателей: «Когда?» — уклончиво отвечала, позевывая: «Неизвестно»...

«Дохлый номер! — подумала Вика. — Не буду-ка я тратить время и слетаю пока в универсам. Там уж наверняка нарубили...»

В универсаме картина пустоты из-за больших размеров самого магазина показалась ей просто удручающей. На том месте, где, по ее предположению, уже должны были «нарубить и разложить», блестели чисто вымытые лотки. В углу были навалены жирные утки. Их лапы, торчащие вверх, то ли молили о пощаде, то ли зывали: «Не проходите мимо! Возьмите нас!» «Нет, это нам даром не нужно!» — подумала Вика и, пройдя через пустые бакалейный и молочный, вышла на улицу. Поеду в молочный на Докукина! Может, творог или сыр куплю на завтрак. А то, кроме яиц, в холодильнике ничего нет. А их ешь и дрожишь: не попала ли тебе сальмонелла?

В фирменном магазине «Молоко» была тишь да гладь: ни продуктов, ни покупателей. Видимо, тонкое сало, густо обсыпанное крупной солью, и сухая брынза, сиротливо и

застенчиво притаившаяся за стеклом прилавка, никого не прельщали. В пустом зале лежали на полках пачки маргарина и стояли два контейнера: один с молоком и один с кефиром. «Возьму кефир, — решила Вика, — и сделаю домашний творог».

В зале, кроме нее, была еще одна покупательница. Она стояла возле диетических яиц и о чем-то сосредоточенно думала, глядя на них. Скучающая пожилая кассир, казалось, без особого интереса наблюдала за ними. В пустом зале они были видны ей как на ладони. Вика взяла в руки пакет кефира и посмотрела число. «Двадцать пятое!» — сказала кассир, назвав завтрашнее число. Вика поблагодарила ее. Она взяла еще два пакета, поставила их в свою хозяйственную сумку, подошла к кассиру и, протянув ей один рубль две копейки, попросила: «Пожалуйста, пробейте три пакета кефира!».

Кассир строго взглянула на нее и потребовала:

— Предъявите товар! — Вика, приняв это за шутку, так как знала, что кассир видела, как она брала кефир, включилась в эту «игру» и в тон ей ответила:

— Пожалуйста, если я вам не внушаю доверия, — приоткрыв сумку, она наклонила ее в сторону кассира. Однако кассир и не думала пробивать. Вика поняла, что она не шутит. Проскучав с семи утра в пустом магазине, она, видимо, очень нуждалась в «человеческом общении» и выбрала эту яркую, модно одетую женщину своей жертвой. Она заявила, что ей плохо виден кефир, поэтому она пробивать не будет. Растерянная Вика попыталась еще раз показать ей свою сумку, но кассир, даже не взглянув на нее, повторила опять, что кефир она не видит. В кассу выстроилась очередь из четырех человек. Стоящая за Викой женщина с пакетом молока в руках взмолилась:

— Да пробейте же ей! Не задерживайте людей! Мы и то все видим, что у нее в сумке три пакета кефира, а вы не видите!

Но кассир решила покуражиться над Викторией всерьез. Она попросила ее отойти в сторону, не мешать работать и начала пробивать тем, кто стоял в очереди сзади Вики.

Вика почувствовала, как от обиды и унижения у нее запылали щеки. Неужели давление поднимается? Из-за такой ерунды, как кефир... Она сделала еще одну попытку:

— Ну что вы в самом деле... я же вам показываю... вот, смотрите. Пробейте, пожалуйста!

Но кассир была неумолима. Она решила использовать до конца данную ей крохотную власть, чтобы унижить человеческое достоинство и насладиться этим:

— Поставьте кефир на место, выйдите из зала, возьмите корзинку, поставьте в нее кефир, встаньте снова в очередь — вот тогда я вам пробью!

В магазине к тому времени «выбросили» в продажу колбасу «Прима», и народу в связи с этим «выдающимся» событием значительно прибавилось. В кассу выстроился внушительный хвост.

— Встать еще раз в очередь? Это же явное издевательство!

— А ты как думала? Без очереди? Деловая! Глаза намазала, губы размалевала и без очереди? А ну, отойди отсюда! — Покупательница с тройным подбородком отодвинула Вика в сторону длинной, толстой колбасиной, словно дубиной.

Кассир была явно довольна такой «солидарностью» толстой грубиянки:

— Я ей уже давно говорю, чтобы она отошла от кассы и не мешала мне работать.

— Правильно! — поддакивала ей все та же покупательница, довольная тем, что кассир без звука пробила ей целую колбасу вместо положенных по норме двух килограммов. — ...а то мы, значит, с очередью родились, с очередью и умрем, а она, если намазалась, так лучше нас, что ли?! Ей без очереди можно?

В затылке у Вики сильно застучало, сердце забилося где-то в горле. Она резко выскочила из зала и бегом побежала в подсобное помещение в поисках кого-нибудь из администрации. «Сейчас я ее накажу, она узнает, как над человеком издеваться!»

На первом этаже не было ни души. Вика вбежала на второй этаж. Все двери были закрыты. И только в самом конце длинного коридора она увидела открытую дверь. В комнате у окна сидел и одиноко курил молодой блондин в модном свитере. Он представился

Вике заведующим. Выслушав ее, он пообещал «разобраться» и спустился с ней в зал.

Кассир, увидев заведующего, выскочила из-за кассы и довольно талантливо начала разыгрывать театральный этюд на тему: «Злоумышленница с кефиром». Она показывала, как Вика прятала от нее кефир, прижимая к груди сумку, и приговаривала при этом:

— Она не хотела показать мне три пакета кефира.

Заведующий, заслушав ее внимательно, воспринял всерьез этот бред и сказал Вике:

— Женщина! Как вам не стыдно!

— Но позвольте! — возразила она. — За что вы меня стыдите? Я хотела найти у вас защиты от такого поведения кассира, а вы меня же еще и стыдите?! В таком случае дайте мне жалобную книгу!

Дать книгу заведующий наотрез отказался. Вика настаивала на своем. Кассир продолжала изображать Вику...

В это время из подсобного помещения в зал вошел молодой брюнет в белом халате. Он подошел, поздоровался с заведующим за руку и сказал, обращаясь к Вике:

— Я — начальник предприятия. Что у вас случилось?

Вика не поняла, о каком предприятии идет речь, но в сердце у нее затеплилась надежда: «Сейчас этот молодой симпатичный начальник во всем разберется, накажет виновных и справедливость восторжествует!»

— Меня обидели, и я прошу жалобную книгу, которую обязаны выдать покупателю по первому требованию, а мне отказывают в этом праве! — обратилась она к начальнику.

Начальник для начала успокоил кассира:

— Зоя Павловна! Успокойтесь и сядьте, пожалуйста, на место. Мы сейчас все утрясем! — Затем он посмотрел на Вику недобрый взглядом: — А вы назовите сначала нам свою фамилию и место работы. И мы вам напишем!

Какая-то седая женщина, видимо приятельница или соседка кассира, которая шепталась с ней о чем-то, стоя у кассы, радостно закричала:

— Правильно! А я подпишу как свидетель, я все видела!

— Но вас же вообще не было тогда в магазине! — возразила Вика. — Что вы могли видеть?

Но, увы, напрасно! На нее посыпались оскорбления. Она уже проклинала себя за то, что ввязалась в эту историю. Лица заведующего, начальника, кассира и ее знакомой были искажены ненавистью к ней, в их глазах была агрессивность, жесты были воинственны. Они стыдили и срамили ее на весь магазин, не стесняясь в выражениях и не давая ей вставить ни единого слова. В голове у нее сильно шумело и кружилось: «Боже, за что они так со мной? Что я им сделала?.. Мне плохо... Только бы не упасть...» Оскорбительные фразы и грубые слова, которые выкрикивали эти люди, взявшие Вику в кольцо, слились для нее в единый глухой гул, который больно давил ей на уши...

Входящие покупатели с нескрываемым интересом и любопытством смотрели на молодого мужчину в белом халате, который размахивал пальцем под носом у модно одетой женщины. То, что этот, в белом халате, начальник, не вызывало ни у кого сомнения, но кто эта женщина и за что он ее отчитывает? Иные подходили поближе, чтобы услышать, что говорил начальник, когда они слышали обрывки фраз, в их глазах загорался огонек презрения:

— Аферистка!

Одна старушка объясняла другой, подставив к губам ладонь и крича ей в самое ухо:

— Поймали ее! Она кефир хотела украсть! Незаметно вынести в сумке из магазина! А на такую и не подумаешь, одета по моде! В милицию бы ее...

— Правильно, — громко проскрипела глухая. — На них всем миром навалиться нужно! Тянут, тянут, уж всю страну растащили!

В магазине послышался тошнотворный запах, как из пивной бочки. Очередной покупатель, неизвестно зачем забредший в это свое хмельное утро в молочный магазин, стоял, слегка покачиваясь при входе, соображая, идти ли ему дальше или вернуться. Однако

его скупой от рождения и деградированный от постоянной пьянки мозг заинтересовала шумная компания. На нетвердых ногах он подошел к ним, несколько секунд тупо помолчал, соображая, кто на кого «бочку катит», затем, повернув к Вике то, что называлось у него раньше лицом, и, качнув помпоном детской вязаной шапочки, натянутой на голову, выдохнул ей в самое лицо смесью сивухи с чесноком:

— Обезьяна размалеванная! Проститутка! Да гоните ее вон из магазина! По фигу нам с ней разговаривать!

Начальник предприятия улыбался:

— Вот видите! И народ против вас! А народ не обманешь, он все видит!..

...Домой Вика вернулась с пустой сумкой. Чтобы снять боль в сердце, она приняла валокордин, легла на диван и дала себе слово, что в следующий свой выходной день она пойдет только в бассейн... Будь прокляты эти магазины!

В дверь позвонили. Появившийся на пороге сын, чмокнув ее в щеку и кинув на пол ранец, сказал:

— Мам! Я такой голодный, что у нас сегодня на обед?..

1989 г.

День Победы

Этот день — 9 Мая — мой любимый праздник. Я, довоенное дитя, хорошо помню заснеженную Москву, дирижабли в небе, колючие заграждения. Помню завывание сирены и голос Левитана по радио: «Воздушная тревога!»

Всю войну мы с мамой прожили на Сретенке, на улице Мархлевского. Бомбили нас почти каждый день. Вернее, не нас, Главпочтамт, который находился рядом, на Кировской.

Мама никогда не спускалась со мной в бомбоубежище, опасаясь, что нас засыпет. Услышав сирену, она брала меня на руки, укладывала на диван, сама ложилась рядом, выключала свет и говорила: «Если погибнем, то вместе».

Мы не погибли. Дожили до светлого, радостного дня Победы. Дождались отца, который в сорок первом, сдав свою долгосрочную бронь, добровольцем ушел на защиту Москвы и, несмотря на ранение под Москвой, дошел со своей авиационной истребительной дивизией до Берлина. Он вернулся в звании майора, обветренный, подтянутый, весь в наградах, немного чужой, но такой родной и любимый наш папка, наш победитель, наш герой!

Я очень люблю этот праздник! Люблю его песни!

В этот день и песни, и седые люди в орденах переполняют мое сердце бесконечной нежностью, гордостью и верой в наш народ, скорбью о тех, кто не вернулся. Я очень люблю этот праздник!

По нашей семейной традиции мы отмечаем его на даче, и если весна выдается ранняя и теплая, в этот день уже начинает цвести вишня. Мы накрываем красивой скатертью стол в саду под вишней и из городской сутолоки переносимся в мир тишины, простора, голубого неба и жужжания пчел над вишнями.

В эту весну на 9 Мая было жарко уже с утра. Мама и папа, нарядные и торжественные, приехали к нам из своего Чертаново, так как дача находится в часе езды от нашего дома. Сев в машину, мы с мамой начали по-хозяйски обсуждать наше праздничное меню. Мамочка с горечью поведала мне о том, что в результате двухдневных поисков по магазинам ей ничего не удалось купить и она везет только одни консервы: шпроты, икру минтая, банку лосося. Зато я могла похвалиться венгерской курицей, которую хранила к этому дню в морозилке больше месяца и теперь зажаренную и румяную везу ее с собой. Только вот я не успела купить хлеб и по дороге надо заехать в универсам. Идея с универсамом маме очень понравилась. Приехав три дня назад с папой из санатория, они ничем не смогли отovarиваться и холодильник их был пуст. А в такой большой праздник в универсаме наверняка должно быть что-нибудь вкусненькое.

В универсаме, раскаленном жарким весенним солнцем и лишенном какой бы то ни было вентиляции, стояла невыносимая духота и было полно народу.

Злые, недовольные люди метались от прилавка к прилавку в поисках чего-нибудь.

Ни мяса, ни кур, ни колбасы в магазине не было. Люди толпились около контейнера с расфасованным фаршем и торопливо набивали этим серо-белым, непонятно из каких частей туши сделанным месивом свои тележки. Из гастрономического отдела через весь магазин тянулась длинная очередь.

— Что дают? — задала я пожилой женщине ставший таким привычным последнее время вопрос и к своей радости услышала:

— Сыр!

— Сыр?! — не поверив, переспросила мама.

— Да, сыр! Постоим?

— Конечно! Он так редко бывает!

Для нас давно уже потеряло смысл название сортов сыра: голландский, эдемский, российский. Все названия слились в единое понятие безвкусной резинообразной массы под общим названием «сыр».

Мы встали в очередь. Самодовольная продавщица с лицом, про которое говорят «щеки со спины видать», небрежно кидала в окошко по пять-шесть кусков сыра. Люди протягивали к этим кускам свои руки, пытаясь поймать их, кто на лету, кто схватить с лотка. Но те, кто стоял уже впереди, стояли, как говорится, «на смерть». Они с силой отталкивали тех, кто пытался через их головы дотянуться до сыра, и только набив свои тележки, отъезжали, уступая место «для боя» следующим.

Очередь двигалась очень медленно. Вдруг окно закрылось. Все будто замерло. Свалка у окошка прекратилась. Прошло пять, десять, пятнадцать минут.

Окошко не открывалось. Люди стояли терпеливо, в жуткой духоте, обливаясь потом, как безмолвное стадо. Кто-то попытался вдруг что-то сказать, чем-то возмутиться, но его никто не поддержал. Люди привыкли молчаливо ждать, и они ждали. Чьи-то два малыша, подружившиеся между собой за эти двадцать минут, взяли с полки «сопутствующих товаров» красный пластмассовый трактор и катали его по полу. Люди тупо и безучастно наблюдали за их игрой. Одна женщина рассказала анекдот: «Приходит сын со школы домой, а мать его спрашивает: „Ты руки с мылом мыл?“ „Да“, — отвечает сын. „Ну, тогда чай будешь пить без сахара“». Почему-то никто не засмеялся. Так прошло тридцать пять минут.

Вдруг я услышала позади себя знакомый стук отцовской палки, на которую он опирался, с трудом передвигая свои больные после ранения ноги. Звеня наградами, он двигался, как статуя командора, по направлению к очереди.

— Я волновался, не случилось ли с вами чего-нибудь! Почему так долго?

— Да вот ждем 35 минут, — ответила я, — пока окно «с сыром» откроют.

Отец подошел к окну и с силой постучал в него своей палкой. Окно открылось и в нем показалось все то же лицо.

— Чего стучите? Фасуем сыр! Мы не автоматы! Подождете!

— Вы почему над людьми издеваетесь в такой праздник? — прохрипел отец. — Кто дал вам такое право?!

Продавщица что-то грубое парировала в ответ отцу.

Люди, униженные в такой большой праздник очередью и грубостью продавщицы, воодушевленные решительностью бывшего фронтовика, вдруг зашумели. Но голос толстомордой продавщицы перекрыл всех:

— Чего орете? Сидели бы дома в свой праздник и нам бы дали отдохнуть! Шляетесь по магазинам, никак не нажретесь!

Я увидела, как рука отца судорожно потянулась в карман пиджака за валидолом. Он не воспользовался своей льготой инвалида войны без очереди взять сыр и молча, стуча палкой и звеня орденами, направился к выходу.

Мы с мамой, поддавшись общему ажиотажу, схватили четыре больших куска сыра.

Встав со своей добычей в очередь уже в кассу, я вдруг на миг ощутила чувство радости и победы. Что это со мной? Отчего мне так легко и хорошо на сердце! Ах да, сыр!

Я окинула взглядом очередь: люди, стоявшие в кассу с тележками сыра, измордованные, уставшие и потные, улыбались! Они были счастливы! Мне стало страшно. Боже! Что с нами происходит, если мерой простого человеческого счастья стал кусок сыра, добытый в таких страданиях!

В этот день за праздничным столом мое любимое полусладкое шампанское почему-то горчило. На глаза постоянно наворачивались слезы, я как сквозь пелену смотрела на своих постаревших родителей, которые, надев свои боевые ордена, в День Победы поднимали тост за прожитую жизнь.

1989 г.

Суперженщина

Надежда Федоровна работала костюмером в клубе железнодорожника.

Устроилась она сюда на 90 рублей временно, чтобы больше внимания уделять дочке, когда Людочка пошла в первый класс, да так и застряла здесь. Дочка через год уж школу заканчивает, а она так и работает не медсестрой по специальности, а костюмером. Зарплата, правда, немного меньше, но зато выдавать костюмы самодеятельным артистам приятнее, чем больным в поликлинике клизмы ставить. И от дома близко, и занята она всего два-три часа в день.

Надежда Федоровна шла домой сердитая и раздраженная, с трудом передвигаясь на полусогнутых ногах, скользя словно на невидимых лыжах, то по гладкому, блестящему льду, то по обледенелым буграм нечищенных, плохо освещенных улиц, и еле волоча тяжеленную сумку с «заказом» в одной руке и десять рулонов туалетной бумаги, словно бусы нанизанных на веревку, — в другой.

Елки-палки, все ноги переломаешь, пока до дому дойдешь!..

И черт меня дернул еще в хозяйственный магазин зайти!

...Вот сволочи! Куда ж они дефицит девают? Хотя бы что-нибудь путевое к празднику дали! А то опять одни банки!.. Ну ладно, банки не пропадут, конечно! Летом в деревне все сгодится!.. А вот курица... Это была уже четвертая курица за последнее время.

Четвертый раз подряд Надежда Федоровна вытаскивала счастливую бумажку, одну из пяти, с надписью «заказ» и четвертый раз получала банку тушенки, банку сгущенки, банку свиного паштета, майонез, банку рубленой говядины, правда в этот раз еще банку кабачковой икры всунули и замороженную курицу. Что она будет делать с этими курами?..

Нет, но все-таки здорово, что она опять вытащила «заказ». Легкая у нее рука! Бухгалтер Тамара Ивановна прямо позеленела вся от злости, когда увидела у себя в руках пустую бумажку. У-у, змеюка! Так ей и надо сплетнице! Это она распустила слух, что мой Вася пьет... еще хватило наглости сказать: «Надежда Федоровна! Продайте мне „рубленую говядину“! Вы уже четвертый раз подряд заказ выигрываете!»

А хоть бы и в двадцатый! Сейчас разбежалась я тебе «рубленую говядину» отдать! Отдай жену дяде!.. Нашла дуру!.. Но что я все-таки с этими курами буду делать?.. Ну, одну-то я запихну в морозилку. Пусть лежит на «черный день», как неприкосновенный запас. Мало ли что! А остальные пушу в дело на Новый год... холодца наварю, другую можно в духовке зажарить...

Приближение Нового года Надежда Федоровна совсем не чувствовала. Это, пожалуй, был первый Новый год, когда она не знала, чем ей порадовать мужа и дочку. Магазины были абсолютно пустые: ни еды, ни одежды. Муж месяц назад, правда, сказал ей: «У нас на работе в профкоме списки составляют желающих на югославское пальто. Если хочешь, то давай пятьсот рублей. Деньги вперед надо». На вопрос Надежды Федоровны, что это за пальто, зимнее или осеннее, с меховым воротником или без и какого цвета и фасона, он обиженно сказал ей: «Мне его пер-со-наль-но не показывали!.. А не надо тебе — так и скажи! Ей

югославское пальто предлагают, а она — выкобенивается: цвет, фасон! Ходи голая, если не надо!»

Ну не могла же она, в самом деле, покупать кота в мешке! И ведь надо же такую систему придумать: деньги вперед отдай, неизвестно за что, тебе — талон в зубы и — дуй в магазин, нравится не нравится — бери! А если не понравится, куда его девать? Ведь магазин обратно не берет!

Да, что там говорить, пальто ей очень нужно! И дочка без теплых сапог в школу бегаёт в резиновых. И муж пообносился до неприличия. Двенадцатый год свою чешскую куртку на искусственном меху таскает. Она села от стирки, талия до подмышек подпрыгнула, короткая стала, а еще как капюшон на голову натянет — так без слез не взглянешь на него, не поймешь, кто идет: то ли гном, то ли бомж, то ли просто дурачок какой-то... На прошлой неделе в гости ходили, так дочка говорит ему: «Папка, иди вперед! Нам с тобой рядом стыдно идти». А что поделаешь, если в магазинах ничего нет: ни белья, ни сапог, ни пальто, ни шапок меховых! Да что там шапок, носков и то не купишь!

И куда все это подевалось с этой перестройкой?

Нет, что ни говори, а она, Надежда Федоровна, считает, что во времена «застоя» в магазинах было гораздо лучше. И одеться можно было прилично, и что-нибудь вкусенькое купить. Особенно если ты — мне, я — тебе!

Она одной знакомой директрисе магазина все билеты в цирк доставала через двоюродного брата. Он там электриком работал.

Так эта любительница цирка Надежде Федоровне к каждому празднику «деликатесный дефицит» делала. Без красной икры да без баночной ветчины ни одного праздника не справляли...

Да, были времена! И куда все подевалось? Ни той директрисы, ни тех продуктов...

Ну где это видано?! Муж весь декабрь ищет водку и шампанское к Новому году и нигде не может купить! Ну, шампанское еще ладно, понятно, что в связи с антиалкогольной кампанией истребили все виноградники и делать его теперь не из чего! Но водки-то чего не наделать? Картошки-то вон сколько гниет!..

Нет! Так плохо в Москве еще никогда не было!

Одно утешение, что в Ленинграде еще хуже, говорят... хотя уж хуже... хуже, кажется, и не бывает...

...На лестничной площадке пахло капустой. «„Мои“, наверное, щи греют», — подумала Надежда Федоровна.

Она позвонила в дверь. Ключи провалились на дно большой хозяйственной сумки и среди банок их трудно было найти.

У мужа было довольное лицо. Он взял у нее из рук сумку и туалетную бумагу.

— Дефицит достала. Туалетную бумагу. Молодец! А мыла в хозяйственном не было? Да не сердись, это я так просто спросил.

Раздевайся, Надюша! Садись с нами ужинать... У нас на работе сегодня сапоги женские зимние разыгрывали, одну пару на весь отдел, на тридцать человек... так я не выиграл...

— А чего ты лыбишься, как полоумный? — Надежда Федоровна почувствовала к нему ненависть — было бы чему радоваться, придурок!

Дочь разута, а он — доволен! Кретин!!! Еще улыбается!

— Ты чего как овчарка кидаешься? Не успела порог переступить и уже оскаливаешься! Ты дослушай вначале!.. У нас вторая лотерея была, и я выиграл! Протезирование!

— Чего, чего?!

— Протезирование!

— И чего ж ты себе протезировать собрался? Какое такое место? Уж не мозги ли?!

— Дура!.. Зубы!

— Да чего же тебе здоровые зубы протезировать? Если что и есть в тебе приличного, так это — зубы!

— Да пойми ты, телка, своей куриной головой, что мало вытащить талон на протезирование, это еще полдела! Там очередь на десять лет! Пока она подойдет — мои зубы сгниют! С перспективой надо жить! «Тундра» необразованная!

— Ну, началось! — Людочка быстро прикончила щи и убежала из кухни в комнату. Она не выносила, когда родители между собой «разговаривали». Слушая их, она всякий раз убеждала себя, что замуж она не выйдет никогда в жизни...

Надежда Федоровна спешила перемыть гору грязной посуды, чтобы успеть к сеансу Кашпировского. Он хорошо на нее действовал. Колени перестало ломить и спать она стала лучше, почти не слышит, как Вася храпит.

Сейчас она сядет у телевизора, отключится от этой собачьей жизни, уплывет в какие-нибудь сказочные заокеанские страны, где в магазинах есть колбаса и сапоги, где продавщицы улыбаются, а улицы — чистятся...

...Кашпировский досчитал до десяти, и Надежда Федоровна открыла глаза. Она потянулась и громко зевнула.

Рядом на диване, свесив голову на грудь, храпел муж. Надежда Федоровна с нежностью посмотрела на него.

...Устает... вкалывает для семьи... постарел... живот вырос... и седой совсем уже... Господи, что он в жизни-то хорошего видел, кроме работы да телевизора? Одна радость у него — в отпуск в деревню поехать! Да и то: то от зари до зари дом ремонтирует, то — напьется с местными мужиками.

Она тихонько потрепала его по плечу.

— Вась! Просыпайся! Приехали мы из Рио-де-Жанейро!.. Иди ложись, Вась! Утро вечера мудреней! Решим утром с твоим протезированием, не расстраивайся... А деньги вперед не надо, как на югославское пальто?.. Ну и хорошо, Вась! Ну и молодец, что выиграл! Молодец!

На следующий день в клубе Надежду Федоровну ждала «нечаянная радость».

Строгая и надменная инструктор по культмассовой работе, профорг клуба, встретив ее в коридоре, спросила:

— Вам зимние югославские сапоги нужны?

— ??? — Надежда Федоровна, не моргая, несколько секунд смотрела на нее, соображая, не розыгрыш ли это. Но на высокомерную и не улыбчивую Маргариту Игнатьевну это похоже не было.

— С двойной переплатой? — решила вдруг Надежда Федоровна. — А какой размер?

Маргарита Игнатьевна сделала презрительную мину и царственным голосом произнесла:

— В следующий вторник у нас на станции спецотovarивание будет. Выездная торговля из ГУМа... косметика, верхний трикотаж, колготки — без талонов, а на женские югославские сапоги получите у меня талон... Отovarивание будет в диетической столовой... там уже ремонт закончен... Наше время 18.00... не опаздывайте...

— Ой, что вы! Я — за два часа приду! Спасибо!!!

Надежда Федоровна летела домой как бабочка, помолодевшая на двадцать лет. Она всем по дороге улыбалась, говорила «извините», если не могла с кем-то разойтись на тесном железнодорожном мосту, не замечала нечищенных улиц под разъезжавшимися на льду в разные стороны ногами, словом — была счастлива!

Последнюю стометровку она бежала почти бегом, так ей не терпелось поделиться этой ошеломляющей новостью!

Действительно, дома это сообщение произвело эффект разорвавшейся бомбы.

Муж растерянно развел руками:

— Не знаю... не слышал я такого, индивидуальный талон на сапоги! На всех предприятиях разыгрывают... может, вы уже при коммунизме живете в своем клубе...

Он с виноватым видом ушел в маленькую комнату, закрылся там и не выходил весь вечер.

Людочка повисла на шее у матери:

— Мамочка! Ущипни меня! Может, я сплю!.. Ой, я не доживу до вторника!

Надежда Федоровна вытащила заветный талон из носового платка, куда она его бережно, словно новорожденного младенца, завернула в клубе, и положила его за стекло в сервант, в один-единственный хрустальный фужер, подаренный мужу на заводе на его пятидесятилетие.

— Доживем, доживем мы с тобой до вторника! Вот так! Индивидуальный талон! Не то что у некоторых... — Она подошла к двери, за которой находился муж, и нарочито громко сказала: — Тянут одни сапоги на тридцать человек! Теперь доченька обута будет! Не хуже других!

Радостные и возбужденные, они с Людочкой не ложились спать и долго обсуждали на кухне, какие это будут сапоги, какая будет косметика и сколько пар теплых колготок они «возьмут».

— Слушай, дочка! А мы с тобой, пожалуй, и верхнего трикотажа тоже возьмем... А чего? В магазинах полки-то пустые, французская фирма «шаром кот!»! Ха-ха-ха! А говорят, еще хуже будет... Так что надо брать все! Не каждый день отоваривание из ГУМа!

— Ой, мамуся! А где же мы столько денег достанем?

— Да есть у меня... на пальто я себе пять лет потихоньку собирала... ничего, пальто потом купим!

Пять дней Надежда Федоровна с Людочкой жили преисполненные чувством сладостного ожидания, надежды и еще чем-то очень неясным, трепетно-радостным, что наполняло их жизнь смыслом, делало счастливыми и напоминало о том, что они — женщины.

Надежда Федоровна не ругалась эти дни с мужем. Она была, как в молодости, мила и приветлива. Подавая ему щи в глубокой тарелке, поставленной, как в ресторане, на мелкую, она приговаривала: «Ешь, Васенька, на доброе здоровье!» — и два раза даже погладила его по волосам.

Василий Тимофеевич недоумевал, смущался и чувствовал себя неловко. За восемнадцать лет совместной жизни, полной нескончаемых тягот и забот, они с Надеждой Федоровной отвыкли от подобных нежностей, и теперь это приводило его в смятение. Василий Тимофеевич не знал, как ему себя вести, и, не испытывая ответного чувства к жене, замкнулся вдруг и пять дней молчал.

Наконец наступил долгожданный вторник.

...Отоваривание началось в два часа.

Вначале шли станционные работники с ночной смены, потом диспетчеры, потом путейцы...

Работники железнодорожного клуба, в количестве пятнадцати человек, собравшиеся у входа в столовую за час до назначенного времени, все время оттеснялись напором огромной толпы, собравшейся у двери.

Невысокий, чернявый молодой человек кавказского типа, с черными усиками и черными глазами распорядился с той стороны двери. Время от времени он открывал дверь, выпуская с покупкой и впуская кого-то на свое усмотрение.

— Мы клуб! У нас на талонах время!.. — попыталась возвысить голос профорг клуба Маргарита Игнатьевна, но «чернявый» с силой захлопнул дверь, не дослушав ее до конца.

Стрелки часов перевалили за семь... Из открытых на улицу дверей тянуло вечерним декабрьским морозцем, и люди, греясь, подпрыгивали с ноги на ногу...

Радостное возбуждение у Надежды Федоровны начало угасать, подмятое под себя навалившимся тяжелым комом, слепленным из чувства тревоги, неуверенности и страха за несбыточность заветной мечты: «А вдруг их очередь так и не подойдет до закрытия... а вдруг все разберут...» Она оглянулась на Людочку, которую взяла с собой, чтобы та смогла примерить сапожки и сама выбрать по своему вкусу, что она захочет. Лицо у дочки было растерянное и совсем детское. Ну нет, я ее в обиду не дам никому!

— А ну, дочка, — шепнула она ей, — поднажмем!

Надежда Федоровна присела, а затем, распрямляясь, что было сил рванула всем телом и, растолкав четырех человек, значительно продвинулась вперед.

— Ты чего толкаешься?! Силу некуда девать?! — зашумели в толпе.

— А вы чего стоите как стена?!.. Ни туда, ни сюда... ни себе, ни людям! — огрызнулась Надежда Федоровна.

Щеки ее горели, выношенная старая шапка из песцовых хвостов съехала набок. Она азартно улыбнулась и, весело подмигнув Людочке, шепнула ей:

— А ну, доча! Держись за меня! Сейчас я еще разок попробую!

Второй рывок оказался яростней и сильнее, чем первый, и Надежда Федоровна с Людочкой прорвались в первые ряды.

— Куда прешь?!.. Корова!.. Нахалка!.. — слышалось со всех сторон.

Но Надежде Федоровне это было безразлично. Главное, что они с Людочкой были почти у цели, стоя теперь первыми у дверей.

«Чернявый» открыл дверь, выпуская очередную партию улыбающихся, распаренных, как после бани, счастливых с коробками в руках.

— Молодой человек! — сказала высоко от волнения голосом Надежда Федоровна, придерживая дверь ногой. — Уже половина восьмого! Когда же вы клуб запустите?

— Когда надо, тогда и запустим!

— Мы здесь с пяти часов мерзнем! Это издевательство над людьми! Пропускаете кого-то по блату, а мы стоим тут под дверью!.. — неожиданно для самой себя проговорила вдруг Людочка.

— Что?! — прогремел «чернявый». — Да за такие разговорчики я вас вообще не пущу сюда!

— Не кричи на нее, не страшен! — вступилась мать за дочь.

— Вот именно! — не сдавалась Людочка. — И что значит «не пущу»? У нас талон! Вы не имеете права!

— Да?!.. Посмотрим, у кого какие права!!! — он захлопнул дверь.

— Тоже мне начальник нашелся! Не пустит! Да кто он такой?! — возмутилась Надежда Федоровна.

— Он — председатель профсоюзного комитета станции! Он организовал это отоваривание!.. Главный человек здесь! — сказал кто-то из толпы.

Надежда Федоровна сникла.

— Не смей больше рот открывать, — прошипела она дочери, — а то уйдешь домой босая!

В восемь часов наконец «чернявый» открыл дверь и выкрикнул:

— Проходит клуб!

Надежда Федоровна с Людочкой рванули было вперед, но он преградил им вход рукой.

— А вы — не пойдете!

— Как? За что?!

— За разговоры!!!

Надежда Федоровна поняла, что терять ей уже нечего:

— А вы нам рот не затыкайте! У нас гласность и плюрализм!

— Поговорите еще!!!

— А что мы такого сказали? — спросила испуганная Людочка. В ее широко открытых глазах стояли слезы.

«Чернявый» толкнул ее в грудь и захлопнул дверь. Крупные детские слезы закапали из Людочкиных глаз на пальто.

— Не реви! — сказала ей мать. — Сейчас пройдем! Я ему дам «не пущу»!

«Чернявый» открыл дверь, выпуская очередного покупателя.

Надежда Федоровна, воспользовавшись удобным моментом, с силой отпихнула своим мощным телом невысокого худенького профсоюзного лидера в сторону, едва не свалив его с

ног, и ввалилась в зал. Он попытался было схватить ее за пальто и вытолкнуть обратно, но она на весь магазин заорала:

— Не трогай! Убери руки! Я имею такое же право! Я двадцать лет профсоюзные взносы плачу!

Профорг клуба Маргарита Игнатьевна хотела вмешаться, но потом только махнула рукой: «Пусть сами разбираются»!

В зале и без того было полно проблем. Злые, как цепные собаки, молодые красивые продавщицы с ненавистью и презрением смотрели на «диких» покупателей. Они, словно в замедленной съемке, медленно двигались за импровизированными прилавками и, почти не открывая рта, монотонно отвечали всем одно и то же.

— ...мерить сапоги не даем... платите в кассу 95 рублей...

— Ну как же платить? А если не подойдут? Говорят, у них голенище узкое, молния не сходится! — прошамкала беззубая толстая уборщица из клуба.

— Женщина, пробивайте в кассу.

— Да какая я тебе «женщина»?!

— А кто вы? Мужчина?

— Я тебе в бабки гожусь!

— Женщина, отойдите от прилавка.

Ошалелые, разгоряченные люди в расстегнутых зимних пальто с мокрыми лбами под меховыми шапками, наклонясь, стоя на одной ноге, мерили сапоги. Многие из них, сгоряча, не замечали свежеекрашенных масляной краской в фиштактовый цвет стен и, не удерживая равновесия, прислонялись к ним кто задом, кто боком...

Что-то невообразимое творилось у прилавка, где висели на вешалках синтетические кофточки с блестящим вышитым цветком на груди и лежали теплые колготки и косметика — арабские лилово-розовые тени и духи за 150 рублей. Хватали все в страшном количестве.

— А чего ими мазать, фиолетовыми-то?.. Под глазами?.. Ах, над глазами? Так это как фингал получится...

как мазать-то лиловыми, чего-то я не пойму... — допытывала всех дородная пожилая женщина в железнодорожной шинели, сильно обтягивающей ее огромные груди.

— Да чего вы еще спрашиваете! Берите не думайте! Фирма! Такого нет нигде!

— Ну пробейте три лиловых, восемь колготок и духи... как, ничего они?.. Хорошие?.. Ну, тогда — пару! — решила наконец железнодорожница, подавая кассиру четыреста рублей.

В зале стоял гул, было душно, и атмосфера была раскалена до предела...

Надежда Федоровна попыталась было подойти к прилавку, но «чернявый» преградил ей путь:

— Сказал не пуцу, значит — не пуцу!

— Не имеешь права!!! — заорала Надежда Федоровна, подходя, как тесто на дрожжах, злостью.

Прорвавшись в зал, во время отсутствия в дверях «чернявого», Людочка потянула Надежду Федоровну за рукав:

— Мамочка! Пойдем! Ну их! Я уже не хочу эти сапоги!

— Нет! — Надежда Федоровна пыталась убрать с дороги «чернявого». — Я имею такое же социальное право на отоваривание, как и другие граждане СССР! Это — спецотоваривание для станции, а значит, и для меня! Я, может, всю жизнь ждала этого отоваривания! У нас — талон! Пойдем! — Она схватила дочь за руку и рванула вперед.

«Чернявый» понял, что, находясь с этой настырной женщиной в разных весовых категориях, он один с ней не справится, поэтому он призвал на помощь двух рослых мужиков в черных телогрейках и в черных меховых шапках с желтой железнодорожной эмблемой.

Они подхватили Надежду Федоровну с двух сторон под руки и, словно пушинку, почти по воздуху, поволокли ее к выходу...

— А-а-а!!! — От неожиданности громко закричала Надежда Федоровна.

В дверях она растопырила руки и ноги в разные стороны, уперлась ими в косяки двери и, собрав все свои силы и все свое мужество, решила держаться до последнего.

Один из «вышибал» отцеплял ей руки, а другой — с силой огромным кулаком стучал ей по спине, стараясь выбить ее из двери, как выбивают пробку из бутылки, когда нет штопора.

Надежде Федоровне было больно, и она с каждым ударом вскрикивала, словно рожала.

— Ой, мамочка!.. ой, не могу! — однако руки не разжимала.

— Мамочка! Миленькая! Пойдем отсюда! Они убьют тебя! — плакала навзрыд Людочка.

— Нет!!!..ой, мамочка!.. Я имею такое же социальное право, как и все граждане СССР... ой, не могу!..

Возле вскрикивающей Надежды Федоровны и плачущей Людочки столпились любопытные. Некоторые из них пытались заступиться за них.

— За что вы ее так?.. Да на глазах у дочери!.. Вы что, совсем уже озверели?!

К «чернявому» профоргу подошла профорг клуба и, отведя его в сторону, сильно жестикулируя руками, стала что-то ему говорить. Были слышны обрывки его фраз: «Сказал не пуцу, значит, не пуцу!»

«Вышибалы», однако, под напором толпы выпустили из рук Надежду Федоровну, и она, словно включенная на «автопилот», опять полетела в сторону прилавка.

— Девочки! Красавицы! — тяжело дыша обратилась она к продавщицам. — Нам сапожки надо!

— ...Пробивайте в кассу...

Она бегом бросилась к кассе, и быстро, трясущимися руками, поминутно оглядываясь на дверь, опасаясь, чтобы ее опять не вытолкнули из зала, протянула кассиру деньги. Кассир пробила 95 рублей и вручила ей чек.

«Все! У меня чек в руках! Теперь фиг ты мне чего сделаешь! Баран усатый! Уперся! Не пуцу! Не пуцу!»

Она так же, бегом, побежала к прилавку.

— Сапожки, пожалуйста, тридцать шестой размер!

— ...остались только тридцать пятый и тридцать девятый размеры...

— Как 39?...как же так... мы уже и чек пробили... деньги заплатили...

— Мало ли что... время знаете сколько? Половина девятого, торгуем с двух... где я вам возьму тридцать шестой, рожу, что ли...

— Девочки! Красавицы! Ну, может, хоть тридцать седьмой найдете? а? ...ну, может, где случайно завалилась одна парочка?... а?... Нам нельзя отсюда уйти без сапог... доченька у меня в резиновых бегае... Девочки... миленькие... ну поищите, а?.. — Надежда Федоровна утирала рукавом нос и бегущие по щекам из глаз горячие соленые струйки.

— Женщина! Отойдите! Не мешайте работать! Деньги получите в кассе!

...Надежда Федоровна, спавшая с лица, как после тяжелой болезни, бледная и постаревшая лет на десять, пересчитывала деньги, возвращенные ей кассиром.

— Талон отдайте!

Она вздрогнула и оглянулась.

Стоявшая за ее спиной у кассы молодая яркая брюнетка с каким-то списком в руках протягивала к Надежде Федоровне руку.

— Вы не приобрели сапоги?.. Так верните назад талон! Он нам нужен для отчета!

Надежда Федоровна медленно сняла варежку, разжала вспотевший кулак, в котором сжимала талон, тот самый, который еще совсем недавно наполнял ее жизнь радостью и смыслом, а теперь был просто грязно-серой, никому не нужной бумажкой с круглой станционной профсоюзной печатью и с цифрами, написанными чьей-то рукой «18.00» — и протянула его брюнетке.

...В эту ночь Надежда Федоровна долго не могла уснуть. Она ворочалась с боку на бок,

высовывала из-под одеяла ноги, потом прятала их, глубоко вздыхала и тихо плакала.

Василий Тимофеевич, вдруг мгновенно перестав храпеть, как будто кто-то невидимый отключил его храпящий аппарат, проснулся.

— Надь, ты чего это не спишь? — сонно спросил он.

Надежда Федоровна всхлипнула.

— Ну вот... Ты чего это, глупенькая... Ну что ты, моя девочка... — Он просунул свою руку ей под шею и прижал ее голову к своему плечу. Надежда Федоровна тоненько завывала. Василий Тимофеевич гладил ее по спине.

— Не надо, Надюша, не надо. Не убивайся ты так... ну подумаешь — сапоги. Переживем! И не такое переживали... ведь ты у меня сильная!

— Не могу я больше! Не могу я, Вася, больше так жить!

— Можешь, Надя! Ты — все можешь! Ты вон как сегодня тех двух мужиков и усатого профорга в разные стороны пораскидала! Ведь справилась ты с ними?

— Справилась.

— А они с тобой?

— Не справились.

— Ну, вот видишь! А почему? Да потому, что ты русская женщина! Некрасовская! Такая, как ты, Надя, и в горящую избу войдет, и коня на ходу остановит... Это не то что у них там, бабы слюнявые — им все вынь да положи готovenькое... а наша баба, она знаешь какая! О-го-го! Вон я читал где-то, что американцы прозвали наших женщин — «суперженщины». А «супер» — это значит сильная, мощная, которая все преодолеть может! Нет в магазине колбасы — и черт с ней! Нет сапог — ну и обойдемся, не в этом наше счастье! — Он вытер ей пододеяльником нос.

— А в чем оно счастье-то, Вась? В чем? Я уж больше половины жизни прожила, а доведись помереть, так и не знаю, что хорошего перед смертью вспомнить.

— Ну, о чем заговорила! Помереть! Ты вон какая у меня! Молодая, крепкая! Тебя еще на конкурс красавиц выпустить можно!

Надежда Федоровна тихонько рассмеялась.

— Скажешь тоже! А живот?

— А что живот? Живот — это даже очень симпатично! Не то что у их баб... тьфу, смотреть противно — плоскодонки!.. Спи, Надюша. Спи, моя «суперженщина». — Он поцеловал ее в лоб и отвернулся к стене.

...Надежде Федоровне снилось, что она стоит на сцене в длинном блестящем платье, а на шее у нее, вместо бус, — тяжелая связка туалетной бумаги. В зале полно народу. Все кричат ей «супер!», «супер!» и бросают на сцену цветы.

На сцену поднимается председатель жюри Кашпировский.

— Боже мой, Анатолий Михайлович! — вскрикнула Надежда Федоровна и хотела было быстро-быстро замотать головой, но он остановил ее.

— Не надо! Сейчас этого делать не надо!

В руке у него был конверт. Он протягивал его Надежде Федоровне.

— За то, что вы всегда так талантливо выполняли мои установки, помогали мне в моих сеансах, — говорит он, — и уплывали со мной в сказочные, заокеанские страны, я вручаю вам приз — билет на пароход. Плывите!

— А как же клуб? — спросила Надежда Федоровна.

— Не волнуйтесь! Костюмы артистам выдадут без вас и клизмы тоже поставят кому нужно. У нас незаменимых нет! Так что плывите!

Надежда Федоровна испытывала в душе сладкую истому: еще немного, еще чуть-чуть — и она увидит эти прекрасные страны, где в магазинах есть колбаса и сапоги, где продавщицы не прячут под прилавок товар и всем улыбаются, где улицы чистятся.

Ей было очень хорошо, и оттого Надежда Федоровна улыбалась во сне...

1989 г.

Защитники

Ольга разрезала душистый, дымящийся пирог на большие куски и налила кофе.

— Обалдеть! — сказала Светлана, откусывая от большой хрустящей горбушки. — Как ты это делаешь?

— Я тебе уже сто раз говорила. Тесто — готовое, слоеное, начинка — фарш. Вбиваю в него яйцо и сыплю приправу, вегету... Ты мне лучше вот что объясни. Я никак не могу понять одного: что ж они ничего не берут, а просто устраивают погромы в доме?

— Ну почему же не берут? Берут! Если есть что: варенье, компоты, соленья. А если ничего не найдут, выпустят все перья из подушек, перебьют посуду и стекла в окнах, а в довершение всего наложат на столе кучу. Знай наших!

— Но зачем они это делают? Не понимаю!

— Заладила: не понимаю, не понимаю. Непонятливая какая! Зависть это называется. Ты в столице живешь, квартиру имеешь двухкомнатную, где комнаты — как два лифта: грузовой и маленький; машину опять же, купленную родителями еще в расцвет периода застоя, и дачу, которую от бедности будешь десять лет лепить своими руками из чего придется. А в их глазах ты — богатый человек! Квартира, машина, дача! А дача находится на садовом участке «Отдых», в километре от их деревни. А это им не нравится, что ты сюда из Москвы к ним «отдыхать» приезжаешь. Они, кроме своей деревни да очереди за мясом в Москве, отродясь ничего не видели. И их это раздражает. Им плохо, и тебе надо плохо сделать. Чтоб не очень-то жизни радовалась! Я каждую весну с замиранием сердца приезжаю на свой участок. За пять лет мой дом три раза взламывали! А уж стекла каждый год вставляю. Спасибо, что не спалили!

— Боже, какой ужас! Значит, мы напрасно эту развалюху в деревне купили? Не дадут нам местные жизни?

— У вас совсем другое дело. Вы в деревне вроде бы на равных. Только постарайся подружиться с соседями — колбаски из города им привези, пшеница для кур, семян для огорода. А потом ты говоришь, что деревня ваша вымершая. Ну, в том смысле, что молодежи там нет, уехали в город «за песнями». Так кто же твой дом громить будет, твой сосед восьмидесятилетний, что ли?

— Да! — успокаивала себя Ольга. — Я тоже думаю, что у нас это исключено! Тем более что наша деревня находится в окружении воинских частей. Армия — дисциплина! Я видела и солдат, и офицеров в нашей деревне. Воду пили из колодца.

— Ну, вот видишь! Везет же тебе, Ольга! «Непобедимая и легендарная» тебя охраняет! Защитники под боком! — Светлана взглянула на часы — Седьмой час? Ничего себе затрепались! Это называется заскочила на минутку! Я убежала! Спасибо за пирог! Я позвоню, продиктуешь рецепт по телефону! А то я опять забуду!

Ольга закрыла за подругой дверь. Настроение у нее было хорошее. Впереди два выходных, и конечно же они с мужем и с шестилетним Сережкой поедут в деревню.

Сосновка находилась в часе езды от Москвы, во что трудно было поверить, видя ее вековую отсталость. В деревне было две достопримечательности: один-единственный колодец и электричество. Это все. Ни газа, ни магазина, ни дорог, ни подъездов к ней не было. Нет, в сухую погоду, конечно, можно было проехать, а вот если дождик пройдет... Но зато деревню кольцом окружал лес, стояла неправдоподобная, сказочная тишина, и был такой пьянящий воздух, который хотелось пить большими жадными глотками...

Их дом был виден издали. Он возвышался над остальными, как второгодник в классе. На целую голову, вернее, на целый чердак он был выше других домов. Его построил еще до революции староста этого села. И он сам, и все его дети были двухметрового роста и срубили дом по себе. Сейчас он почернел, покосился и требовал серьезного ремонта. Ольгин муж Виктор решил заняться вплотную ремонтом в своей отпуск. Пока он покупал потихоньку инструменты, гвозди, завез машину песка, цемент...

В дом они привезли кое-какие вещички, посуду. Поставили и застелили, на всякий

случай, три одинаковые кровати — сетчатые с деревянными спинками. Ольга купила портативную двухконфорочную плиту и к ней два пузатых газовых баллона. Завезла кое-что из консервов, крупу, сахар, чай, варенье...

Ольга с Виктором и с Сережкой приехали в деревню рано. Утро было погожее и солнечное. Они вылезли из своего старого «Москвича», который Виктор «припарковал» у покосившегося забора, и через сломанную калитку, болтавшуюся на одной ржавой, скрипящей петле, вошли на участок. «Боже, какой рай!» — подумала Ольга, глядя на большой тенистый сад. Ей до сих пор еще не верилось, что все это — и этот огромный сруб, и этот заросший тихий прудик, вырытый старыми хозяевами для полива огорода, и эти заброшенные, давно никем неухоженные кусты и деревья — все это принадлежит теперь им.

Виктор достал ключи и хотел отпереть сени, через которые лежал путь в избу, но ключи ему не понадобились. Металлические петли, на которых висел большой замок, были вырваны вместе с гвоздями. Дверь была едва прикрыта.

— Подождите, не входите, — сказал Виктор жене и сыну, — я посмотрю, что там! — Он вошел в сени и огляделся. Увидев на двери в избу висячий замок, успокоился. — Кажется, все в порядке! — Он хотел было открыть замок, дотронулся до него рукой — замок с перепиленными ушками едва держался в петле.

Виктор вошел в избу и замер: все кровати были раскрыты, и на чистых белых простынях виднелись следы грязи, будто по ним ходили в грязной обуви. На столе стояли открытые консервные банки. На газовой плите чернел, в прошлом белый, а теперь сильно закопченный, эмалированный чайник. В нем было подгоревшее какао. На вешалке, где Виктор оставил свои старые вещи — американские джинсы, джемпер, шерстяную шапочку-петушок и его любимые сапоги-луноходы, так необходимые в деревне, — было пусто.

На полу под кроватью валялись оторванные солдатские погоны и солдатские кирзовые сапоги. На тумбочке возле кровати лежал топор, тот самый, который Виктор купил для ремонта дома...

Виктор услышал сзади себя дыхание и оглянулся. За его спиной стояли притихшие Ольга с Сережкой. Первым нарушил молчание Сережа:

— Пап! А зачем он приготовил топор? Он что, хотел убить нас, если бы мы его здесь застали?

— Нет! Ну что ты, Сережа! — попытался успокоить его Виктор, но Сережа схватил Ольгу за руку и потянул ее:

— Мама! Я не хочу здесь быть! Я домой хочу, в Москву! Ну поехали, мама, поехали!..

Ольга вышла с ним в сад. Через забор ее увидела и помахала рукой соседка Клавдия Васильевна, тоже, как и они, «дачница», в прошлом учительница литературы, теперь — на пенсии, милая, тихая женщина.

— У нас неприятности, — сказала Ольга, — кто-то залез в наш дом!

— Я видела, что у вас свет два вечера подряд горел. А сегодня утром, перед самым вашим приездом, молодой человек вышел из дома, блондинчик, невысокий. Я подумала, может, родственник ваш. На нем была шапочка и сапоги Виктора. И куртка защитного цвета типа солдатской... Но погон не было...

— Погоны он в избе бросил.

— Так, значит, солдат? Опять сбежал, стало быть! О господи! Сколько же беды нам от этих солдат!

— От солдат беда? Какая от них может быть беда?

— Вы, Олечка, человек здесь новый, двух месяцев еще не живете, а я уже седьмой год! Так я такого здесь понаслышалась и понасмотрелась, что не один детектив написать можно было... Вам я советую не оставлять это так, а заявить в милицию.

Сережа тянул Ольгу за рукав и, не переставая, канючил одно и то же: «Мам! Поехали! Домой поехали! Я боюсь солдат! Я хочу в Москву!» Ольге и самой было жутковато здесь находиться. «А для чего, в самом деле, он топор приготовил? — подумала она. — А войди

мы на полчаса раньше в избу...»

Виктор хотя и старался не показывать внешне своего состояния, однако то, что произошло в избе, настолько потрясло его, что все его планы по ремонту дома, тщательно продуманные за рабочую неделю и выписанные им на бумажку, мигом улетучились. Делать ему ничего не хотелось. Руки ни к чему не лежали. «Поехали!» — сказал он жене и сыну.

По дороге они решили все же заехать в милицию, которая находилась неподалеку в полутора-двух километрах от деревни, на территории военного городка, где в пятиэтажках жили семьи военнослужащих. Там им ответили, что Сосновка относится не к их отделению, а к Алехино, которое располагалось в 25 километрах от деревни. Пришлось ехать туда.

В Алехинской милиции, как только услышали про сапоги и про погоны, заняться этим делом отказались: «У них комендатура есть, вот туда и обращайтесь». И дали дельный совет: «Загляните в сапог. Там номерок должен быть. По нему вы найдете и нужную часть, и этого „героя“».

В следующую субботу Виктор с Ольгой, прихватив с собой сапоги и погоны, поехали в комендатуру, которая располагалась на территории военного городка. Дежурный покрутил в руках сапог:

— Да как его найдешь? У нас тут пять частей, и в каждой беглецы. А то, что внутри номерок, это ничего не значит. Они сбегут и меняются потом сапогами. Вот и попробуй ищи ветра в поле... Я вам вот что посоветую: попробуйте с этими сапогами подойти в часть, которая находится недалеко от Сосновки, за полем, в лесу. Строительная. Скорее всего, это оттуда. Она у нас первое место держит по беглецам.

Ольга взяла протянутый сапог.

— А отчего же они бегут? От хорошей жизни не бегают! Я слышала, что их бьют зверски, до полусмерти, что многие даже не выдерживают и кончают жизнь самоубийством! Поэтому они, наверное, и бегут!

Виктор больно сжал ей локоть.

— Спасибо, товарищ капитан! До свидания! — громко сказал он.

...Командир строительной части подполковник Суриков, как сообщил им дежурный солдат на проходной, находился на лечении в госпитале. Его замещал временно майор Родионов. «Соединить вас с майором?..» От майора поступило распоряжение — «пропустить».

Майор Родионов, крупный, розовощекий блондин, встал из-за стола и протянул огромную ручищу. Выслушав Ольгу с Виктором, он удивленно поднял пшеничные, выгоревшие на солнце брови:

— У нас беглецов нет! А впрочем, минутку! — Он снял трубку внутреннего телефона и уже совсем другим, чем он говорил с ними, тоном потребовал. — Политрука Кравченко ко мне, срочно!

Маленький, смуглый майор Кравченко с приятным лицом и детским, чуть виноватым выражением карих глаз появился тут же.

— Четверо в самовольной отлучке! — бойко доложил он. — Одного вчера отловили! Сидит на губе! А троих уже неделю ищут...

Виктор протянул ему сапоги.

— Да, это наши! Будем принимать меры! Вам сообщим!

В течение двух последующих недель никаких известий из строительной части Ольга с Виктором не получали. В Сосновке же случилось еще два неприятных происшествия.

У семидесятивосьмилетней тети Поли, которая после работы в колхозе получала пенсию двадцать восемь рублей и имела в наследство после работы на ферме больные ноги, отчего круглый год носила валенки, кто-то ночью отрубил головы всем ее восьми несущкам. Кур украли, а окровавленные куриные головы бросили ей на крыльцо. Там же на крыльце она нашла случайно оброненную железную солдатскую пуговицу. Единственного же петуха живьем оципали до половины. Тетя Поля, увидев все это утром, кричала не своим голосом. Собралась вся деревня.

Это было воскресное утро, и подъехавшие только что Ольга с Виктором увидели напротив своего дома большую толпу. Ольга подошла к ним. Люди, распаленные чужим несчастьем, вспоминали свои беды. Не было ни одного двора, который бы не пострадал от солдата-дезертира: обчищались сады и огороды, взламывались дома и высаживались окна в поисках ночлега и съестного.

У Шутова позапрошлой зимой, когда он уехал погостить к дочери в Мытищи, солдаты, греясь в его доме, развели прямо на полу костер и сожгли все его любимые журналы «Советский экран», собранные им с 1967 года. Выпили трехлитровую банку вишневой наливки, которую он берег на годовщину смерти жены, закусив солеными огурцами.

Мареева тетя Клава до сих пор с трудом передвигается по дому, катя впереди себя табуретку. Три года назад она возвращалась с большой продуктовой сумкой из магазина и шла от автобуса к деревне давно проложенной тропкой через лес. Уже вступила было на мосток, сложенный деревенскими мужиками через глубокий овраг, как почувствовала вдруг, что кто-то сзади, навалившись на нее, начал ее душить. От неожиданности и испуга она выронила сумку из рук и, потеряв равновесие, свалилась в овраг. Падая, она увидела солдата, схватившего ее сумку и убегающего в лес. «Сынок, за что же ты меня так...» — еле слышно прошептала она. Пронизанная страшной болью в позвоночнике, она пролежала в овраге до вечера не в силах подняться и пошевелиться. Вечером ее обнаружил там троюродный брат Мареев Колька, который шел через овраг в деревню из военного городка, где подрабатывал к пенсии сторожем в магазине. Он сбегал за своим соседом Кузьмой, которому тоже было далеко за семьдесят, и они, соорудив из прутьев самодельные носилки, вдвоем притащили Клаву в деревню...

— А моего малого без сладкого на всю зиму оставили! И так-то с трудом, одна без мужика его тяну... Так эти паразиты через окно влезли... и все что могли сперли: и весь песок, и варенье, и даже карамель! Нашли у кого воровать! Страшно жить стало в нашей деревне! И от леса нас отучили! Кому ж охота там солдатика повстречать? Я теперь, даже когда в городе солдата вижу, на другую сторону перехожу! — Мать-одиночка раскраснелась от волнения.

— Правильно Любаня говорит! — поддержал ее восьмидесятилетний дядя Петя. — Вкус грибов да ягод мы, почитай, лет шесть, если не больше, уже не помним! С тех самых пор, как в березнячке двое солдат Шурку-почтальоншу разложили!.. Да ладно еще б молодуха была, а то ей тогда шестьдесят четвертый шел! Да еще и убогая, горб у нее на спине! Не погребовали!

Ольга не верила своим ушам.

— И вы столько лет терпите такой кошмар? Почему же вы не заявили никуда?!

— А куда заявлять-то и кому? Еще петуха красного пустят... Уж терпели столько лет и еще потерпим. Наш век теперича не длинный...

На тропинке, ведущей в деревню, показалась Клавдия Васильевна. Шла она медленно, и даже издали была видна нездоровая бледность ее лица. Все смолкли и смотрели в ее сторону. Она поравнялась со всеми, тихо поздоровалась и сказала:

— Ну хоть были бы приличные деньги в кошельке, а то — пять рублей и проездной на электричку. Я говорю ему, хоть кошелек оставь, это подарок племянника из туристической, из Болгарии... а он... молчи, говорит, бабка и иди отсюда быстро... чернявый, смуглый и акцент сильный...

Это было последней каплей, которая переполнила чашу терпения людей. Тут же решили, что больше это оставить так нельзя и поручили Ольге, как «молодой» и «городской», пойти к руководству части. Ольга с Виктором опять поехали в строительную часть.

На месте они застали политрука Кравченко. Он сказал, что того, который «побывал» в их доме, они нашли. Это рядовой Федюхин. Он наказан и сидит на губе. Вещи мужа, которые он носил две недели, они с него сняли и могут вернуть. Но какие еще меры к нему принять, они не знают.

— Вещи ваши не новые... Вы, конечно, можете в военную прокуратуру обратиться... Но что с ним сделаешь... Денег на штраф у него нет, он из бедной, многодетной семьи... Убить он никого не убил, а за побег он наказан... Так что решайте сами... Что касается других правонарушений со стороны солдат, то это было давно и этим заниматься сейчас никто не будет.

— А если это завтра опять повторится? — спросила Ольга.

— Ну, если повторится, то мы их накажем.

— Извините, но вы хоть воспитательную работу среди них ведете? Ведь даже в военное время за мародерство судил трибунал, а тут мирное время... старики, дети... Ведь они наши защитники! — вспомнила она вдруг, как говорила ей про солдат ее подруга Светлана.

— Да работу-то мы с ними проводим, только толку-то от этого чуть... Кого в стройбат берут? Бывших заключенных или слабоумных! Что он может понять, если стоит в строю и мочится...

В деревне Ольга рассказала о беседе с политруком. Но жители Сосновки уже не хотели отступать назад. Видно, в этом проявилась истинная черта русского человека: долго раскачивается русский мужик, но уж если решится на что — не свернешь его с пути!

У колодца теперь постоянно толпился народ, и говорили все на одну и ту же тему. Наконец баба Маня, шамкая беззубым ртом, дала директиву:

— Горбачеву надеть написать. Он мужик хороший, народ уважает, пушай разберется!

— Да уж сиди ты, Горбачеву! — возразил ей дядя Петя. — Ты думаешь, ему нечем заниматься, акромья наших яблок и кур! Вон он с Рейганом будет встречаться!

— Рейган Рейганом, — не унималась баба Маня, — а народ народом! Пушай разберется!

Большинство поддержало бабу Маню, и на деревенской сходке решено было дать телеграмму М. С. Горбачеву с просьбой срочно создать комиссию для разбора и устранения всего этого безобразия.

Попросили дать телеграмму Ольгу. Из Москвы, дескать, быстрее до Горбачева дойдет. Телеграмму она дала в среду вечером. Указала, как полагалось, не только свой домашний адрес, но и телефон.

В пятницу она уложила Сережку пораньше.

— Спи, сынок. Завтра рано утром в деревню поедем.

Виктор сидел после программы «Время» в кресле перед телевизором и резко мотал головой то вперед, то назад.

— Да ложись ты! Чего ты мучаешься! Голова оторвется, — сказала вошедшая с кухни Ольга.

— Устал я сегодня чертовски! Но хочу «Взгляд» дожидаться.

— Да какой «Взгляд»! Иди ложись! Его, как «Огонек» на Новый год, после двенадцати пускают!

Виктор послушно пошел в спальню. Стрелки настенных часов двигались к одиннадцати. Ольга дожаривала на завтра котлеты и мыла посуду на кухне. Было тихо, только журчала вода, бежавшая из крана. Вдруг в этой мирной домашней тишине резко зазвонил телефон. Раз, другой, третий...

Прозвеневший резкий звонок был столь неожиданен в этот час, что Ольга вздрогнула. Тревожно забилося сердце. Она не спеша сняла трубку.

— Попросите, пожалуйста, Ильину...

— Я слушаю вас...

Ольга насторожилась, пытаясь распознать знакомые нотки в голосе. Но голос звонившего мужчины был ей незнаком.

— Полковник Мурашов из штаба МВО вас беспокоит.

Ноги у Ольги вдруг обмякли, и она тяжело опустилась на стул.

— Очень приятно, — почему-то вдруг сказала она.

— Нам нужно побеседовать с вами...

— С удовольствием, — опять почему-то сказала Ольга и подумала: «Что я несу! Наверное, я от страха схожу с ума».

— Это надо сделать сегодня же. Мы приехали из Сосновки и находимся внизу... Я вам звоню из автомата у вашего подъезда.

— У нашего подъезда? — она не знала, что говорить дальше. Мысли ее прыгали с одного на другое: «Зачем они приехали к ней ночью? И почему именно к ней? Потому что она телеграмму дала? Но там было пять фамилий кроме ее. Что ей за это будет?..»

— Нет, нет! Извините, но я не могу сейчас вас пригласить. Мои муж и сын уже спят... — ответила наконец Ольга.

— Приглашать нас не надо, — нетерпеливо перебил ее полковник Мурашов. — Пожалуйста, спуститесь вниз!

— Но я уже в халате... Я собиралась лечь спать... Извините, но давайте побеседуем завтра утром, почему такая экстренность, ночью...

— Вы знаете КОМУ вы дали телеграмму? — опять перебил ее полковник.

— ...да...

— Почему же вы тогда спрашиваете «почему»? Спускайтесь, мы вас ждем!.. — в трубке послышались короткие гудки.

Ольга бегом, на цыпочках, словно опасаясь, что ее могут услышать на улице, влетела в темную гостиную и, не зажигая свет, вышла на лоджию. С высоты десятого этажа она увидела военный газик и черную «Волгу».

Эта черная машина, тускло блестящая вороньим крылом в свете одинокого ночного фонаря, недобрый предчувствием ударила ей в сердце. Она мгновенно вспомнила, как папа ей рассказывал, что в тридцать восьмом, когда его арестовывали, у подъезда вот так же стояла черная эмка... Возле машин стояли военные. Их фигуры при свете все того же фонаря показались ей торжественно зловещими: «Все! Это конец!..»

Она вбежала обратно в темную гостиную, села на диван и до боли сжала виски обеими руками: «Какой кошмар! Зачем мне это надо было? Что же делать? Не ходить... не ходить!.. а вообще-то... что я такого сделала, в чем моя вина?.. Боже! До чего же мы запуганные!»

Ольга вошла в спальню. Виктор лежал на спине и храпел. «Спит и море ему по колено! Жена погибает тут, а он храпит...» Она сердито потрясла его за плечо. Виктор, с трудом приходя в себя после глубокого сна, спросил:

— Что, «Взгляд» начался?

— Нет! «Служу Советскому Союзу!» Там, внизу!.. Вставай! Одевайся! Выходи на лоджию и смотри... Их там четверо. В случае чего...

— Прыгать вниз! — попытался неудачно пошутить Виктор и запнулся под испепеляющим взглядом жены. Он пошел на лоджию, взглянул вниз и присвистнул.

— Вечно ты ввяжешься в какую-нибудь историю! Мне пойти с тобой?

— Не надо, стой тут и смотри... — Ольга быстро натянула на себя джинсы и куртку. Дрожащими руками кое-как подмазала ресницы, которые уже смыла, и губы.

В кресле, положив мордочку на подлокотник, мирно спал симпатичный годовалый малый пудель Гоша. «Гоша, гулять!» — позвала его Ольга. Он не поверил своим ушам, сонно и вопросительно посмотрел на Ольгу. В это время гулять? Он обычно гуляет с Виктором перед программой «Время», и сегодня он уже ходил. «Гулять, Гоша!» — повторила Ольга и взяла в руки поводок. Он весело прыгнул с кресла и радостно завил кисточкой хвоста. «Возьму его, на всякий случай, с собой! Собака все-таки!» — решила Ольга.

Ольга вышла из подъезда. Перед ней стояли трое полковников. На погонах у четвертого была большая золотая звезда. Его светло-серая шинель, подбитая снизу красным сукном, была не застегнута. У Ольги опять заныло сердце: если ночью у ее подъезда генерал — то все не так просто.

Даже в темноте можно было разглядеть, что он был очень красив: худощав, высокого роста, белые, как лунь, седые волосы и молодое, смуглое лицо. На нем были модные

дымчатые очки. Она никогда не видела такого красивого военного. Ольга на минуту представила себе, что это никакой не генерал, а киноактер, одетый в генеральскую форму. Что все, что здесь сейчас происходит, — это понарошку, что снимается кино. От этой нелепой мысли она немного успокоилась. Генерал первым протянул ей руку — она была сухая и теплая.

— Ольга Васильевна, — мягким, негромким баритоном заговорил он, — извините, что так поздно, но нам нужно до утра уточнить кое-какие детали. В частности, вы изложили в телеграмме факты мародерства и насилия... Откуда вы располагаете такими данными?

В горле у Ольги стало так сухо, что она с трудом выговорила:

— Ну, вот у нас в доме, например...

— О том, что было у вас, — мы в курсе. Нас интересует источник других фактов, о которых вы писали. Вы были их очевидцем?

— Нет! Об этом мне рассказывали соседи.

— Ольга Васильевна! Вы же взрослый человек! «Рассказывали соседи!» А если соседи откажутся от своих слов и сведения не подтвердятся? Что тогда?! Клевета на Советскую Армию, да еще в самую высшую инстанцию?! Вы отдаете себе отчет, чем это чревато для вас?!.

Ольга не могла больше произнести ни слова... Она думала: «Неужели могут отказаться...» Генерал что-то говорил, но Ольга не слышала и думала о своем. Она услышала только последнюю фразу полковника, который все время что-то писал в блокноте:

— Пожалуйста, еще раз назовите фамилии тех, кто вам рассказывал все это... Спасибо. Завтра в Сосновке в 9 утра!

...Всю ночь Ольга не сомкнула глаз. Она измучилась и не знала, какую ей принять позу. Под утро уши ее болели от тяжело давившей на них головы, руки и ноги казались ей стопудовыми, мешали ей, и она не знала, куда их деть. Простыня под ней была как жгут. Несколько раз она вставала и пила воду. Скорее бы утро, скорей!

В девять утра в Сосновке собралось столько народу, сколько она не видела за всю свою историю. Вытянувшись в одну цепочку, стояло восемь «газиков» и четыре черные «Волги».

После бессонной ночи Ольга чувствовала себя очень слабо. Нервы были на пределе. Казалось, скажи ей кто-нибудь сейчас что-нибудь обидное, и она разрыдается в голос. Над собравшимися висел густой, как молочный кисель, гул. Жители Сосновки переговаривались между собой, военные — между собой. Все словно бы ожидали ее прихода, будто бы она — главный виновник случившегося. Ольга подошла к ним на чужих, негнущихся ногах.

От военных отделился полковник и стремительно подошел к ней.

— Вы почему указали в телеграмме номер моей части?

— Я не указывала никаких номеров... Я просила проверить все близлежащие части, потому что...

— Но при чем тут мой гарнизон? Благодаря вашей телеграмме меня отстранили от руководства!

— Я очень сожалею, я не хотела этого.

— Сожалеете... Появились тут, понимаете ли... жили люди без вас тихо, мирно...

— Тихо, мирно?!

Полковник махнул рукой и отошел в сторону, показав тем самым, что разговор с ней закончен.

Молодой капитан, представитель военной прокуратуры, держал наготове блокнот и ручку. Ольга напряженно ждала, когда начнут давать показания соседи. От их правдивости зависела сейчас ее судьба. Военный следователь задал первый вопрос.

Вверх поднялись руки, люди громко выкрикивали свои фамилии: десять... восемнадцать... двадцать шесть... Из тридцати домов двадцать шесть! Это те, у которых обчищали сады и огороды, подкапывали на усадьбе ранний картофель, воровали кур... Далее подробно переписали всех, у кого были взломаны дома, а также то, что пропало из дома...

На раскладушке, на которой было расстелено старое стеганое одеяло, лежала тетя

Клава.

— Сесть можете? — спросил ее следователь.

— Сесть с поддержкой могу, а ходить, сынок, совсем не могу... позвоночник у меня болит. Зашибла, когда в овраг летела. Врачи вылечить не могут... — она заплакала.

— Расскажите, как было дело...

Вперед рвалась тетя Поля. Ее рана была свежее всех...

— Меня эти куры кормили! Что я могу купить на свою пенсию? Двадцать восемь рублей мне колхоз положил! А я полвека на ферме в резиновых сапогах в вонючей жиже простояла! Куры эти кормилицы мои были! Я пару яичек всмятку выпью с утра — и полдня сытая хожу. — Она оскалила рот, показывая редкие, как старый гнилой забор, зубы. — А теперь мне что, с голоду сдохнуть?!

Молоденький капитан добросовестно записывал показания. Следователь покашлял в кулак.

— Гм... я извиняюсь... а тут присутствует гражданочка, которую... гм... которая пострадала, так сказать, от солдат, в смысле насилия?

Жители Сосновки зашумели: «Тут она! Тут!.. Иди! Иди, Шурка! Расскажи им!» — они вытолкнули вперед маленькую, высохшую, горбатенькую старую женщину с застенчивой, доброй улыбкой. Капитан держал наготове раскрытый блокнот и ручку. Тетя Шура оглянулась на своих, словно бы ища поддержки, и тихо заговорила.

— Было это вскоре как Митяй Родин помер... в восемьдесят третьем...

— Громче говори! Не слышать тебя! Не робей, Шурена! — раздавалось со всех сторон.

— В восемьдесят третьем, говорю, это было! Помню хорошо, что в июле... Мы тогда Митяю девять дней всей деревней отметили, — голос ее звучал громко и бесстрастно. В который раз уже она пересказывала эту жуткую историю, не испытывая при этом ни стыда, ни боли от пережитого. Будто бы и не собиралась она вовсе наложить на себя тогда руки, будто случилось это все не с ней, а с кем-то другим. Так хорошо время заврачевало ее рану. — В то утро в деревне словно бы вымерло все... мужики спали с похмелья, а баб тоже не видать было... я в шестом часу за колосовиками в наш березнячок пошла. Мы туда отродясь за белыми бегали... и бабы, и дети... Только я вошла в лес, а они, грибочки, ну прямо с краюшку, на самой опушке, стоят и мне улыбаются. Срезала я три подряд, за четвертым потянулась, а они тут как тут... И где они только прятались, в кустах, что ли?.. Их и не видно-то вовсе, гимнастерки — аккурат под цвет листвы... как выскочат, ровно меня дожидались. С ног меня сбили. Испугалась я до смерти! Кричу им: «Побойтесь Бога, сыночки! Что это вы такое задумали!..» Куда там! Тот, что рыжеватенький, с канашками, руки мне за голову завел и своими коленками в них уперся, а другой, чернявый, стал с меня портки стягивать... Я заблажила на весь лес...

— Достаточно! Все ясно! — остановил ее полковник. — Дальше не надо...

Были переписаны все пострадавшие, и каждому была назначена «компенсация». Начиная с понедельника всем без исключения должны были завезти по несколько кубов дров. У кого выбиты стекла — вставить. Заборы — отремонтировать. Самых бедных и старых обеспечить тушенкой и сгущенным молоком. Но основной подарок для деревни был впереди.

Полковник из политотдела штаба МВО торжественно объявил:

— Товарищи жители Сосновки! В порядке компенсации за причиненный вам ущерб решено построить в Сосновке асфальтовую дорогу!

— Чего, чего? — не поняли старики.

Полковник, как бы поливая медом и без того сладкий, паточный пирог, с улыбкой пояснил:

— Не будете вы больше, дорогие товарищи, ходить тропкой через лес. Правда, дорога проляжет немного в обход... Но зато пройдет на открытом месте, через поле, на глазах у всей деревни...

Конец его фразы утонул во внезапном хохоте восьмидесятилетнего дяди Пети. Он

зашелся визгливым, тоненьким голоском, хватаясь за живот, то и дело наклоняясь вперед и стуча себя по тощим ляжкам. Утирая слезы на маленьком, сморщенном, коричневом, как печеное яблочко, лице, он, не в силах вымолвить ни слова, время от времени показывал рукой в сторону тети Шуры.

— ...и-хи-хи-и ...ой, не могу ...ой, Шурка ...ой, е-мое ...кабы не ты ...ой, сейчас лопну ...кабы тебя не ...ой, и-хи-хи-и...

Все смотрели на него молча, не понимая причины его столь бурного и неожиданного веселья, однако остановить его никто не решился.

Он отсмеялся, вытер рукавом телогрейки глаза, и лицо его вдруг сделалось настолько серьезным, что было непонятно, отчего теперь из его глаз бегут слезы. Он подошел к тете Шуре, порывисто и неуклюже обнял ее, потом отстранил от себя, и, глядя на нее покрасневшими от слез глазами, громко и торжественно сказал:

— Спасибо тебе, Шурка! От всей нашей деревни спасибо! Кабы не случилось этого с тобой, не видать бы нам асфальту никогда в жизни! Жаль, померли многие, не дожили до этого светлого дня! Спасибо тебе! — Он поклонился ей. — Ты прости нас, Шурка, что такой позор пришлось тебе в жизни пережить! Прости нас! — Он еще раз низко поклонился ей до самой земли.

Сердито зарычали моторами автомобили, увозя прочь из Сосновки военачальников. А деревенские никак не могли разойтись по домам. Они долго еще стояли у колодца, ошарашенные свалившимся на них нежданно-негаданно счастьем, так и не веря до конца в то, что такое могло случиться...

1989–1990 гг.

Законный отпуск

Я пребывала в том блаженном и беспечном состоянии, которого страстно ожидала целый год. Наступил мой законный отпуск, и я была счастлива оттого, что впереди у меня был почти целый месяц, прекрасный летний месяц июль. Я впервые собиралась провести его в кругу своей семьи на собственной даче, в собственном саду.

Дача — это наше приобретение — скрасила нашу неинтересную, однообразную, серую и беспроблемную жизнь, наполнив ее хоть каким-то смыслом и маленькой человеческой радостью. В нашей жизни появилась отдушина. Мы — это моя мама, мой муж и мой сын — даже стали испытывать чувство гордости и еще чего-то неведомого нам раньше, типа чувства превосходства над другими, от сознания того, что мы теперь — «домовладельцы». Мы никак не могли поверить до конца в то, что этот дом и этот сад теперь — «наши». Что можно целый день бродить по саду и, ни у кого не спрашивая, рвать, сколько захочешь, все, что здесь видишь: и мелкий, волосатый крыжовник с колючего куста, и красивую, крупную, но почему-то абсолютно безвкусную малину, и вишню, которая, как ни странно, родилась здесь, под Москвой, в большом количестве.

...Третий день подряд, без отдыха, с утра до вечера, мы с мамой собирали в саду вишню. Мы ссыпали ее в банки, в тазы, в бутылки, по многу часов выковыривали шпильками из нее косточки, варили варенье, прокручивали с песком через мясорубку, консервировали компоты и соки, лепили на ужин вареники. Мы буквально падали с ног. Эта красная, глянцевая ягода уже снилась нам по ночам и, при нынешнем дефиците сахара, доставляла нам немало волнений и тревог. Мы уже начинали ненавидеть ее, но тем не менее собирали и собирали ее, стараясь как можно быстрее и больше набрать.

Мы торопились, потому что у нас появились серьезные конкуренты — настырные и ненасытные дрозды. Они прилетали из леса с рассветом, по-хозяйски располагались в саду и до самого заката сидели на деревьях, набивая свои внушительные зобы сочной кисло-сладкой ягодой.

Наше утро начиналось с того, что мы пытались согнать их с вишен. Что мы только ни делали: и прыгали под деревьями, размахивая руками, и кричали по-совиному «у-у-у», и

стучали, наводя панику на соседских собак, в придуманный мамой «агрегат для отпугивания дроздов» — алюминиевый таз с деревянной скалкой — ничего не помогало! Лишь некоторые из них, лениво взмахнув крыльями, перелетали с ветки на ветку.

Стоя на последней ступеньке шатающейся стремянки с привязанной кастрюлей на шее, — своеобразным приспособлением для сбора вишен, освобождающим руки, я, отпустив ветку, с которой рвала ягоды и за которую одновременно держалась, громко похлопала в ладоши. Серый большой дрозд, очень красивый, с пестрой выпуклой грудкой и с яркими выразительными глазами, покосился в мою сторону, и в его насмешливом взгляде я прочла: «Ну чего прицепилась? Тебе что, вишен мало, что ты меня гонишь? Отстань! Дай спокойно поесть!»

— Не улетел? — спросила мама, которая страховала меня снизу, поддерживая стремянку.

— И не думает! — ответила я.

— Вот нахал! Ну ничего эти дрозды не боятся! — Она громко прокричала «кыш!».

— Да ладно, пускай... — я не договорила, оглушенная вдруг сильным взрывом, так неожиданно прозвучавшим в этой утренней деревенской тишине. Почти одновременно с этим я ощутила мощный толчок. Это, как оказалось, мама выпустила от испуга из рук стремянку, еще и качнула ее при этом. Я потеряла равновесие и, увлекая за собой большой старый сук, в который судорожно вцепилась при падении, с треском полетела вниз.

Мы с мамой не сразу поняли, что произошло. Было ясно одно: прозвучал взрыв, и раздался он со стороны дома. «Террористы!» — первое, что мелькнуло у меня в голове в связи с беспокойной обстановкой в стране.

Первым к дому рванул мой восьмилетний сын, который вылетел откуда-то из-под забора. Размахивая над головой палкой, он с диким восторгом кричал: «Ура! Война!» С противоположной стороны сада к дому бежал муж с молотком в руках, которым он только что забивал гвозди в создаваемый им новый туалет. Мы с мамой прибежали последними.

Дом был окутан ореолом дыма. Он лез отовсюду: из окон, из подполья, изо всех щелей этого старого, ветхого сооружения.

«Дым» постепенно рассеивался и оседал вокруг серой, сухой землей. Войдя в дом, вернее вступив на его порог, потому что в дом войти уже было нельзя, мы наконец поняли, что произошло.

«Прыг-скок, прыг-скок, обвалился потолок!» — поется в одной веселой детской песенке, а в нашем доме обвалился пол.

Картина была страшная, как говорится, не для слабонервных. Вся наша нехитрая дачная мебель, искореженная и перевернутая «вверх ногами», виделась из подполья. Жутковато торчали поломанные половые доски. Все в доме было покрыто толстым слоем земли, которая, поднявшись из подполья при падении тяжелых бревен-лаг, половых досок, шкафа, стола, холодильника, кроватей и прочей домашней утвари, — осела теперь основательным слоем на стенах и там, где еще осталось что-то от пола, создав картину экологической катастрофы, нечто напоминающее Помпею в миниатюре.

— Катастрофа... — тихо сказала мама, вложив в это слово столько чувства, что по спине у меня пробежало что-то колючее и холодное.

Муж, осторожно и грациозно, словно артист балета, ступая на полупальцах на остатки половых досок, подошел к зиявшей дыре и заглянул вниз.

— Ну что там?! — нетерпеливо крикнула я, не рискуя, однако, сдвинуться с места.

— Лаги рухнули... прямо как труха рассыпались... да и половые доски тоже все прогнили, — со свойственным ему спокойствием ответил он.

— Что значит рассыпались?! Ты же сказал, что дом простоит без ремонта еще несколько лет!!! Что можно пожить в нем так, как он есть, ничего в нем не делая!!! — обрушилась я на него.

— Ну чего ты расшумелась? Я что ли виноват в том, что случилось? — он носком спихнул обломок доски, который с треском полетел вниз.

— А кто, может быть, я?! Ты же смотрел дом! Для чего было это гнилье покупать?! — не унималась я.

— А ты за пять тысяч хотела приобрести трехэтажный дворец с кондейшеном, с бассейном, с бильярдной и с прислугой, как у члена ЦК? — спросил муж.

— Боже милостивый! Сохрани и помилуй! Отче наш, ижи еси на небесах...

Я оглянулась. За нами стоял наш сосед, восьмидесятилетний дядя Митя.

— Не ругайтесь! Не гневите Бога! — сказал он. — Поставьте в церкви свечку за то, что живы остались, за то, что находились в это время все в саду и что Господь сохранил вас! — он перекрестился.

Во дворе послышались голоса. Это другие соседи пришли посочувствовать нашей беде и дать какой-нибудь добрый совет. Это — истинная черта русского крестьянина: откликнуться на чужое горе своего соседа и без зова прийти ему на помощь.

Дядя Митя с крестьянской простотой бесцеремонно отстранил меня — маленький, щупленький, в больших черных валенках, в которых из-за больных ног ходил круглый год, — и, по-хозяйски пройдя в избу, сказал:

— Отжил дом свое. Заваленка прогнила. Таперича дом на кирпичный фундамент ставить надуть. На фундамент любой кирпич пойдет: и битый, и щербатый.

— Ты чего там буровишь? — соседка тетя Настя, такая же маленькая и старенькая, в таких же больших черных валенках, поставила все на свое место. — Вот мужики, до старости как котята слепые! Ну ни хрена не соображают! Какой такой «щербатый»? Ты чего «городских» с толку сбиваешь? Ты, прежде чем языком трепать, zenки-то свои открой, да на печь посмотри! Она ведь, сердечная, пополам разошлась. У ей, видать, фундамент «повело», а это уж никак не исправишь. Ее разбирать надо и заново класть. А на это дело новый, цельный кирпич нужён и не меньше чем две тыщи штук.

Только теперь все увидели широкую трещину в печи.

— Две тысячи... — повторила я машинально за тетей Настей.

Муж с видом бодрячка, даже, как мне показалось, излишне весело, вероятно на нервной почве, сказал:

— Ну что ж! Раз надо, так надо! Будем доставать!

— Да?!? Доставать?!? А где все это доставать?!? — прокричала я в полном отчаянии оттого, что вместе с этим проклятым полом рухнули мои мечты на тихий безмятежный отдых в деревне, и теперь некто другой, как я, поскольку нахожусь в отпуске, должен заниматься «доставанием» всего необходимого.

Муж растерянно развел руками и оглянулся на соседей. Они стали давать советы: «Доски и цемент — в магазине „Стройматериалы“... «За гравием и песком на карьер надо ехать...» «Кирпич можно достать на кирпичном заводе, это недалеко, в Софрино...» Я слушала их, словно бы во сне, и думала: «Ну почему я такая невезучая?! Почему, если я стою за чем-нибудь в очереди, именно на мне все заканчивается?! Почему, если я первый раз в жизни захотела отдохнуть по-человечески, должен был обвалиться в доме пол?! Почему моя жизнь, данная мне однажды, такая трудная и полна нескончаемых проблем?! За что, Господи?!»

...Вторые сутки я сидела на телефоне и покрасневшим, распухшим пальцем крутила диск. Бесплезно!!! Телефон всех магазинов стройматериалов был либо непробиваемо занят, либо там никто не снимал трубку. Один раз, правда, мне повезло, кто-то снял трубку, но на заданный мною вопрос вместо членораздельной человеческой речи я услышала в трубке: «Гав-гав-гав», и тут же трубку бросили — «ту-ту-ту...»

«Нет, это — потерянное время, по телефону ничего не добьешься, — решила я, — надо ехать!» Но легко сказать «Ехать!» Все магазины стройматериалов располагались, как правило, далеко за городом, куда добраться можно только электричкой. А как работает наша железная дорога, увы, мы знаем, поэтому дай бог мне за день успеть съездить хотя бы в один магазин...

За неделю поездок по этим проклятым магазинам я измоталась, издергалась, но так

ничего и не смогла добиться: путь к магазинам был далек и утомителен, магазины — грязны и абсолютно пусты, а продавцы, в своей наглой самоуверенности данной им власти над нами, несчастными покупателями, — предельно грубы и, кроме все того же «гав-гав-гав...», я ничего ни от кого не услышала.

Я решила взять себе «отпуск» и, передохнув дома один денек и собравшись с духом, «пошла по второму кругу». Начать я решила с магазина, что находится в Пушкино, это ближе всего от меня, в часе езды на поезде. Приехала я туда к открытию, к восьми утра, оставив дома спящего больного сына, который ко всем моим проблемам ухитрился подкинуть мне еще одну, схватив где-то ангину с высокой температурой, и я очень волновалась, оставляя его дома одного, и хотела как можно быстрее вернуться домой.

До открытия магазина оставалось несколько минут. Перед закрытой дверью волновался народ. Из разговора между собой двух мужчин я поняла, что в магазин «что-то» завезли. Как я тут же сумела выяснить у одного из них, это «что-то» была половая доска. Боже мой, да не ослышалась ли я?! Неужели и мне наконец-то привалило счастье!

— Какая удача! — не в силах сдержаться, поделилась я своей радостью с тем, от кого услышала это приятное сообщение, судя по всему пенсионером. — А я, знаете ли, два дня на телефоне просидела, а потом неделю по всему Подмоскovie ездила и нигде не могла найти эту чертову половую доску, ни в одном магазине!

— Это вам здорово повезло! Я ее с прошлого лета ищу. А тут мне на ушко шепнули, что в этом месяце должны ее в Пушкино завезти. Так я весь месяц здесь отдежурил. Все обещали со дня на день, а привезли только позавчера, но не продавали, потому что накладных еще не было, цену точно не знали. А сегодня вроде бы должны продавать, — ответил он.

— А на чем ее отсюда вывозить? — поинтересовалась я.

— А вы, что же, до сих пор очередь на грузовое такси не заняли?

— Нет, я не знаю, где это.

— Да вон, трансгентство, — он махнул рукой в сторону маленькой дощатой будки и, взглянув на часы, добавил, — две минуты осталось до открытия магазина, вы еще успеете. Бегите, занимайте очередь!

Я рванула со всех ног и, заняв очередь на машину, где оказалась всего девятой, прилетела обратно и в первых рядах прорвалась на открытую территорию магазина — большой, грязный двор, — где штабелями была уложена половая доска. Двор моментально заполнился покупателями, которые сновали по двору с озабоченными, сердитыми лицами. Я металась от одного человека к другому в надежде найти продавца или какого-либо другого работника магазина, чтобы выяснить «как?» покупается и оформляется эта доска. Но спросить было не у кого. Все покупатели, так же как и я, шныряли по двору в поисках продавца, словно рыбки в аквариуме в поисках пищи. Наконец я столкнулась все с тем же пенсионером, который вывел меня из тупиковой ситуации, указав рукой на стоящую вдалеке женщину:

— Во-о-он она стоит, в коричневой шапочке, Зиночка ее звать... очень симпатичная девушка, — с видом завсегдатая пояснил он.

Я подошла к ней. Она стояла ко мне спиной, держа руки в карманах черной спецовки.

— Здравствуйте, Зиночка! — обратилась я к ней по имени в надежде, что это поможет мне хоть чуточку расположить ее к себе и избежать грубости, к которой я так и не привыкла за свою жизнь и всякий раз тяжело страдала от нее.

Зиночка повернула в мою сторону свое надменное, оформленное макияжем на уровне мирового стандарта, лицо и взглянула на меня свысока, с видом королевы, с той только разницей, что вместо короны ее голову венчала темно-коричневая норковая ушанка. Окинув меня с ног до головы презрительно-ленивым взглядом и сверкнув, в лучах утреннего солнца, «ромашками» в ушах — сапфирами, окруженными крупными бриллиантами, — она, оценив мой затрапезный вид, почти не открывая рта, сквозь зубы процедила:

— Вначале подгоняйте машину и грузите... я замерю доски... потом заплатите.

— Что грузить? — не поняла я.

— Женщина, вы что, издеваетесь надо мной или вам делать нечего? — она посмотрела на меня как на заклятого своего врага. — Что вам надо, то и грузите!

— Мне нужна трехметровая половая доска... только я не могу понять, как я смогу погрузить ее в машину, — пролепетала я.

— А что, «Я» вам ее буду грузить?! Это ваши проблемы. Грузчиков у нас нет.

— Да как же так, в магазине, где такие тяжести, и вдруг нет грузчиков? — я говорила уже как в сумасшедшем доме — сама с собой. Зиночка, вместо ответа очень красноречиво взглянув на меня, отошла в сторону.

Я, сообразив, что во всей этой истории самое главное иметь грузовик, — опрометью бросилась туда, где заняла очередь на машину. Мне явно везло. Очередь продвинулась, и я стала уже шестой. Несколько минут я в предвкушении, что вот-вот подойдет моя очередь, прогарцевала на месте, как цирковая лошадь перед выходом на манеж. Однако те пятеро, что стояли передо мною, были неподвижны и сосредоточенно серьезны, как на панихиде. Они молча, все как один, смотрели на трансagenta, толстую, расплывшуюся на своем стуле, как квашня, немолодую женщину с грязными, сальными волосами, которая, подперев мощным кулаком мощную щеку, отрешенно смотрела в окно. Над очередью висела гробовая тишина.

— Извините, — нарушила я это коллективное молчание. — Нельзя ли побыстрее? Мне срочно нужна машина доски вывезти!

Все оглянулись в мою сторону. Трансагент повернула ко мне свое лоснящееся, потное лицо и, ничего не сказав, отвернула его обратно к окну. Пятеро стоящих передо мною граждан посмотрели на меня почему-то как на душевнобольную. В глазах одной старушки я даже уловила сострадание. Высокий молодой человек с яйцевидной головой, почти лишенной растительности, обиделся на меня не на шутку:

— Да что вы говорите?! Вам машину надо?! А мне, значит, не надо?! Я что, дурак, что ли, или мне делать нечего, что я с семи утра здесь стою?!

— Так что же вы стоите? — не поняла я. — Выписывайте машину!

— Послушайте, вы... — он хотел еще что-то сказать в мой адрес, но сдержался. — У нас и так нервы у всех на пределе, а тут вы еще... Где они, эти машины?! С утра было всего три, так их взяли! Теперь надо ждать, пока они погрузятся, затем отвезут груз и вернуться обратно. Может, до обеда успеем мы, первые трое. А вы не мыльтесь! Раньше двух часов машину не получите!

— Ну, так бы и сказали, теперь понятно... спасибо... — пробормотала я и посмотрела на часы. Было четверть десятого. До того как должна получить машину, оставалось более четырех часов. «А что, если к тому времени доска закончится? — подумала я и похолодела. — Надо бы договориться с кем-нибудь и отложить эту доску, пока она есть». Я побежала обратно на открытую территорию магазина. Там бойко шла погрузка. То и дело подъезжали какие-то грузовые машины, и какие-то «добры молодцы» закидывали доски в машины. Улучив момент, я подошла к одному из них.

— Извините, молодой человек. А вы бы не смогли и мне тоже помочь, когда освободитесь?

— Сейчас закончим и вам перекидаем! — смахнув со лба пот, ответил он. — Тариф знаете?

— Бутылка? — уточнила я, назвав существующий в стране стандарт за услуги.

— Бутылка — это здорово. От бутылки мы никогда не откажемся! А вообще-то мы берем 15 рублей за куб.

— Так много?! — невольно вырвалось у меня.

— А кому много, тот сам пусть корячится, геморрой себе зарабатывает!

— Да нет, это я так просто сказала. Я согласна! — испугалась я, что он обидится и не захочет со мной иметь дело. — Мне нужно до двух часов отложить два куба половой доски. Машину раньше двух я не получу и боюсь, что доска к тому времени кончится.

— Ну что же, все в наших руках, — ответил он. — Только арифметика такая

получится: поскольку работа, двойная, — вначале из общей кучи отложить, а потом в машину грузить, — то и тариф, стало быть, двойной, это во-первых. А во-вторых, на это дело надо разрешение спросить у начальства. — Он показал рукой в сторону высокого красивого мужчины средних лет в белоснежной сорочке, с галстуком в модную сине-красную полоску, надетым под черную спецовку, в дорогих светло-серых брюках, в изящных полуботинках, в больших роговых очках и... в темно-коричневой норковой ушанке. — Это старший продавец, главный человек здесь!

— Интересный! — оценила я. — На артиста похож или на профессора... Только вот странно, почему все продавцы здесь в норковых шапках летом?

— А чего ж здесь странного? Это униформа у них такая! Вместо касок, которые им по технике безопасности положены, чтобы мягче было, если доска нечаянно на голову опустится. Ну, идите, узнавайте, в случае чего — мы здесь!

Я направилась к старшему продавцу, ужасно сожалея в глубине души о том, что на мне — потертые джинсы, старая выношенная куртка и выдавшие виды кроссовки. Я чувствовала себя Золушкой. От него на расстоянии тянуло дорогим, недоступным для простого смертного французским одеколоном. Вблизи он показался мне еще красивее и интеллигентнее.

— Добрый день! — почти пропела я ему, вложив в эти два слова всю свою женственность, обаяние и все самые красивые нотки своего приятного тембра, и, стараясь изо всех сил выглядеть хоть чуточку такой же привлекательной, как он, — прикрыла своей большой хозяйственной сумкой потертости на джинсах, что выше колен.

«Интеллигентный» красавец через плечо оглядел меня с головы до ног и, решив, что я не стою того, чтобы он устаивал меня ответом, отвернулся. Затем он громко потянул из носоглотки и выплюнул себе под ноги серовато-зеленоватый клубочек. Меня замутило, стало почему-то очень неловко то ли за него, то ли за себя и захотелось убежать прочь, но выхода другого у меня не было, и я заговорила с ним снова.

— Я бы хотела обратиться к вам с просьбой разрешить мне отложить на пару часов половую доску. Машина будет только в два часа... А пока мне нужно съездить в Москву. Сынок мой заболел, температура высокая... мне нужно лекарство ему дать и покормить... а к двум я приеду обратно, — поделилась я с ним своими заботами в надежде вызвать у него сочувствие.

— Нельзя! — коротко отрубил он.

— Мне сказали, что вы можете это разрешить. Я вас очень прошу!

— Просите!.. За просто так даже прыщ на заднице и то не вскакивает.

Я не поняла его «тонкого» намека и молча смотрела на него. Затем сделала еще одну слабую попытку:

— Мне сказали, что вы можете...

— Мало ли что я могу! — перебил он меня. — Да если я каждому встречному буду просто так разрешать, так я завтра без штанов останусь. На сто рэ в месяц не проживешь, ясно? Словом, нельзя, не разрешаю я вам ничего откладывать, — и, зло ослабившись, сверкнув целым рядом золотых коронок, по слогам добавил. Не-раз-ре-шаю! По-нят-но? — Повернувшись ко мне спиной, он зашагал к белой «Волге», на большой скорости въехавшей во двор.

Мне захотелось зареветь, бросить все это к черту и уехать в Москву, но, вспомнив слова пенсионера о том, как редко бывает в продаже эта доска, я решила не сдаваться и довести дело до конца.

Я помчалась в очередь на грузовое такси и, предупредив там, что мне срочно нужно на пару часов отлучиться, но что я вернусь, — укатила в Москву. «Рискну! — думала я, сидя в электричке. — Может, и не распродадут эту доску. Главное — получить машину!» По мере того как поезд приближался к Москве, я все меньше и меньше думала о доске и о двух «милых» продавцах, и мысли мои целиком переключились на больного сына. Как он там один? Что делает? Догадался ли что-нибудь поесть и измерить с утра температуру?

Сын сидел раздетый в трусах и майке в кресле перед телевизором. На журнальном столике перед ним красовалась целая гора разноцветных фантиков от конфет.

— Саша?!

— Мамочка, не ругайся! Это я лечился! От ангины здорово помогает!

— Ты же уже взрослый мальчик, неужели ты не понимаешь, что это вредно? — начала было я «урок воспитания».

— А почему вредно, если вкусно? — перебил он меня.

— О Господи! Мне сейчас некогда объяснять тебе это! Потом! — закончила я эту тему, взглянув на часы. Вот так всегда: все бегом, всю жизнь куда-то торопимся, бежим и все на одном месте. Дурацкое состояние, когда внутри все дрожит оттого, что ты рвешься на части, мысленно побывав уже в десяти местах и решил все проблемы, а на самом деле ты не в силах объять необъятное. Бесконечные проблемы не исчезают, а наоборот — появляются все новые и новые, и ты не можешь вырваться из этого омута, из этого проклятого замкнутого круга. Вот и получается пожизненный бег на месте. Как во сне, иногда снится, что ты бежишь, бежишь... а ты ни с места. Оттого мы все раздражены, неприветливы, оттого дрожат наши руки и болят наши сердца. Господи! Да за что же ты нас так наказываешь?! Облегчишь ли ты когда-нибудь нашу жизнь?!

— Некогда мне, некогда!!! Ты понимаешь? — начинала заводиться я. — Бульон куриный будешь... нет? А котлеты... тоже нет? Не хочешь — не надо! Уговаривать тебя не буду! Сиди голодный! Если ты не понимаешь, что тебе надо поесть и принять лекарство — не надо! Болей!!! Мне некогда с тобой возиться! Я не могу разорваться на части, за меня никто ничего не сделает! А ты еще вредничаешь и усложняешь мою жизнь! Тебе ремня надо было бы врезать как следует! Понятно?! Ну ничего, я вернусь, и мы с тобой разберемся! Все! Я убежала!!!

Я захлопнула дверь и услышала, как сын громко заревел. Мне стало безумно жаль его и стыдно за себя. Нашла на ком срывать свое зло! Если мне с утра намотали нервы, если я не выспалась, голодная, уставшая и раздраженная, то при чем тут мой сын? Эх, нервы, нервы... сдерживать их становится все трудней и трудней... Надо бы вернуться к сыну, приласкать и успокоить его, но увы! У меня — срочные дела, и на «лирику» нет времени. У меня нет времени на больного сына, потому что мне нужно достать доски! У меня никогда не остается времени и физических сил на сына и на мужа.

Какой-то парадокс: вроде бы моя семья — мой сын и мой муж — составляет смысл моей жизни, но вместе с тем мне не до них. Я настолько устаю и изматываюсь ежедневно в «борьбе за жизнь» — в поисках продуктов и одежды, цветных карандашей и тетрадей, постельного белья и мыла, туалетной бумаги и шампуня для волос, простаивая часами в магазинах и таская, как верблюду, непосильные ноши, что все мои силы, здоровье уходят только на это.

«Это» составляет смысл моей жизни, ради «этого» я живу на свете, ежедневно вспоминая перед сном, вместо молитвы, недобрый словом всех тех, кто повинен в том, что создал такую жизнь нам, советским женщинам, лишив нас земных женских радостей, заменив их только одной: радостью по случаю приобретения куска неудобоваримой колбасы или еще чего-нибудь такого же «качественного», нашего родимого производства. Одно утешение, что это не только мой удел, что так живут в своем большинстве все наши женщины...

...В очередь за грузовым такси меня впустили без скандала, и я довольно быстро получила машину. Въехав на ней во двор магазина и найдя тех двух грузчиков, я радостно дала им распоряжение:

— Все в порядке! Машина подана, можно грузить!

— А что грузить-то? — не поняли они.

— Я же с вами уже говорила! Половую доску!

— А где вы ее видите?..

Только теперь я увидела, что высоченная гора половой доски, пока я ездила в Москву,

исчезла, и лишь кое-где виднелись аккуратно уложенные и перевязанные проволокой стопки. Внутри у меня что-то оборвалось, забегало по всем моим клеточкам и остановилось в горле тугим, соленым комком. Сквозь слезы, навернувшиеся в глазах, я плохо видела грузчиков. Они двоились.

— Как же так... я же просила вас... я предчувствовала... у меня и машина есть... Что же мне теперь делать? — я моргнула, слезы скатились по щекам на куртку, и теперь я хорошо видела их перед собой. — Может быть, вы знаете, когда еще привезут эту доску?

— А кто ее знает! Может, в конце года и подкинут для плана. Да не расстраивайтесь вы так! Звоните! Узнавайте!

— Да, да... конечно... спасибо...

Я стояла на месте, не в силах сдвинуться.

— Ну, что вы стоите?! — крикнул мне шофер грузовика через окно кабины. — Мы едем или не едем?!

— Извините, мы не едем... вы свободны...

— Морочат людям голову! Сами не знают, что им делать, то ехать, то не ехать! — сердито проговорил он и, рванув машину с места и обдав меня удушливым отработанным газом, скрылся за воротами.

Я действительно не знала, что мне теперь делать, и как приклеенная продолжала стоять на том же месте. «Что это со мной? Может, меня парализовало? — подумала я и пошевелила пальцами рук и попробовала согнуть ноги в коленях. — Нет, как будто бы пока все в порядке. Пока. Но когда-нибудь это непременно со мной случится. Сколько можно?..»

Мимо меня пробежал с какими-то бумагами в руках тот самый пенсионер, который просвещал меня с утра. Увидев меня, он притормозил и весело поинтересовался:

— Ну как успехи? Все в порядке?

Я помотала головой. Боялась разреветься и потому молчала. Он подошел ко мне.

— Ну, что же вы... я думал, что догадаетесь... Надо было «на лапу» дать. Старший продавец решает этот вопрос в пять минут. Вон, видите, сколько с его разрешения отложено досок. За такой дефицит, как половая доска, надо было раскошелиться!

— Я не знала. Я ведь в первый раз. А сколько надо за это давать?

— За то, чтобы отложить? Эта «услуга» стоит 15 руб. за куб.

— Это грузчики берут 15 рублей за куб, за погрузку! А ему-то за что? Он ведь не работает, руки в карманах держит!

— Эх, милочка! Да вы словно бы с луны свалились! Где вы живете? У нас все не как у нормальных людей, все шиворот-навыворот. Кто работает, тот едва концы с концами сводит, а у кого руки в карманах — тот и в порядке. Он ведь еще и с грузчиков мзду берет.

— С грузчиков? За что?!

— За то, что разрешает им здесь подхалтурить. По нашему советскому «сервису» в этих магазинах грузчики для покупателей не предусмотрены. Грузи, мол, как захочешь, независимо от того, кто ты есть — мужчина или женщина, старый или молодой. Ну а если даже и мужчина, и молодой к тому же, да разве под силу ему одному перекидать в машину двести-триста штук тяжелых трехметровых досок или, того еще похлеще, бревен?! Нет, конечно! Вот и подсутились местные алкаши на разовую работу. Сколотили бригаду из всякой пьяни безработной. Они много не требуют, главное, чтоб на выпивку после работы было, а основной куш идет старшему продавцу. За то, что разрешает им здесь подработать. Ну, вроде бы это его частная лавочка. Понятно?

— Так это же — мафия! Надо директору магазина обо всем рассказать!

— Нет, ну вы правда как с луны свалились! Да без ведома директора здесь ничего не делается. И он тоже с этого имеет хороший кусок! — объяснил он мне.

— Так это надо разоблачить! В милицию заявить или в газету написать! — возмутилась я.

— Ну, пишите, пишите, коли у вас времени свободного много и здоровье позволяет! Ничего вы не добьетесь, только нервы себе измотаете! Послушайте моего совета: не

усложняйте себе и без того трудную жизнь. Живите как все. Надо «дать» — давайте! А правду у нас не ищите, все равно не найдете! Многие «правдоискатели» по сей день кто в тюрьме, а кто в психушке «отдыхают», за поиски правды. Вот так-то, милочка! Ну, счастливо вам! — проговорил он все это скороговоркой и трусцой побежал к старшему продавцу. Протянув ему квитанции, улыбнувшись, как хорошему другу, и пожав ему на прощание руку, он сел в кабину с шофером в груженный досками доверху грузовик и уехал.

Я тряслась обратно в Москву электричкой, и всю дорогу перед глазами у меня зияла огромная дыра в полу с провалившейся туда мебелью.

— Да не убивайся ты так! — посоветовал мне дома муж, видя, что я так расстроена, что даже отказалась от ужина. — В конце концов, половая доска — это сейчас не самое главное. Ремонт дома надо начинать с фундамента. Дядя Митя сказал, что достать кирпич на заводе совсем несложно. — И, не увидев в моем облике даже намек на энтузиазм на этот счет, он ободряюще добавил: — Я бы сам с огромным удовольствием съездил, так ведь я на работе целый день!

...В двухэтажном облезлом здании конторы кирпичного завода было пусто, тихо, темно и пахло сыростью. «Как во время войны, — почему-то вспомнила я военные фильмы, — только тогда хоть таблички вешали: „Все ушли на фронт“». А сейчас и спросить-то не у кого. Ни души. Все комнаты закрыты. Я еще раз прошла по пустынному коридору. В одной из комнат мне послышался какой-то шорох. Я постучала. Шорох смолк, и в двери залязгал открываемый кем-то замок. На пороге показалось недовольное лицо. Хозяйка лица, как оказалось бухгалтер, проговорила, что она «абсолютно не в курсе», и опять закрыла дверь, почему-то на замок. В другом конце коридора «зацокали» каблучки, и я пошла навстречу этому звуку. Молодая, высокая полная брюнетка с пакетом пирожков в руках, покачивая широкими бедрами, выплыла мне навстречу из-за угла и представилась секретаршей. Она круглыми непонимающими глазами смотрела на меня, когда я объясняла ей причину своего визита, и, оставшись равнодушной и безучастной к моей проблеме, отрешенно проговорила:

— Ищите замдиректора товарища Воронкова. Он где-то на территории завода.

На огромной заводской территории, грязной и пыльной, было шумно от снующих туда-сюда грузовиков, груженных кирпичом, и царила полная неразбериха. Меня посылали от одного здания к другому, от вахтера я бежала к начальнику цеха, а потом наоборот. Мне называли фамилии каких-то людей, которые якобы только что «видели Воронкова» и «знают, куда он пошел». Проколесив таким образом больше часа, наглотавшись пыли, извозив ноги в грязи, наслушавшись от шоферов громкой матерной брани, но так и не найдя этого загадочного Воронкова, я побежала обратно в контору в надежде найти его в своем кабинете.

— Не появлялся? — спросила я у секретаря.

— Воронкова, что ли, ищите? Так его в это время на заводе уже не бывает! Его с утра ловить нужно, — ответил за нее какой-то мужчина в грязной спецовке, который звонил по телефону. — С восьми до девяти.

На следующее утро я встала ни свет ни заря и в половине седьмого утра уже сидела в электричке. В вагоне, кроме меня, было еще несколько пассажиров — помятых и непромытых мужчин с хмурыми лицами, сидящих в одинаковых позах на жестких, холодных скамейках с прислоненными к стеклу запрокинутыми головами и продлевающими, таким образом, по дороге на работу свой ночной сон. Я смотрела на них и думала: «Вот они, создатели нашего светлого будущего! Те, которые должны были уже жить при коммунизме! Государственные люди, живущие на государственной земле, в государственных квартирах, получающие символические государственные зарплаты, создающие государственный продукт, который у них отбирается государством и распределяется на государственное усмотрение. Несчастные, обманутые, недееспособные, лишенные права что-либо решать за себя, нелепо и бессмысленно прожившие свою жизнь...»

...Электричка шла медленно, словно бы тоже не выспалась, останавливалась на всех

остановках, неторопливо открывая и закрывая двери, и, почти что пустая, все отдалялась и отдалялась от Москвы. Было уже восемь, когда она прителепалась, наконец, в Софрино. Я выскочила из тамбура на платформу и всю дорогу до конторы пробежала бегом. Сердце мое колотилось и рвалось на части от мысли, что я могу опоздать и не застать на месте Воронкова. Делая над собой последние усилия и преодолевая лестницу через две ступеньки, я взлетела на второй этаж и, стараясь дышать ровнее, вошла в приемную.

— Ушел на территорию, — коротко и нелюбезно буркнула мне секретарша, стоя ко мне спиной и включая электрический чайник.

Обегав кругами несколько раз всю огромную, пыльную территорию завода и не найдя там Воронкова, я снова побежала в контору. От этой утренней часовой многокилометровой пробежки я изрядно согрелась, и пот струйками стекал по моей спине и по лбу. Воронкова на месте не было.

— Да, был, — сказала секретарь, глядя на себя в маленькое зеркальце и подмазывая ресницы, которые, видимо, не успела намазать дома, — но уже уехал по делам в Москву. Сегодня его не будет. Приезжайте завтра к 8 утра.

— Как уехал?! — я смахнула с брови соленую, теплую струйку, чтобы она не попала мне в глаз. — Еще ведь девяти нет?!

— Вас забыл спросить, когда ему ехать и что ему делать! — секретарша оторвалась от своего изображения в зеркальце и сердито посмотрела на меня. Я явно начала ее раздражать своими вопросами. — Вы думаете, что ему больше делать нечего, как сидеть в кабинете и вас ждать?!

— Нет, я так не думаю... извините... спасибо.

У меня не было сил ни рассердиться, ни обидеться, ни расплакаться. Было очень странное состояние, которое я испытывала в последнее время все чаще и чаще. Его трудно передать словами, и думаю, что ни один человек из цивилизованного мира не понял бы, что это такое, но мы, живущие в нашей дикой, бесправной и бесчеловечной Империи, испытываем его почти постоянно. Это чувство какой-то «подвешенности» в воздухе, какое-то «третье» состояние, нечто среднее между жизнью и смертью. Да, именно так! Это еще и не физическая смерть, но и не человеческая жизнь!

Ноги машинально вынесли меня на улицу, к дверям конторы, и я остановилась здесь в оцепенении, не соображая, куда мне идти и что делать дальше. В голове и в душе была абсолютная пустота. Ни на что не надеясь, совершенно бесцельно я побрела на территорию завода... Постепенно голова моя начала работать, и проснувшаяся слабая мысль все крепла и крепла, крутясь и повторяясь, словно заклинив, на одном месте: «Здесь я тоже ничего не добьюсь... ничего не добьюсь...» Уезжать, однако, в Москву мне не хотелось. Дойдя до того места, где голосистые крановщицы грузили на машины поддоны с кирпичом, я остановилась и долго смотрела на них и на выруливающие из длинной, скучной очереди грузовики, заполняющиеся у меня на глазах горками из яркого красного кирпича. «Кто эти счастливицы?» — с завистью думала я.

— За кирпичом приехали? — прозвучал у меня над ухом раскатистый бас.

Я вздрогнула от неожиданности. Подошедший ко мне высокий, грузный пожилой мужчина с белыми как лунь волосами, с орденскими планками на светло-сером пиджаке добродушно улыбался. Не дождавшись от меня ответа, поспешил поделиться со мной своей радостью.

— Моя очередь скоро подходит! Вон мой грузовик — третий, с голубеньким кузовом, видите?... А ваша когда?

— А моя — никогда. Я просто так здесь стою. На экскурсию из Москвы приехала, — невесело пошутила я и рассказала ему про свои хождения по мукам.

— Представляете, я нигде ничего не могу добиться! Кругом — глухая, непреодолимая стена! Нам срочно нужен ремонт дома. У нас обвалился пол, произошла катастрофа, а никому нет никакого до этого дела!

— Эх, милочка! Да вся наша жизнь — одна большая, всеобщая катастрофа!

Нравственная и социальная! Вот взять хотя бы меня. Я фронт прошел, правительственные награды имею, сорок лет на заводе оттрубил. И что в результате? Квартира 28 кв. м и пенсия сто тридцать два рубля, на которую еле-еле концы с концами свожу. А уж коснись того, если что-то купить надо, так такого унижения натерпишься, что ничего не захочешь! Мне как участнику войны специальное разрешение на покупку кирпича дали, так я с этим разрешением в кармане и с валидолом под языком десять дней вот тут, где мы с вами сейчас стоим, простоял. Нет кирпича, и точка! Другим грузят, а мне — нет! «Это для организаций!» — говорят. Спасибо одному доброму человеку! «Надо, — говорит, — дать тем, кто грузит, пару красненьких бумажек. Сразу кирпич найдется». Так я и сделал. Не подмажешь — не поедешь! И везде так! Вот в чем наша катастрофа!

— Господи! Да я согласна «подмазать», только не знаю кому и как! Мне бы хоть какой-нибудь бракованный, битый кирпич достать, на фундамент! — взмолилась я.

— А вот мы сейчас узнаем. Может, и поможем вашей беде, — седовласый ветеран улыбнулся и хитро, по-молодому подмигнул мне. Он подошел к крановщице, вероятно к той, с которой уже имел «деловые отношения», и о чем-то переговорил с ней. Она показывала рукой туда, откуда выезжали вагонетки с кирпичом.

— Идите сюда! — крикнул ветеран и помахал мне. Я рванула к нему со всех ног.

— Пойдемте! Надо найти Сергея Ивановича, он может сделать, — сказал он мне, когда я подошла к нему.

Переступая через усеявшие землю кирпичные обломки, мы направились к зданию, из которого «выезжал» кирпич. Это был цех по изготовлению кирпича, и там предстояло нам провести переговоры «на высшем уровне» с начальником цеха.

Сергей Иванович оказался невысоким, очень худеньким молодым человеком, почти мальчиком, с большими голубыми глазами, с пухлыми губами и с детским, ангельским выражением лица. Выслушав моего попутчика, он серьезно сдвинул белесые брови и мальчишеским, ломающимся голосом сказал:

— Я, как работник завода, имею право выписать на себя «неликвид». Это — формально, на бумаге. Отберу, разумеется, самый лучший. Стоить это будет 50 руб. за куб. Сколько вам надо?

— Мне на фундамент нужно... — я осеклась под серьезным, предостерегающим взглядом ветерана. Он покачал мне головой и сказал юному начальнику.

— Побойтесь Бога, Сергей Иванович! За «неликвид» — 50 рублей! По госцене это 10 руб. стоит!

— А вы достаньте по госцене! — пустил «петуха» Сергей Иванович. — Да я не навязываюсь, вы сами ко мне подошли! Не хотите, не надо! — он повернулся и хотел уйти. Я схватила его за рукав, испугавшись, что он уйдет, и закричала:

— Хотим, хотим!!!

Сергей Иванович потоптался на месте и обиженно прошлепал пухлыми детскими губами:

— Ну ладно... — он закатил кверху глаза и, как двоечник в школе, начал закладывать пальцы, производя «сложные» математические подсчеты. — Три куба — это 150 рублей... плюс машина... подъезжайте завтра после обеда и привозите 200 рублей... Все будет путем... квитанцию оформим... Да вы не сомневайтесь, это недорого! Я же не один, мне с начальством делиться нужно. Зато завтра будете с кирпичом. А иначе не достанете, только время зря потеряете!

— Вот мерзавец! — сказал ветеран, когда мы вышли на улицу. — Совсем ведь мальчишка, а туда же! Только, поди, техникум закончил, без году неделю работает, а уже научился взятки брать! Ясно, его, конечно, заставили. Вы слышали, как он сказал: «Мне с начальством делиться нужно!» До чего же у нас все глубоко прогнило! Нет! Тут никакой перестройкой не отделаешься! Здесь все ломать надо и на чистом месте заново строить! Только так!!!

На следующий день я, счастливая, будто бы выиграла в лотерею тысячу рублей,

выехала с территории завода в кабине старого, скрипящего грузовика, в кузове которого лежал некондиционный кирпич. Подъехав по размытой дождями и разбитой тракторами грязной, в колдобинах и рытвинах, грунтовой дороге к дому, шофер спросил:

— Как выгружать будем? Если вручную, то еще четвертной подкинуть надо!

К большому стыду, денег у меня больше не было. Он открыл задний борт грузовика и с шумом высыпал «драгоценный» груз на землю, подняв столб красной пыли.

К горке кирпича начали подходить соседи. Ни одно событие в деревне, а тем более такое «выдающееся», не оставалось без внимания.

— На фундамент пойдет! — одобрил дядя Митя.

Появившийся откуда-то Мишка, мужик лет шестидесяти, с высохшим, синюшным лицом, которого в деревне никто и никогда не видел трезвым, подошел на нетвердых ногах, поднял кирпич, покрутил его в руках и, поглядев на меня маленькими мутными глазками, спросил:

— Почем платила?

Я сказала. Мишка длинно и красноречиво выругался.

— И за такое-то говно ты двести рублей отдала? Ты что, охренела, что ли? Что же ты меня не попросила? Да я бы тебе за эти деньги классный бы кирпич достал у солдат в воинской части. Армия наша ой-ой-какая богатая, у них что хочешь купить можно, хоть танк! Кстати, тебе танк не нужен?.. Нет? А вертолет?.. Тоже нет? Может, станковый пулемет нужен?.. Я серьезно... Да говори, не бойся. Я не кусаюсь!

— Ну чего ты хундры-мундры разводишь! Ты по делу говори! — вступилась за меня тетя Настя. — А то ты будто не знаешь, что у ней дом завалился и надуть его подымать. Помогни, Мишка, девке!

— Это нам раз плюнуть. Что нам стоит дом построить! — Мишка пошлепал себя ладонями по груди и по тощим ляжкам, словно собираясь сплясать цыганочку, и пропел:

Ты здесь — хозяин, а не гость,
Тащи с «военки» каждый гвоздь!

Сделаем! — пообещал он и поинтересовался. — Как звать-то тебя?

— Элеонора...

— Как, как?! — Лицо его вдруг приняло серьезное, почти трагическое выражение. Он смотрел на меня в упор, не мигая, шевеля губами, словно бы силясь прочитать у меня на лбу это диковинное, неслыханное доселе имя, и никак не мог этого сделать.

— Слушай, повтори, а? — попросил он. — Я что-то не врубился.

Я поняла, что Мишке ни за что не одолеть «Элеонору» и облегчила ему жизнь:

— Элла.

Мишка одобрительно боднул головой воздух.

— Ну так бы сразу и сказала. Это совсем другое дело. Не дрефь... как тебя там... — Я подсказала Мишке свое имя. — Не дрефь, Алла! — сказал Миша. — Такой дом тебе отгрохаем, что даже у Райки от зависти челюсть отвиснет! Поняла? — Он наклонился ко мне и, дыша мне в лицо зловонной смесью перегара, чеснока и дешевого табака, поведив у самого моего носа пальцем, доверительно, тихо повторил: — Даже у Райки отвиснет! — И уже громко добавил: — Весь материал — по госцене идет!

— Вроде бы раньше за «левый товар» полцены брали, — осторожно напомнила тетя Настя.

— А ты еще вспомни, как в целках ходила, — прикрикнул на нее Мишка. — Ну и народ, а?! Когда это было?! В застоино-застольный период?! Пятый год вся страна перестраивается, а они все по старинке живут! Да у нас, если хотите знать сейчас — ин-фля-ция и тотальный де-фи-цит, — с трудом выговорил он всем набившие оскомину газетные слова и гордо замер под уважительным взглядом соседей, никогда не слыжавших от Мишки ничего, кроме мата, и сраженных наповал его интеллектом.

Я молчала, не зная, что мне делать... Скупать ворованное?.. Но я никогда ничего подобного в жизни не делала. Я выросла в семье, где мне внушали с пеленок: «Надо жить честно! Стыдно делать то, что противоречит понятию СОВЕСТЬ! Стыдно! Стыдно! Стыдно!» И я всю жизнь старалась жить по совести, даже улицу никогда не переходила в неполюженном месте. Строго блюла наши советские законы и подзаконы, инструкции, порядки и постановления. Словом, была образцовым гражданином своей великой страны, с полным джентльменским набором, присущим таким «честным гражданам», как я: нищенской зарплатой, постоянными лишениями и унижениями и постоянными запретами — «НИ-ЗЯ!». Все, что по закону, который хорошо продумывался и создавался ТАМ, НАВЕРХУ, чтобы держать нас, честных придурков, в постоянном повиновении — «НИ-ЗЯ!». Нам — «НИ-ЗЯ!», а им все можно! Оттого мы — это полуголодные, полураздетые, забитые рабы, а ОНИ, наши хозяева, давно уже живут при коммунизме, том самом, ради которого они и совершили семьдесят лет назад свою преступную перед народом акцию.

— Ну чего ты еще раздумываешь? — прервала мои далеко идущие мысли тетя Настя.

— И нечего тебе думать! — зашумели соседи. — Мы уж прошли через это. По сей день наши крыши дырявые были бы, кабы не солдатики. Пока ты в наших магазинах купишь что-нибудь, так полжизни потеряешь, состаришься раньше времени. А тут тебе как королеве прямо готовое к дому подвезут и за машину не возьмут...

— А чего за нее брать, — перебил их Мишка, — коли машина государственная, а бензин — бесплатный, дармовой.

— Ну, вот видишь! Соглашайся! — шумели соседи.

— Ну чего вы к девке пристали? Может, она хочет по-честному все делать. А вы ее в грязь толкаете! — визгливым фальцетом закричал вдруг восьмидесятилетний дядя Митя.

— Чья бы корова мычала, а твоя бы уж молчала! — набросилась на него тетя Настя. — А то мы, наверное, не знаем, как ты себе летнюю дачку, баню да сарай сообразил! — Она повернула ко мне свое взволнованное лицо. В ее прищуренных глазах блестел сердитый огонек. — Сын его старшой, Витька, — директор продуктовой базы в «Заветах Ильича», что находится аккурат супротив базы стройматериалов. Так они с тем мордатым директором, что разъезжает на заграничной перламутровой машине, такие дела делают... что ни в сказке сказать, ни пером описать... Они, поди, не только «Заветы Ильича» в своем кулаке держат, но и весь район. А может, и до Москвы уже добрались, тут недалече. У-у-у, мафия проклятая! Ворюги безбожные! Через таких весь честный народ гололопый ходит!

— Ой, не могу! — захихикала пенсионерка Мария Ивановна, дачница из Москвы. — Обхохочешься с вами! И в цирк ходить не надо! Ну и дела! Ну и назавещал вам Ильич!

— Кому нам?! А тебе не назавещал?! Мать твою так... — Мишка грозно двинулся к Марии Ивановне. — И вообще, ты кто здесь такая, чтобы рот открывать?! А ну, отвали отсюда!

Мария Ивановна, обиженно поджав губы на пухлом лице, тряхнув двойным подбородком и буркнув «грубиян невоспитанный», быстро засемила на тоненьких, кривых ножках к дому.

— Ну?! — Мишка выжидающе посмотрел на меня. Соседи молчали. Повисла пауза.

— Ну ладно... доставайте, — неуверенно проговорила я, в глубине души надеясь, что все это — пьяный треп и что наутро Мишка забудет об этом своем обещании. Но Мишка не забыл и не натрепался. Он достал все, что обещал...

Время от времени к дому подъезжали КРАЗы и КамАЗы с военными номерами и что-нибудь сгружали. Территория вокруг дома напоминала большую строительную площадку: желтели горки песка, пестрел гравий, краснел отборный кирпич. Ждал своей очереди аккуратно сложенный шифер и штaketник. Под прозрачной пленкой красовался тес. Работа кипела вовсю. Нанятые нами два плотника-самоучки из соседней деревни, закончив подводить фундамент, настилали пол из отменной половой, шпунтованной доски. Я смотрела на все это, радовалась и мне до сих пор еще не верилось, что проблема, которая

еще совсем недавно казалась мне неразрешимой, решена так легко и просто.

Мишка, словно прораб, крутился тут же и, с трудом держась на ногах, давал плотникам советы. Я остановилась на пороге, не решаясь ступить на белый струганный новый пол. В доме приятно пахло древесиной.

— Ну как, хозяйка? — увидев меня, развел в сторону руки Мишка, словно готовясь обнять меня. — Дела идут, контора пишет?.. Вот то-то! Мишка слов на ветер не бросает! Сказал — сделал! Сервис! — Он выплюнул на новый пол маленький сжеванный окурок и поднял кверху желтый прокуренный палец. — Фирма «Мы наше советское счастье из крепких не выпустим рук» и Мишка — ее президент! — посмотрел на меня мутными глазами, слегка покачиваясь взад-вперед, и вдруг спросил:

— Наш уговор помнишь?.. Так где же водка?..

— Помню я про водку. Пока нигде не могу ее купить. Не волнуйтесь, будет вам водка.

— А я вот волнуюсь, потому что такое дело обмывать полагается, а ты динамо крутишь!

— Да ничего я не кручу. Не можем мы найти водку. Ищем и я, и муж. Найдем и отдадим вам за ваши труды. Обязательно отдадим!

Мишка посмотрел на меня недобрый, недоверчивым взглядом.

— Ну-ну... а то смотри...

— Господи! — взмолилась я. — Хоть бы поскорей наша перестройка закончилась и все изменилось бы у нас! Чтобы жили мы по совести, по-человечески! Чтобы в магазинах все было! Чтоб стали мы добрее друг к другу...

— Ну, заблуждала... как тебя там... Эмма, что ли... Ты чего, дура, что ли? Ты в перестройку, что ли, веришь? — перебил меня Мишка. — Ну, ты даешь! Так это же та же самая Евдокия, только в другом сарафане. Раньше нам мозги пудрили со «светлым будущим», а теперь с «перестройкой». Подождите, мол, граждане-товарищи, скоро все будет «хоккей»! Сами, суки, икру ложками жрут и коньяком запивают, а нам все удавку на шею затягивают и просят: «Потерпите!» Тьфу, твари! — Он сплюнул и погрозил мне пальцем. — Про водку не забудь! — и пошел со двора, заорав пьяным, дурным голосом на всю деревню:

*Перестройку мы встречали
И от радости кричали,
А как подытожили,
Стало ясно: Дожили!*

*Водку мы теперь не пьем,
Колбасу не кушаем,
Все у телика сидим,
Длинные речи слушаем!*

*Дайте улицу пошире,
Шайка жуликов идет:
Лигачев гармошку тянет,
Мишка песенку поет.*

Я смотрела вслед хмельному Мишке и думала: в доброе время и песни-то добрые складывал русский мужик, а в смутное...

Неожиданно заморосил колючий холодный дождь, сорвав со старого клена первый желтый лист — предвестник осени. Заканчивалось долгожданное, короткое лето. Подошел к концу мой законный отпуск.

1990 г.

Господи, не прощай нас!

Они гуляли вдвоем, по три раза в день, в одно и то же время. По их прогулкам можно было проверять часы. Ходили они по асфальтовым дорожкам дворового сада неторопливо, часто останавливались и подолгу отдыхали, словно бы щадя друг друга. Я часто видела их из окна и всякий раз, глядя на эту пожилую пару, была растрогана их привязанностью друг к другу, заботой и нежностью, исходившей от них. Чувствовалось, что они — одиноки в этой жизни, что их только двое: она и он.

Она — это моя соседка этажом выше, а он — ее собака Тишка.

Пятый год я живу в этом доме и пятый год ежедневно наблюдаю эту картину. Не скрою, что поначалу я недоумевала, как, видимо, и все, глядя на эту старую женщину с маленькой, непородистой разжиревшей собачонкой, к тому же изуродованной возрастной грыжей, которую даже летом заботливая хозяйка подвязывала серой рваной шалью. На фоне молодых, резвых, породистых пуделей, колли и фокстерьеров, которые в последнее время вошли в моду и наводнили наш двор, эта женщина со своей собакой представляла жалкое и уродливое зрелище. Собака, похожая скорее на поросенка, до того она была кругла и толста, что, видимо, доставляло ей самой немало неудобств в жизни, да еще эта нелепая шаль...

Однажды мы встретились в лифте. Они собирались на очередную прогулку. Я не стерпела и спросила: «Зачем вы так изуродовали собаку, для чего так раскормили ее?», хотя, честно говоря, хотела спросить: «Для чего вы мучаетесь с этой собакой? Почему не усыпите ее?» И хорошо, что не успела задать ей этот бестактный, бездушный вопрос.

Анастасия Павловна, так звали эту женщину, ответила мне тогда:

— Тишка очень мало ест. Я буквально впихиваю в него еду. А толстый он потому, что больной. Сахарный диабет у него, астма, сердечная недостаточность. Старенький он уже, пятнадцатый год ему пошел. Помножьте-ка на семь...

Потом, всякий раз встречаясь с ними, я справлялась о здоровье Тишки, а благодарная за это Анастасия Павловна рассказывала мне все новое и новое о Тишке и о своей жизни.

... Однажды под вечер, возвращаясь откуда-то домой, она увидела в подъезде троих мальчишек, мучивших щенка. Он был очень мал и слаб. Они скидывали его с четвертой ступеньки на каменный пол. Щенок распластывался на все четыре лапы, громко кричал, моля о пощаде, а юные пионеры в красных галстуках весело хохотали, наслаждаясь медленным убийством беззащитного, маленького существа.

Когда Анастасия Павловна вошла в подъезд, щенок уже не смог подняться с пола и только тихонечко стонал. «Чей это щенок? Что вы с ним сделали?..» Ребята не отвечали. «Что вы тут делаете в этом подъезде? Где вы живете?..» — продолжала задавать вопросы Анастасия Павловна. Ребята врассыпную бросились наутек. Она подняла щенка. Он сильно дрожал и лишь изредка продолжал тихонько стонать, словно всхлипывать. Анастасия Павловна принесла его домой, в свою однокомнатную квартиру, где жила одна. Это было почти пятнадцать лет тому назад. С тех пор они никогда не разлучались. Тогда она с трудом выходила его, отнеся на следующее утро в ветлечебницу, где Тишке наложили шину на перебитую переднюю лапку. Кормила его насильно, вливая ему в защечинку по чайной ложке молоко с желтком и раз в день выносила его на руках погреться на теплое весеннее солнышко. Тишка выжил, окреп, подрос и, в благодарность своей спасительнице, своей маме, — а Тишка считал это именно так, потому что своей настоящей мамы он не знал и не помнил — он на все годы полюбил больше жизни эту женщину и был ей предан, как только может быть предана собака человеку.

— Может быть, стыдно и грешно говорить об этом, — поведала мне Анастасия Павловна, — но люблю я его больше своего сына. Он же все понимает, только сказать не может. У меня неприятности были одно время с сыном и с невесткой, обижали они меня сильно, и я часто плакала, так Тишка сядет рядом, в глаза мне смотрит, а у самого из глаз слезы катятся: «Не плачь, мол, а то я тоже буду с тобой плакать». А если я заболела и слягу в постель, то ляжет возле кровати, положит морду на мои тапочки и будет лежать, не двигаясь, без еды и воды, пока я не встану. А от сына родного я всю жизнь только грубость и обиду

терплю. А теперь и вовсе обо мне забыл, с тех пор, как в Норильск с женой на заработки уехал. Шестой год ни одного письма...

Прозвучавший в восемь утра телефонный звонок недобрым предчувствием ударил мне в сердце. «С вами говорят из двадцатой городской клинической больницы. Вас просит приехать Гуляева. Ее с инфарктом вчера привезли».

— Но вы, вероятно, ошиблись. Я не знаю никакой Гуляевой.

— Некогда мне с вами выяснять, — раздался в трубке нетерпеливый голос. — Просила больная вам позвонить. Гуляева Анастасия Павловна.

Отложила все дела и поехала в больницу. Анастасия Павловна лежала в коридоре, так как мест в палате не было. Возле ее кровати стояла капельница.

— Ничего, завтра меня обещают перевести в палату, — успокоила она меня, увидев мое растерянное лицо. — Спасибо, что пришли... Это вчера вечером случилось, когда мы с Тишкой третий раз гулять пошли... — говорила она с трудом, делая большие паузы. — У меня вдруг голова закружилась, стало трудно дышать и загло в груди... а больше ничего не помню... очнулась вот здесь... Не знаю, куда мой Тишка подевался... Не поправлюсь, пока не узнаю, что с ним. Все лежу и думаю, не поймала ли его «будка»... не дай бог, к ним попасть и мученическую смерть принять... они там издеваются страшно, а Тишка и так в детстве натерпелся... Хочу просить вас съездить в цех отлова. Говорят, они отдают собак за деньги... За любые деньги, сколько бы ни попросили, заберите Тишку... Не заживет мое сердце, если Тишка где-то страдает... Некого мне просить, кроме вас... Вы уж меня извините, дуру старую, за мои причуды, вам, может, и не понятно это, но мы с Тишкой большую жизнь вместе прожили. — Она отвернулась к стене и часто-часто задышала.

— Анастасия Павловна, не надо волноваться, — постаралась успокоить ее я. — Для вас сейчас самое главное поправиться. А я обещаю вам, что съезжу в этот цех... непременно, завтра же, с утра.

Этот заповедник варварства и средневековья, где творятся непостижимые злодеянья, находился за городом, вблизи свалки, куда добраться можно было только на такси или на личной машине от окружной дороги. Еще далеко на подступах к этому страшному зданию были слышны душераздирающие крики животных: кошек и собак. Я с чувством ужаса перешагнула порог убогих ржавых ворот территории и остановилась в нерешительности. Откуда-то появившийся грязный, небритый, пьяный сторож, заискивающе улыбаясь, спросил: «За кошечкой приехали или за собачкой? А вот мы сейчас с вами поищем ваше сокровище. Идите за мной». Он повел меня мимо клеток с кошками, где находилось чрезмерное количество этих несчастных животных. В одной и той же клетке находились взрослые кошки и котята, родившиеся здесь же и устлавшие пол цветным ковром. Все были страшно худы, многие изранены, тут же валялись и трупы кошек. Я поинтересовалась, как кормят этих несчастных животных.

— А никак: питье и еда для них не предусмотрены, — ответил сторож. — Они же — мусор, утиль. Ведь цех-то наш утильный.

— Так что же? — спросила я. — Вы ждете, пока они умрут в страшных муках, прежде чем в дело их пустить?

— Ну нет, что вы, — обиделся сторож. — Что мы, изверги, что ли какие? Мы их гуманно умертвляем. Собак — током осветительной сети на 220 Вт, а кошек — в газокамерах. Правда, кошки живучие, гады. По несколько часов не хотят задышаться. Визжат, друг на друга набрасываются, разрывают друг друга и шкуры друг с друга сдирают. Цирк! Да и собаки тоже визжат от тока как резаные и корчатся в судорогах... Ну а что сделаешь, как их иначе, ведь не будешь всех вручную... Хотя иногда приходится помочь кому-нибудь, если слишком долго мучается...

— Не продолжайте, умоляю вас, — остановила я сторожа, чувствуя, что больше не в силах выдержать ни его рассказа, ни этой жуткой картины. — Покажите мне собак, отловленных вчера, и я уеду.

— А откуда я знаю, каких отловили вчера. Они у нас тут все вместе находятся. Ищите.

Я подошла к клетке, в которой находились собаки разных пород, большие и маленькие. Несчастные животные, увидев нового человека, с надеждой и мольбой в глазах выглядывали из-за спин друг друга: «Не их ли хозяйка объявилась, не вызволят ли их отсюда?»

— Тишка, Тишка, — позвала я слабым голосом, с трудом проглотив тугой, соленый комок в горле. Сквозь слезы я как сквозь пелену плохо различала собак.

— А может, ваш Тишка в машине, — вспомнил вдруг сторож. — Ее еще после вчерашнего не разгружали. Пойдите тут, я сейчас профессора, ловца нашего приведу. — Он явно старался, надеясь на вознаграждение.

— А почему «профессора»?

— А он у нас с высшим образованием. Институт железнодорожного транспорта закончил. Ловкий, зараза! Он и из-под носа у хозяйки породистую собаку уведет, и у старого или у малого с поводком из рук вырвет, и у магазина отвяжет... Из породистых шапки фирменные получают. Так он их на Рижском рынке по триста рублей после толкает: пуделей взамен каракуля, а колли как опоссум проходит.

«Профессор» оказался довольно быстро. Это был молодой, спортивного типа интересный мужчина, очень подвижный. И, как ни странно, с умным, интеллигентным лицом.

— Это правда, что вы из породистых собак шапки шьете? — спросила я его напрямик.

— И воротники тоже, — ответил он. — Не трудитесь. Не вздумайте мне читать мораль. Ненавижу морали! Хочу так же, как и ОНИ, есть черную и красную икру, мой сын любит электронные игрушки и американскую жвачку, а моя жена любит заграничные тряпки и французские духи.

— Так, если вам завтра предложат приличную сумму, вы и с человека кожу снимите? — В каком-то диком отчаянии от всего происходящего спросила я и пожалела.

В глазах «профессора» блеснул недобрый огонек.

— Ну почему же, — парировал он мне, наклонив голову, словно в реверансе. — С вас я бесплатно сниму.

Он открыл машину. Из будки потянуло запахом крови и смрада. От этих умоляющих собачьих глаз, от вида раненых и трупов, находящихся там же, — мне стало совсем нехорошо. Тишка лежал на боку. Я узнала его по серой шали. Я его погладила, но он уже не дышал.

— Ну, что же вы, берите... хоть кого-нибудь. Вы же очень сердобольная дама. Ведь не напрасно вы в такую даль на такси перлись... Чокнутые вы все с вашими собаками и кошками. И вы, и та, что полураздетая выскочила из дома и под колеса моей машины бросилась за своим облезлым котом. У нее ребенок в ванной остался, а она за котом бежит. Сдирал я шкуры с ваших собак и буду сдирать!

...Я попросила у таксиста сигарету, хотя сроду не курила. Затянувшись два раза подряд, я ощутила тошнотворное головокружение. «Что с нами происходит, — бормотала я всю дорогу. — Что происходит?»

— Да успокойтесь вы, — посоветовал таксист. — Жизнь наша, а особенно сейчас, ох какая суровая. Я вам вот что посоветую. Водка у вас дома есть? Ну и хорошо! Трахните дома с мужем по сто грамм! Здорово стресс снимает! На себе испытал. Я и то сегодня выпью. И черт меня дернул с вами сюда ехать. Теперь всю ночь не заснешь от их стона. Прямо «Освенцим» какой-то! Жалко, живые все-таки души... Так, куда вас?

— В двадцатую больницу.

По выражению моего дурацкого лица, которое всю жизнь подводило меня, Анастасия Павловна все поняла и тихо и, как показалось мне, даже спокойно проговорила:

— А я уже все знаю. Я сегодня сон видела. А с четверга на пятницу сны сбываются. Мне приснилось, что мой Тишка плывет один по реке на маленьком плоту и кричит как ребенок: «Ма-ма! Ма-ма!» А я стою на берегу и ничем не могу ему помочь. А его относит течением все дальше и дальше от меня... Это — конец нашей жизни...

— Ну что вы, Анастасия Павловна! Я приехала вам сказать, что сегодня я не успела

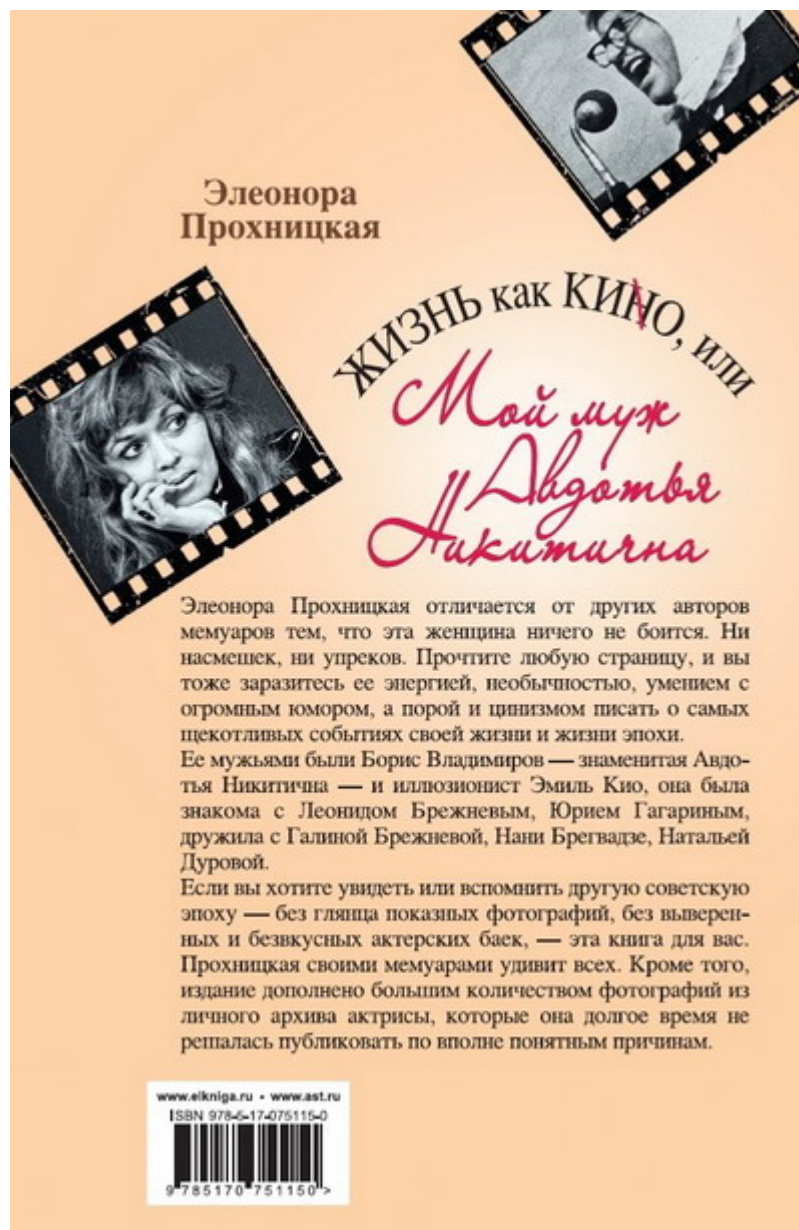
съездить туда, а завтра...

— Не надо, милая и добрая, не старайтесь... Я все знала до вашего приезда... Вот это письмо моему сыну, не считите за труд, отправьте, чтоб приехал, непутевый, похоронить свою мать... Можете считать меня сумасшедшей, но без Тишки я не смогу больше жить... как бы вам это объяснить... не о ком мне больше заботиться, потерял смысл в жизни... а без смысла... какая жизнь... она и без того у нас бессмысленная... Спасибо вам... утрудила я вас и не знаю, чем отблагодарить...

Анастасия Павловна умерла через два дня, хотя врачи и не предсказывали такого быстрого конца. Ее сыну я дала телеграмму. Хоронили мы ее на далеком кладбище, за окружной дорогой, вчетвером: ее пятидесятилетний сын, мой муж, я и наш девятилетний Сашка.

Мы стали прощаться с Анастасией Павловной. Саша вытащил из кармана курточки сложенный вчетверо бумажный листок и положил его в гроб. Он потянул меня за рукав и прошептал: «Я там Тишку нарисовал. Пусть они теперь будут вместе».

1989 г.



Приложение



Мои родители



С детства я была очень серьезной. Мне 3 года



Хореографическое училище. Москва, 1953 год



«Старые бабки»



Бывал у нас на даче и Вадим Тонков с женой Марой (в центре)



ГИТИС, 3 курс. 1958 год



Борис Владимиров — сталинский стипендиат. 1955 год. Вот таким я увидела Бориса во дворе ГИТИСа



Автограф Карела Готта: «Дорогая Эллочка! До скорой встречи!»



Перед нашим отъездом в Париж «Пари Матч» сделал мое фото в домашней обстановке с мужем-«инженером» Эмилем Кио



Я в окружении девушек из ансамбля «Радуга». Париж, 1964 год



«Пари Матч»: «Э. Прохницкая — Натали в „Лидо“»



1966 год



Премьера аттракциона Эмиля Кио. Я — слева. 1966 год



Эмиль Кио и я



Я — ассистентка Кио. Ленинград, 1966 год



Цирк. 1966 год



Я с Нани Брегвадзе. Франция, 1964 год



Наша встреча с Нани 30 лет спустя. Москва, передача «Старая квартира», 1994 год



15 июля 1978 года мы с Людвигом вступили в законный брак. Мне — 39, ему — 42



20-летие свадьбы с Людвигом. 1998 год



Новый 1987 год



Мамин 81-й день рождения. Москва, 19 января 1998 года



А. Инин, я, Б. Грачевский, С. Безруков на записи кинокапустника



Я с В. Абдуловым и В. Смирнитским



На нашей даче гостил Борис Грачевский



Звукорежиссер И. Моисеева, я, А. Белявский и Людвиг



Мы с мамой, Эмильчиком и Марусей. Нам всегда было очень хорошо вместе!



Людвиг стрижет пуделя Гошу, а Кеша сидит у него на голове



С любимчиком Сеней. 2003 год

© Прохницкая Э. Б., 2011

© ООО «Издательство Астрель», 2011

